

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN

№ 3 (36)

Part 2

Academic Journal

Series

History. Philology. Cultural Studies.

Oriental Studies

ARBOR MUNDI
THE WORLD TREE

Comparative Studies in Culture.

International Journal

Issue 25

Moscow

2018

ВЕСТНИК РГГУ

№ 3 (36)

Часть 2

Научный журнал

Серия

«История. Филология. Культурология.
Востоковедение»

ARBOR MUNDI
МИРОВОЕ ДРЕВО

Международный журнал
по теории и истории мировой культуры
Выпуск 25

Москва
2018

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валье, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

Е.И. Пивовар, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Гиндин, зам. гл. ред., канд. филол. н., доц. (РГГУ), Г.И. Зверева, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), И.С. Смирнов, зам. гл. ред., канд. филол. н. (РГГУ), П.П. Шкаренков, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), М.Л. Андреев, чл.-кор. РАН, д-р филол. н., проф. (ИМЛИ РАН), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Н.И. Басовская, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Г. Васильев, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Дурновцев, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.Е. Жигарина, канд. филол. н. (РГГУ), С.В. Карпенко, канд. ист. н., доц. (РГГУ), И.В. Кондаков, д-р филос. н., канд. филол. н., проф. (РГГУ), М.А. Кронгауз, д-р филол. н., проф. (РГГУ; РАНХиГС), Г.Н. Ланской, д-р ист. н. (РГГУ), Д.М. Магомедова, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Ю.В. Манн, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), И.Г. Матюшина, д-р филол. н. (РГГУ), А.Н. Мещеряков, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.Ю. Неклюдов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), М.П. Одесский, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Н.И. Рейнгольд, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Р.И. Розина, д-р филол. н. (РГГУ; ИРЯ РАН), Н.Р. Сумбатова, д-р филол. н. (РГГУ), Я.Г. Тестелец, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.И. Тюпа, д-р филол. н., проф. (РГГУ), П.Ю. Уваров, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), В.И. Уколова, д-р ист. н., проф. (РГГУ; МГИМО (У) МИД России), А.С. Усачев, д-р ист. н., доц. (РГГУ), И.О. Шайтанов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.А. Яценко, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Ответственные за выпуск: М.Л. Андреев, чл.-кор. РАН, д-р филол. н., проф. (ИМЛИ РАН)
Н.В. Брагинская, д-р ист. н., проф. (РГГУ)
А.Л. Доброхотов, д-р филос. н., проф. (НИУ ВШЭ)
И.Г. Матюшина, д-р филол. н. (РГГУ)
Л.П. Петрик, канд. филол. н. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Традиция и инновации в Средние века

По материалам Гаспаровских чтений 2016–2018

От оргкомитета 161

Н.С. Автономова

«Разговор из двух углов»: к истории несостоявшегося
книжного проекта М.Л. Гаспарова 162

Т.А. Михайлова

«...Потому он дважды повторяет слово *Бог*,
что хочет сделать сильнее и крепче свою хвалу»: о метрике
интродуктивной строфы к поэме «Чудо Колума Килле» 191

И.Г. Матюшина

Англо-скандинавские языковые контакты в Средние века:
диглоссия или билингвизм? 217

Т.В. Гимон

Предки-язычники в раннем историописании Англии и Руси 248

С.И. Лучицкая

«Печать пророков»: образ Мухаммада в *Corpus Tholetanum* 264

О.В. Попова

О транспозиции сальвационной функции
в структуре сюжетного блока о рождении Рыцаря с лебедем 283

Е.Н. Мошонкина

О риторических моделях Данте
в *Inferno XIII* 295

Переводы

Кристина Штоммельнская

Послание Петру Дакийскому (VII)
Перевод с латинского и комментарии М.Ю. Реутина 316

CONTENTS

Traditions and Innovations in the Middle Ages

Proceedings of the Gasparov Conferences 2016–2018

From the Organizing Committee 161

Natalia S. Avtonomova

“A conversation from two corners”:
towards a history of M.L. Gasparov’s failed book project 162

Tatyana A. Mikhailova

“...It is why he doubles the word *God* – on account of the rapidity
and avidity of his praising”: towards the metrics of the introductory
stanza to “Amra Choluim Chille” 191

Inna G. Matyushina

Anglo-Saxon and Old Norse language contacts:
diglossia or bilingualism? 217

Timofey V. Guimon

Pagan ancestors in the early historical writing of England and Rus 248

Svetlana I. Luchitskaya

The “Seal of the prophets”: the image of Muhammad
in the *Corpus Tholetanum* 264

Olga V. Popova

The transposition of the salvational function in the structure
of the thematic unit of the birth of the Chevalier au Cygne 283

Elena N. Moshonkina

Dante’s rhetorical models in Inferno XIII 295

Translations

Christina Shtommel’nskaya

A letter to Petrus de Dacia (VII)
Translation and commentaries by M.Y. Reutin 316

Традиция и инновации в Средние века

По материалам Гаспаровских чтений 2016–2018

От оргкомитета

Темой Гаспаровских чтений (РГГУ, 2016, 2018 гг.) впервые стали культура и литература Средних веков, изучение которых входило в сферу научных интересов М.Л. Гаспарова, так же как и античная литература, история, философия, риторика. Гаспаров известен прежде всего как филолог-классик, стиховед, теоретик литературы, однако о Гаспарове-медиевисте пишут редко. Между тем именно благодаря его переводам, комментариям и научным трудам русскоязычному читателю известна поэзия и проза латинского Средневековья, которая нередко недооценивается учеными, уделяющими главное внимание становлению национальных литератур. Исследования средневековой словесности, в частности статьи М.Л. Гаспарова о латинской поэзии в «Истории всемирной литературы» или его статья о поэзии вагантов, которую по объему и охвату материала следовало бы назвать монографией, могли бы сделать честь любому медиевисту. Его книга «Проблемы литературной теории в Византии и латинском Средневековье», написанная вместе с С.С. Аверинцевым, давно стала классикой. Переводы средневековых текстов, которые легли в основу трехтомника памятников средневековой латинской литературы, как замечали все, кому доводилось сравнивать их с латинским оригиналом, поразительно воспроизводят стиль и поэтику текста при максимальной дословной точности. Средневековые системы стихосложения образуют главную часть одной из самых известных книг Гаспарова «Очерк истории европейского стиха». Это единственная работа такого масштаба в мировой науке, в которой эволюция европейской поэзии прослеживается на материале 25 языков. Гаспаровым были исследованы все национальные системы стихосложения, в том числе и средневековые: германская тоника и романская силлабика и силлаботоника, славянская и балтийская народная силлабика и тоника. Расширив традиционные рамки стиховедения и выведя его из традиционного изучения ритмики, метрики, строфики, рифмы в области семантики и грамматики, М.Л. Гаспаров создал новую область филологии, «лингвистику стиха».

В конференциях приняли участие преимущественно филологи (германисты, кельтологи, романисты, скандинависты), но также историки, эпиграфисты, переводчики; их доклады были посвящены исследованию традиций и инноваций в средневековом тексте, его комментированию и истолкованию.

УДК 82-94

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-3-162-190

«Разговор из двух углов»:
к истории несостоявшегося книжного проекта
М.Л. Гаспарова

Наталья С. Автономова

*Институт философии Российской академии наук,
Москва, Россия; Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, avtonomovanatalia@gmail.com*

Аннотация. Жанр статьи – непретенциозный рассказ о том, «как мы работали вместе». М.Л. Гаспаров называл нашу совместную работу над разными темами – от Шекспира и Маршака до обэриутов, а потом над книгой о философии и филологии – «разговором из двух углов». «Два угла» – это, условно говоря, его филология и моя философия: несмотря на общность основных принципов отношения к гуманитарной науке и к самой идее научности, различие базового материала и дисциплинарных языков делало наше концептуальное общение непростым занятием. В статье представлены основные темы совместной работы М.Л. Гаспарова и Н.С. Автономовой, а затем показана предполагавшаяся структура несостоявшейся совместной книги (для «желтой серии» ИВГИ РГГУ, примерно 12 п. л.), ее разделы и проблемные узлы. По мысли Гаспарова, эта книга должна была стать экспериментальной и соединить под одной обложкой то, что сам он четко разводил в собственном творчестве (научные статьи, фрагменты из «Записных книжек», письма, ответы на вопросы и др.). Планировалось включить в книгу размышления каждого из авторов о современных взаимодействиях философии и филологии, о специфическом и общем в гуманитарных науках в сравнении с другими науками, об изменении мыслительных координат от советского к постсоветскому времени и о концептуальных следствиях этих перемен, а также фрагменты совместной работы над темами из Лотмана и Бахтина.

Ключевые слова: философия, филология, гуманитарные науки, мыслительные координаты, экспериментальная форма, Лотман, Бахтин, Ярхо

Для цитирования: Автономова Н.С. «Разговор из двух углов»: к истории несостоявшегося книжного проекта М.Л. Гаспарова // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 162–190. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-3-162-190

“A conversation from two corners”:
towards a history of M.L. Gasparov’s
failed book project

Natalia S. Avtonomova

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
avtonomovanatalia@gmail.com*

Abstract. The article is an unpretentious story of “how we worked together”. Mikhail Gasparov called our joint work on a wide variety of topics from Marshak’s translations of Shakespeare’s sonnets to OBERIU poets and then on a book on philosophy and philology a “conversation from two corners”. The “two corners” stood roughly for his domain, philology, and mine, philosophy: although we shared the same basic ideas about the humanities and their scientific status, the material we worked with and the disciplinary languages we used were so different that talking about concepts was not an easy task. This article presents the main topics of our joint work and the proposed structure of our might-have-been joint book (designed for the Institute for Advanced Studies in Humanities’ *Yellow Series*, approximately 200 pages), describing its individual sections and issues. Gasparov’s plan was to make it an experimental book that would bring together things that he himself made a point of separating in his own work (scholarly articles, fragments from his *Notes and Excerpts*, letters, answers to questions, etc.). It was planned to present each author’s reflections on the contemporary interactions between philosophy and philology, on the general and the specific in the humanities as opposed to other disciplines, on the changing of the Soviet mental frame of reference to the post-Soviet one and on the conceptual implications of these changes. Also, fragments of joint work on different topics concerning Lotman’s and Bakhtin’s work were to be presented.

Keywords: philosophy, philology, humanities, mental frame of reference, experimental form, Lotman, Bakhtin, Yarkho

For citation: Avtonomova NS. “A conversation from two corners”: towards a history of M.L. Gasparov’s failed book project. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*. 2018;3(36):162-90. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-3-162-190

Введение

«Разговор из двух углов» – так М.Л. Гаспаров (далее – Гаспаров) называл нашу совместную работу над книжкой о философии и филологии, которой мы официально (по плану), но урывками занимались в последние годы его жизни, а по сути – все время нашего с ним сотрудничества, продлившегося около полувека. Замысел этой книжки для «желтой серии» ИВГИ (серия «Чтения по истории и теории культуры») в итоге не реализовался, однако контуры ее замысла, думаю, представляют интерес для многих гуманитариев. А потому здесь я хочу рассказать о том, как мы пришли к мысли об этой книжке, о том, что должно было в нее войти, но прежде – о том, над какими темами нам вообще довелось работать вместе. Таким образом, статья эта не просто фрагмент интеллектуальных биографий; речь в ней пойдет о некоторых опорных моментах истории, философии и методологии гуманитарных наук в России второй половины XX и начала XXI в. Это воскрешение (с начала 1960-х годов во многом – вследствие переоткрытия Гаспаровым трудов Б.И. Ярхо, находившихся в архивах) сравнительно-статистических методов в гуманитарных науках, опиравшихся на слово; это дискуссии вокруг проблем перевода и анализа перевода; это анализ, на примере обоснования славистики и структурализма у Р.О. Якобсона, ситуаций погруженности гуманитарных идей в те или иные социокультурные конъюнктуры и тем самым – усложнение процедур обоснования знания; это изучение постсоветских рецепций творчества М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана и др. После разбора отдельных тем, над которыми мы работали, речь пойдет о замысле совместной книги по философии и филологии, о ее экспериментальной структуре и о некоторых проблемах, которые должны были бы в ней рассматриваться. Все это заново подталкивает к вопросу о сложности обоснования идеи точного литературоведения в современную эпоху, когда идея гуманитарного знания как науки сильно размывается. Становится очевидно, что современная гуманитарная наука требует новых доводов в пользу возможностей объективного познания, в частности изучения механизмов социальной, исторической рецепции текстов культуры, ее коммуникативных механизмов.

Основные темы совместных работ

Начало моего интенсивного личного общения с Гаспаровым относится к тому периоду, когда я решила оставить занятия форте-

пиано в училище при Московской государственной консерватории и пойти в филологию. Гаспаров, мой троюродный дядя по отцовской линии, руководил моим чтением, составлял списки литературы – художественной и критической – которую я должна была прочитать к вступительным экзаменам, и регулярно проверял мое продвижение в этой области; он рисовал мне контурные карты, на которые наносил основные культурные и политические события того или иного века в европейских странах и в России (две такие карты – по XVII и XVIII вв. – опубликованы в сборнике писем «Ваш М. Г.» [1 с. 256, 257]), водил в музеи – Пушкинский изобразительный и Третьяковку – вместе со своей дочерью Аленой, будущим психологом, и моим младшим братом Володей, будущим экономистом (тогда они оба были младшими школьниками). Но то, что можно назвать «сотрудничеством», началось тогда, когда я поступила в университет, на романо-германское отделение филфака МГУ, и, по сути, не прерывалось, когда я ушла из филологии в аспирантуру Института философии РАН (тогда АН СССР), а потом осталась работать в этом институте. Наше сотрудничество углубилось, когда мы встретились в Институте высших гуманитарных исследований РГГУ, где оба работали совместителями, Гаспаров – с момента основания ИВГИ, с 1992 г., а я – с 1998-го.

Начну с общего перечисления основных тем, над которыми мы работали вместе. Эти исследования иногда становились статьями, а иногда вообще не дозревали до публикации. С двумя подписями вышла статья «Сонеты Шекспира и переводы Маршака» [2]. Гаспаров несколько раз ее перепечатывал в сборниках своих произведений [3, 4], я тоже ее перепечатала – в двух изданиях книги «Познание и перевод» [5, 6]. С двумя подписями был опубликован наш доклад на конгрессе «100 лет Роману Якобсону», озаглавленный «Якобсон, славистика и евразийство: две конъюнктуры 1929–1953» (он вышел трижды: сначала в препринтном сборнике материалов, затем – как статья в НЛО и, наконец, в расширенном виде – в итоговом томе материалов по конгрессу [7]).

Далее назову доклад – точнее два доклада – на общую тему «Лотман о культурной памяти и культурная память о Лотмане» на VII Лотмановских чтениях (1999). Выступление Гаспарова было опубликовано мной в книге «Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров» [8]; там же – мои комментарии к этому выступлению и последовавшей затем дискуссии [9]. А еще нами были сделаны доклады для конференции РГГУ «Новые концепции образования» (Голицыно, 2000); в данном случае мое участие в докладе Гаспарова было лишь мотивировочным, а еще – перформа-

тивным. Гаспаров тогда не смог поехать на конференцию и попросил меня прочесть его доклад «Опыт античности для педагогики будущего»: этот текст опубликован вместе с пояснительным введением в моем фештшрифте «Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею» [10]. Гаспаров поддержал меня в замысле книжки из «желтой серии» с анкетой для сотрудников ИВГИ и придумал к ней название: – «Свой путь в науке. Коллективный портрет ИВГИ» [11]. Его текст – фактически ответы на составленную мною анкету с вопросами о том, что значит философия для филологов, нужна ли она им и в каком качестве, – назывался «Научная щель» [12]. Занятия темой философии обэриутов (ОБЭРИУ – Объединение Реального Искусства – возникло в 1927) не породило общего текста, был опубликован только мой комментарий к докладу О. Ханзен-Лёве об обэриутах [13], но Гаспаров хотел, чтобы мы вместе об этом написали, «проверив гипотезу» о гротесковом, а не «серьезном» характере их философии.

Все эти темы, совершенно различные – по материалу, эпохам, методам изучения, смысловым акцентам, – вводили нас в общее пространство размышлений о «философии и филологии» и подталкивали к мысли об общей книге. А теперь представляю эти темы несколько подробнее.

«Сонеты Шекспира и переводы Маршака», 1969¹

Гаспаров был неофициальным руководителем всех моих работ на филфаке, и прежде всего – моей первой курсовой на 2-м, кажется, курсе. Когда я делала доклад по курсовой со схемами и подсчетами – в семинаре у Ю. Архипова, преподававшего у нас зарубежную литературу Возрождения, – преподаватель заявил: «Это образец того, как не нужно было делать!», но в итоге все равно поставил мне пятерку по курсовой. Своей специальностью я считала лингвостилистику – была такая дисциплина на стыке языка и литературы. В совместной работе над сонетами Шекспира и переводами Маршака у нас было четкое разделение ролей: «...вся проработка материала принадлежит Н.С. Автономовой, а основная мысль и словесное изложение – мне», – уточнял Гаспаров при переиздании

¹ Применительно к статьям, вышедшим при жизни Гаспарова, ставлю годы изданий, а применительно к текстам, опубликованным посмертно (это доклады), – годы устных выступлений, даты их публикаций см. в списке литературы.

статьи в своем послесловии [3 с. 120]. В основе такого распределения ролей лежала, конечно же, его гипотеза – мысль, ощущение, представление о глубоком стилистическом несоответствии между образным строем шекспировских сонетов и маршаковских переводов. Гаспарову хотелось проверить эту гипотезу на материале моими руками (он говорил, что у него руки вряд ли когда-нибудь дошли бы до этого).

Как это было? Общей настройкой, вступлением к совместным занятиям был сделанный Гаспаровым замечательный разбор стихотворения Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива» – пока еще без развернутого сопоставления с Ламартином, на котором он потом основал свою статью [14]; это был для меня образец разбора, который потом очень помогал нащупывать параметры анализа. Несколько сонетов Шекспира и переводов Маршака мы для начала разобрали вместе. Главными приемами анализа были вычленение и описание (в духе Трира и Вайсгербера) того, что называлось «семантическими полями» – это были военное дело, юриспруденция, растительный мир, животный мир, чувства, мысли и др.; в отдельный раздел вошла неоплатонистическая лексика (истина, добро и красота и соответствующие прилагательные). Важное место занимали *подсчеты* – с опорой на существительные и прилагательные – и составление частотных словарей. По мере продвижения в материале все яснее становилось, что барочная лексика Шекспира вовсе не имеет соответствий или имеет мало соответствий в переводах, и, наоборот, «романтическая» лексика Маршака, находившая эмоциональный отзвук в традициях «советского классицизма» 1940-х годов, когда делался перевод, полностью отсутствует у Шекспира.

Тут была хронологически важная методологическая параллель. В те времена, в середине 1960-х, когда мы занимались Шекспиром и Маршаком, Гаспаров, видимо, уже обнаружил в архивах, но еще не опубликовал программу исследований своего идейного кумира Бориса Исааковича Ярхо (1889–1942); его методологическая программа с опорой на Ярхо еще только формировалась, но фактически он уже действовал сообразно с ее принципами, например, в своей кандидатской диссертации по басням Федра и Бабрия (1963), защищенной – в силу негативной реакции специалистов на формалистические изыски – с перевесом всего в один голос. Гаспаров и Ярхо – это тема отдельного исследования; Гаспаров считал себя «младоформалистом», преданным последователем Ярхо и видел свою единственную цель в том, чтобы «не испортить образец». На самом деле соотношения их концепций были более тонкими и сложными [15].

Напомню тезис Ярхо, который можно считать основанием «программы Ярхо–Гаспарова». В 1920-е годы Ярхо не удалось реализовать свои амбициозные замыслы, связанные с точным количественным анализом литературного материала, но он верил в свою концепцию и устремлял взор в будущее, которое видел в определенной перспективе. И говорил об этом с ораторской убедительностью: «Кладя количественный учет и микроанализ в основу исследования, я только предлагаю сделать для литературоведения то, что полтора года тому назад сделал Лавуазье для химии, и не сомневаюсь, что результаты не заставят себя ждать» [16 с. 7]. Ярхо считал Лавуазье творцом современной научной химии: ведь во флогистонной теории химия «стояла на голове». Гаспаров открыл программу Ярхо для русского/советского читателя. Первая статья Гаспарова по материалам архивов Ярхо [15] и сделанная им публикация фрагментов из главной книги Ярхо [17] совпала по времени с публикацией нашей статьи «Сонеты Шекспира – переводы Маршака» – это было в 1969 г., когда я защищала на филфаке МГУ диплом по образной и композиционной структуре сонетов Шекспира.

В тексте опубликованной статьи «Сонеты Шекспира и переводы Маршака» Гаспаров был предельно аккуратен в оценках. Несмотря на составленные мной списки романтической лексики, где были и «печальный жребий», и «седой восток», и «вольный океан», и «замшелый мрамор» (вместо шекспировских «gilded [позолоченных] monuments»), он подчеркивал, что этот анализ еще не устраняет интуитивизма наших оценок: «...называть эту лексику “романтической” мы можем только по интуитивному ощущению: настоящий словарь русского поэтического языка первой трети XIX века никем пока не составлен». И все же, полагает он, проведенные исследования можно считать убедительными: «...яркость этих примеров и без того достаточна. Здесь есть и туман, и даль, и романтические розы, а “душа родная” выглядит прямой реминисценцией из Владимира Ленского» [5 с. 622].

Однако его общая мысль была такая: мы не можем в научном смысле говорить об истории литературы, не сделав глобальных подсчетов по эпохам, авторам, жанрам и др., не получив средних данных, а тем самым и возможности видеть то, что выделяется на фоне среднего. Без такого анализа неизбежна редукция истории литературы к разным внешним факторам – социальным, экономическим, психологическим и др. И дело не только в истории литературы: без точных методов изучения вербальной материи все разговоры о том, что есть литературное произведение, бессмысленны. В последние годы, после повсеместного вхождения в научный

обиход компьютерных техник, Гаспаров считал, что за 20–30 лет, или даже еще быстрее, можно было бы сделать основные подсчеты – по разным литературам, эпохам, авторам. В этой связи мне хотелось бы спросить у специалистов. Как обстоит дело нынче с тем, что я называю «программой Ярхо–Гаспарова»? Насколько и куда мы продвинулись с тех пор? Успехи сравнительно-статистического подхода в области стиховедения известны. А в других областях? Есть ли молодые таланты, готовые стать прорабами такой аналитической разборки–сборки? Работа их ждет колоссальная, в ближайшей перспективе – неблагодарная. Обо всем этом, наверное, нужно было бы расспросить Игоря Пильщикова и Веру Полилову: на Гаспаровских чтениях – 2018 в РГГУ они представили доклад на тему «Новая информационная система по сравнительной поэтике: от поэтического корпуса и электронной библиотеки к семантической сети».

В любом случае довольно широкая известность (в положительном и отрицательном смысле слова) статьи о Шекспире и Маршаке связана не с попытками квантитативного анализа (эта тема в опубликованном варианте статьи не освещена), а с представленной в ней идеологией подхода к переводу. Так для чего была написана эта статья? Чеканная и афористичная проза Гаспарова предъясляет нам несколько ответов на этот вопрос. Вот главный: мы должны понять, что

«нет переводов вообще хороших и вообще плохих, нет идеальных, нет канонических. Ни один перевод не передает подлинника полностью: каждый переводчик выбирает в оригинале только главное, подчиняет ему второстепенное, опускает или заменяет третьестепенное. Что именно он считает главным и что третьестепенным – это подсказывает ему его собственный вкус, вкус его литературной школы, вкус его исторической эпохи» [5 с. 623–624].

Это изречение можно трактовать, и сейчас оно трактуется исследователями, как четкая формулировка *теории относительности перевода* [18 с. 68] или, точнее, *культурно-исторической относительности перевода*. Но это вовсе не апология культурно-исторического релятивизма (не путать с релятивностью!) перевода или гуманитарного знания в целом.

Кроме того, статья вовсе не была поношением конкретного переводчика; в ней было показано, что, в отличие от многих предшественников, у Маршака была своя художественная система, выдержанная на протяжении всего цикла сонетов, а не эклекти-

ческое соединение разного. Более того, в статье говорилось даже, что когда-нибудь для новой эпохи главным, возможно, станет то, что Маршак считал *третьестепенным*, и тогда можно будет лишь пожелать, чтобы этой эпохе удалось найти переводчика, «который передаст этого нового Шекспира с таким же мастерством, с которым Маршак создал того Шекспира, которого знаем мы» [5 с. 624].

Однако при всех этих оговорках публикация статьи породила скандал на защите моего диплома по Шекспиру, не имевшего никакого отношения к переводам: преподаватели кафедры английского языка МГУ (за единственным исключением Ирины Владимировны Гюббенет) были обижены за Маршака. Негативные отзывы на статью прорывались и в широкую печать; когда-то я берегла возмущенные вырезки из «Литературной газеты» с мнениями читателей. Все это свидетельствовало, как сейчас говорят, об «оскорблении чувств верующих» – верующих в то, что они имеют дело с идеальным переводом, а не ярким случаем подтверждения теории относительности перевода. Вследствие этих событий мне пришлось уйти из филологии (рекомендацию в аспирантуру мне дали, но было понятно, что меня в нее не возьмут), а Гаспаров был отлучен от Маршака, хотя как раз тогда должен был взяться за редактирование его сочинений.

На международной конференции «Переводы классики: старые и/или новые», проведенной РАНХиГС'ом (апрель 2018), говорилось, что и в наши дни, т. е. через полвека после выхода статьи, переводы Маршака издаются миллионами экземпляров – именно как идеальные переводы для широкого читателя. Правда, издаются и другие переводы. И все это, конечно, заслуживает отдельного обсуждения.

О других темах мне придется рассказать короче.

*«Якобсон – славистика и евразийство:
две конъюнктуры 1929–1953», 1996, 1997, 1999*

В данном случае импульс к работе над темой исходил от меня, точнее – от швейцарского лингвиста Патрика Серию, который уговаривал меня проработать малоизвестную статью Якобсона, при жизни им в Собрании сочинений не перепечатававшуюся, и сделать о ней доклад на конференции в честь 100-летия Якобсона (Кре-Берар, Швейцария). Статья называлась «Über die heutigen Voraussetzungen der russischen Slavistik» [19], в позднейшем русском переводе – «О сегодняшних перспективах русской славистики» [20].

Эта статья, написанная по-немецки, трудная по языку, изобилует разновременными нерасчлененными наслоениями материала; Гаспаров помогал мне в ее анализе, заинтересовался и углубился, так что виртуозная историческая интерпретация приводимых Якобсоном данных – целиком его заслуга. Он мастерски расчленил склейки между воспоминаниями Якобсона о годах учения и той реальной ситуацией в русской славистике, какой она была в 1929 г., когда Якобсон по просьбе Н.С. Трубецкого писал в Праге эту статью – как манифест рождавшегося структурализма. Моя же роль была связана скорее с поисками и анализом сопоставительных параллелей – мост перекидывался от этой пражской работы Якобсона к его статьям, написанным в Америке в середине 1950-х годов; в этой новой конъюнктуре тоже стоял вопрос об основах славистики и структурализма, однако главная роль отдавалась уже не «русской мысли», но «западным формам» славянских штудий и славянской идеологии. К этой параллели двух конъюнктур (1929–1953) в моем докладе на швейцарской конференции была добавлена еще и третья конъюнктура – это 1990-е годы, или, иначе, постсоветская ситуация восприятия всех этих исторических метаморфоз структурализма, евразийства и славистики [21].

По нашей общей статье можно судить о том, что может происходить с научными материями при погружении их в социальные контексты: в данном случае евразийство, «русская мысль», структурализм приобретают разные конфигурации в зависимости от исследовательских и социальных обстоятельств. Спрашивается: насколько внешние ситуации, перемены мест и времен влияют на фактуру идей и их соотношения? Этот вопрос принципиально важен для современной философии и истории науки. В дальнейшем мне приходилось неоднократно к нему возвращаться, например в работе над переводом и предисловием к книге Патрика Серио «Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–30 гг.» [22], в которой я рассматривала фактически проблему «скользящих границ» между «наукой» и «идеологией». Полезный материал, уточняющий систему взглядов Якобсона межвоенного периода, дают нам исследования чешских архивов у Петера Стайнера и Томаша Гланца.

*«Лотман о культурной памяти
и культурная память о Лотмане», 1999*

А это была уже третья ситуация: С.Ю. Неклюдов, руководивший подготовкой к VII Лотмановским чтениям, попросил нас обоих выступить на данную тему. В официальной программе

чтений лаконично сказано: «Вводный доклад – Автономова Н.С. и Гаспаров М.Л.». В данном случае это был, как уже отмечалось, не один доклад, а две створки доклада с общим заглавием: тексты произносились друг за другом на одном заседании. С самого начала подготовки моей обязанностью был сбор материала по современным западным рецепциям Лотмана. В 1999 г. я просидела месяц в Национальной библиотеке в Париже, разыскивая там новые материалы о Лотмане, а потом сводя их в большой конспект для нашего общего пользования, вследствие чего ссылки в гаспаровском и в моем тексте о Лотмане, даже экзотические, местами одинаковые: они взяты из общего источника. В своем докладе Гаспаров представил концепцию Лотмана в сопоставлении с марксизмом и с современными трактовками структурализма и постструктурализма. Применительно к Лотману ссылки на Маркса и диалектику были тогда не ко двору и воспринимались настороженно, и это породило много вопросов. Я подробно записывала дискуссию и затем восстановила ход обсуждения; итоговый текст, в котором изложены и ход дискуссии, и мои представления о гаспаровской трактовке сюжетов «Лотман и марксизм», «Лотман и Бахтин», «Лотман и постструктурализм» [9], опубликован в книге «Открытая структура» [23, 24] – вместе с электронной копией доклада Гаспарова [8].

«Опыт античности для педагогики будущего», 2000

Так назывался, напомним, доклад Гаспарова для конференции в Голицино (2000). Кажется, это единственный его текст, специально посвященный педагогике, в подобном ключе. Вторая половина 1990-х годов – это период реформ образования. Принципы так называемого Болонского процесса распространяются по всей Европе. Новые веяния доходят до РГГУ. Ставится задача: построить «Новую университетскую образовательную модель». Этим был призван заниматься научный-учебный центр, в который вошли почему-то одни негуманитарии. Центр издавал педагогические брошюры [25, 26], а ректор РГГУ Ю.Н. Афанасьев находился под магией инициативной группы, которая, в частности, провозглашала: европейские языки утратили греческие понятия (специфически духовные, а не прагматические), и потому наша цель сейчас – наследовать, через голову европейской цивилизации, идеи и понятия Греции. Ведь она ставит на главное место не homo faber, но homo sapiens – человека не только знающего, но «понимающего», универсального.

Разумные представители педагогического начальства РГГУ попросили меня уговорить Гаспарова (обращаться прямо к нему с такой просьбой, видимо, показалось им неудобным) развеять эти насаждавшиеся идеи, которые свидетельствовали как минимум об отсутствии гуманитарно-филологического образования. Нам обоим было предложено выступить с докладами в Голицыно на традиционном для РГГУ методологическом семинаре. К счастью, я смогла уговорить его написать текст, хотя времени было в обрез.

Гаспаров не смог поехать в Голицыно, и я поехала одна – с поручением прочитать наряду со своим и его текст. Мой доклад на тему «Между профессионализмом и универсальностью» был построен на современном западноевропейском материале, и он прошел вполне спокойно, чего не скажешь о докладе Гаспарова. Сейчас я думаю, что этот текст – с мощной проповедью взаимопонимания и взаимоперевода – нужно заучивать наизусть в раннем возрасте, как *Отче наши*, – и россиянам, и западным европейцам с их якобы не туда пошедшей историей понятий. Доклад этот вызвал много шума и слухов в университете, готовился отпор со стороны авторов «новой концепции образования». Была даже вброшена нелепая информация, что речь идет об апокрифе, что этот текст (глазами его никто не видел) будто бы написан мной самой и выдан (непонятно зачем) за гаспаровский.

Приведу несколько тезисов из доклада, чтобы побудить читателей обратиться к этому тексту. Прежде всего Гаспаров считает ложным главный тезис инициативной группы – переориентировку с латинян на греков как тех, у кого была «духовность» и «эпистеме», а также «человек-универсал». Как раз «этого, – пишет Гаспаров, – в античной педагогике не было: она вырабатывала именно человека-профессионала. Не только столяр учился своему делу у столяра, но и медик у медика, правовед у правоведа, математик у математика, и никаких других знаний, кроме своих специальных, учителя ученикам не сообщали» [10 с. 671].

«И не нужно преувеличивать контраст между духовностью греков, у которых была “эпистеме” и идеал homo sapiens, и приземленностью римлян, у которых была “техне” и идеал homo faber. Во-первых, не надо забывать, что наибольшее приближение античности к универсальному образованию – система семи благородных искусств – была выработана именно при римлянах. Во-вторых, не надо забывать, что “техне” стала из “ремесла” “искусством” и “наукой” именно у греков: у Аристотеля “Поэтика” – это “пойетикэ техне”, а не какая-нибудь “эпистеме”. В-третьих, если уж увлекаться этимологиями, то homo sapiens, от sАpere [так у Гаспарова. – Н. А.]»

совсем не значит “человек понимающий” в противоположность “человеку знающему”, а значит “человек *соображающий*” – *соображающий, как пользоваться топором или пилой и как пользоваться понятиями и суждениями* [курсив мой. – Н. А.] [10 с. 672]».

Но главной бедой античной культуры Гаспаров считает ее замкнутость на себя, ее эгоцентричность. Свидетельства тому – полное отсутствие словарей (не было никаких: ни греко-египетских, ни греко-персидских, ни даже греко-латинских), а персонально – даже великий Плутарх «честно признавался, что латинский язык он знает посредственно», хотя долго жил под римской властью. В своей ретроспективной оценке потенций и шансов античности Гаспаров с пророческим пафосом утверждает: «Античная культура была замкнута на себя – а такая культура обречена на гибель. Она и погибла через двести лет после Плутарха – потому что сменившая ее христианская культура оказалась (до поры до времени) универсальней. Универсальней, потому что демократичней: она не делила своих приверженцев на элиту, которой доступно откровение, и на темное быдло, как это делал Платон и, кажется, делают некоторые идеологи новых педагогических концепций» [10 с. 672–673].

Возникает вопрос: как воспользоваться этим «отрицательным примером» античной педагогики во благо себе? Рецептов дается несколько. Для этого необходимо изучать не только духовную, но и материальную культуру; не только гуманитарные, но также точные и технические науки, не только свою, русскую и европейскую, но и внеевропейские культуры: исламскую, китайскую, индийскую и др. А еще – разные традиции внутри европейской культуры, например русскую и немецкую, или немецкую и французскую, или русскую допетровскую и русскую послепетровскую. Лишь такая установка на историческое и одновременно – универсальное сможет подготовить нас к вызовам будущего. При этом Гаспаров подчеркивает, что путь к универсализации знания проходит через историю наук, а также через овладение разными культурными языками (в данном случае языки трактуются как «способы отбора и систематизации фактов окружающей действительности»). Обратим внимание на то, как Гаспаров понимает «факты»: это будет интересно и сторонникам, и противникам гаспаровской методологии – например, тем, кто необоснованно упрекает его в примитивном и архаичном позитивизме. «Бытие бесконечно, а человеческое сознание конечно: поэтому мы *вырываем из бытия конечное количество явлений, способное уместиться в нашей голове, и называем их фактами; отбор этих фактов каждая культура делает по-своему* [курсив мой. – Н. А.]» [10 с. 674]. Над таким определением «факта» нельзя не задуматься, причем надолго.

Проект общей книги и ее экспериментальная форма

Таковы тематические и проблемные островки, на которых мы пытались что-то изучать и что-то строить. Мысль об общей книге пришла естественно и сама собой. Ее очень поддерживала Е.П. Шумилова. В архивных записях можно найти несколько дисциплинирующих дедлайнов – что и когда нужно представить на общее обсуждение. Это было время командировок, а срок жизни Гаспарова сокращался болезнью. Писать обычную книжку нам было, конечно, трудно: с одной стороны, между нами было немало общего – во взглядах и умонастроениях, с другой стороны, наши главные профессиональные дела были слишком различны по фактуре изучаемого материала, а его требование давать определения всех понятий, которыми я пользуюсь, приводило меня в ступор. И все равно общие интересы перевешивали.

В какой-то момент Гаспарову пришла в голову мысль, что книжка наша должна быть экспериментальной, и прежде всего – по форме. Может быть (он этого не говорил), к ней подошли бы слова *varia* или *miscellanea*. В данном случае обращает на себя внимание то, что он не только допускает, но и фактически инициирует присутствие под одной обложкой того, что обычно применительно к самому себе, и не только к себе, старательно разводит и расчленяет (с одной стороны, научное стиховедение, с другой – «записи и выписки»). А тут вдруг – сейчас мы это увидим – такой букет разных жанров: и научные статьи, и письма, и записки!

Итак, что планировалось поместить в книжку?

– Совместные работы и наши современные комментарии к ним.

– Новые, специально написанные нами порознь статьи о том, как каждый из нас понимает философию и филологию в их взаимодействиях (или отсутствии таковых), и о том, что происходило с этими дисциплинами по десятилетиям во второй половине XX в. и до начала XXI в. Особое внимание мы собирались уделить постсоветскому времени, новым способам интеллектуального восприятия, переворотам ценностей, при которых маргинальное нередко становилось господствующим, а ранее господствующее – чуть ли не маргинальным. Гаспарова очень интересовал, в частности, переворот в отношениях к таким представителям «советской» литературы, как Горький и Платонов, и он собирался об этом рассказать. А еще – о том, что в старом советском учебнике по истории философии Александрова не было ни Плотина, ни Фомы, ни Киркегора, ни Шопенгауэра, но зато теперь они вырвались вперед, а оттого

в загоне теперь самое главное – Новое время, то, из которого все нынешнее произошло.

– Две мои уже опубликованные статьи по философии и филологии, к которым Гаспаров должен был написать комментарии. Это статья в сборнике сектора теории познания Института философии РАН «Наука глазами гуманитария» [27] и другая статья – с размышлениями о круглом столе философов и филологов (опубликована в «Новом литературном обозрении» в 1996 г. [28]) [29]. Гаспаров был одним из героев этого круглого стола в НЛО, о котором я писала в своей статье, а теперь Гаспаров должен был откликнуться на мои размышления, и так далее: один текст порождает другой и отталкивался от него. В одном из писем мне (апрель, Вена, 1997) Гаспаров с энтузиазмом пишет про такие «отклики на отклики», причем это относится не только к упомянутому выше наслоению текстов, но и к другим планировавшимся темам: «Что касается Бахтина и прочей философии/филологии – господи, конечно, это за нами, и я жду твоего приезда и возобновления разговоров [“Н. лит. обзор.” год назад начало печатать раздел “переписка из разных углов” на теоретич. и критич. темы; если бы ты, как мы думали, написала мне вопросы по тому, что я (и другие) говорили в той дискуссии в НЛО, а я бы ответил, и т. д. – эту переписку можно было бы прямо нести в журнал. Теперь тебе уже некогда, но такая литературная форма нам и в Москве для этой темы подойдет]» (везде сохранено написание М. Г. – Н. А.) [30 с. 665].

– Наши разные тексты о Бахтине и Лотмане. По Бахтину я тоже набирала материал для нас обоих – и сама (даже в командировках), и с помощью В.Л. Махлина, известнейшего российского бахтиноведа. Доклад Гаспарова, посвященный теме «творчество и исследование у Бахтина» [31] должен был стать предметом нашего отдельного разбора. Вкратце отмечу здесь, что гаспаровское разведение «творчества» и «исследования» применительно к Бахтину и Рабле представлялось мне изначально слишком жестким и требующим радикальных уточнений. В общие дискуссии мне предстояло ввести опыт чтения спецкурсов для французских и швейцарских студентов и докторантов, в частности посвященных именно Бахтину и Лотману, их концепциям, их рецепции в России и на Западе в разные периоды.

– Письма Гаспарова ко мне, имеющие отношение к теме (мои письма ему не сохранились).

– Накопившиеся материалы из его «записных книжек»; в 2000 г. вышел том «Записей и выписок» [32], но к моменту сбора материалов для общей книжки накопилось еще 2–2,5 п. л. записей.

Они еще не были распечатаны и сведены в единый файл, но должны были выборочно войти в книжку; впоследствии эти материалы были включены издателями во второе издание «Записей и выписок» (2008).

– «Вопросники» и в связи с ними – «переспросы». Это особый жанр (о нем, в частности, упоминал Гаспаров в приведенном выше фрагменте из письма). Я иногда составляла вопросники по тому или иному материалу, это мог быть какой-то текст или какая-то проблема, передавала их Гаспарову, он либо писал письменные ответы и комментарии, либо мы обсуждали эти вопросники устно, а я потом вносила в начально намеченные пункты новый материал. Иногда один вопросник мы передавали друг другу по нескольку раз, и он преображался: фразы перерастали в абзацы, старые вопросы расширялись и обобщались или наоборот – конкретизировались, а итоговый текст превращался в многослойную рукопись. Эти вопросники были нужны, чтобы при всех разъездах и разном темпе текущих заданий держаться в общем пространстве.

Какие общие вопросы при этом заведомо возникали, какие – возникли бы по мере консолидации намеченных материалов под одной крышей? Прежде всего это были вопросы, связанные с научной филологией или, точнее, такой филологией, которая стремится быть научной. Для наших дней характерно в большинстве случаев отсутствие интереса философии к филологии, которая хочет быть научной: гуманитарная наука – особая, специфическая, не такая, как естественные науки. В целом это судьба классической дихотомии – науки о природе и науки о культуре (Риккерт) или науки о природе – науки о духе (Дильтей). Вопрос о возможности науки (научности) в гуманитарном знании был важен для меня со студенческих времен, но смысловые акценты я расставляла для себя в этой антиномии несколько иначе, чем Гаспаров. Я переводила вопрос о точности в вопрос об объективности и считала, что если объективное знание возможно не только в естествознании, но и в гуманитарном знании, то это меняет наши представления о соотношении философии и (специальных) наук, а также целый ряд мировоззренческих посылок самого общего характера. Вместе с тем защищать эту возможность объективности требовалось более сильными доводами, чем «дважды два – четыре» (любимый иронический пример Гаспарова), потому что не все можно сосчитать, не все существенное, во всяком случае.

Если исходить из отсутствия принципиального разрыва между видами наук, то необходимо было бы продумать формы доводов защиты гаспаровского тезиса о том, что «Пушкин и камень – одно и

то же». Иначе: художественное произведение как вещь в мире, как это понимать? У Ярхо есть тезис о произведении как части объективного мира, но он не вполне раскрыт, особенно если иметь в виду не только объективность вещи, но и объективность знания о ней. В качестве отдельного вопроса мы предполагали обсудить также и различие позиций обыденного и специализированного сознания (то, что солнце «всходит и заходит», никогда не отменит ни одна наука), и это могло вывести к тому, чтобы внимательнее отнестись к позиции человека в «жизненном мире». Различие позиций критика и исследователя также оценивалось как важное для размышлений о научности и объективности. Проводя принципиальную границу между критикой, которая существует 2000 лет, и наукой о литературе, которая существует от силы 200 лет, Гаспаров считал в высшей степени сомнительной распространенную в среде литературоведов-критиков антитезу «живое – мертвое» с наивным приматом «живого»: быстрая смена поколений и возрастающая продолжительность жизни гораздо чаще и сильнее сталкивает нас с тем, что мертво для нас в других или для других в нас.

И еще очень важный аспект этой проблематики – дискуссии с другими филологами, которым Гаспаров всегда противился. Особенно с теми, кого он глубоко уважал, например с С.С. Аверинцевым. О радикальном различии подходов Гаспарова и Аверинцева к филологии – на уровне принципов – мне доводилось писать в [23 с. 302–309; 24 с. 306–313]. Думаю, что этот до сих пор толком не артикулированный спор Гаспарова и Аверинцева по поводу того, что есть наука о словесности, т. е. филология, равен по значимости спорам Бора и Эйнштейна об основаниях физики и вообще естественных наук. Однако по отношению к программе Ярхо–Гаспарова программа Аверинцева – это *другая* филология. Аверинцев говорит об интимном отношении к предмету, утверждает, что точные методы в филологии применимы лишь к периферийным явлениям. Для обоих исследователей филология выступает как служба понимания. Но между их пониманием того, что есть понимание, – большая разница: Аверинцев опирается на человечность, житейскую мудрость и здравый смысл, а Гаспаров – на микро- и макроструктуры, расширяющие естественную человеческую способность восприятия.

Отдельная плоскость полемики захватывает позиции тех философов (Подорога, Рыклин), которые участвовали в ставшем знаменитым круглом столе философов и филологов [26]. Философы, как и филологи, изучают литературные произведения, но в отличие от филологов они, подчеркивает Гаспаров, не учитывают «фон». Но

ведь любой литературный прием, как было открыто структуралистами и стало уже общим достоянием, – это не факт, но отношение факта к фону, на который он продуцируется, а потому отсутствие приема столь же значимо, как и его наличие, но для понимания всего этого нужно знать культурный фон. Философы склонны изучать только известное (великое), но великое складывается общими трудами, крупные поэты появляются на фоне малых, история поэзии делается общими усилиями, происходит в каком-то смысле коллективное творчество словесной культуры. Это ясно видно, скажем, в том, как складываются стереотипы соотношения метра и смысла, которые создаются и угасают, причем в этом процессе участвуют и самые малые имена. Естественно, что разговор философов и филологов должен был продолжиться и в нашей книжке.

Гаспаров, постмодернизм, деконструкция

Не могу не упомянуть здесь еще об одном регистре концептуальных напряжений. Отображать его в книжке мы специально не собирались, однако он всегда весомо присутствовал в наших занятиях. Дело в том, что после моего перехода в философию французский структурализм, постструктурализм и постмодернизм были поначалу и во многом оставались моими главными темами. Я переводила, в частности, Фуко и Деррида, а Гаспаров был для меня главным консультантом в вопросах перевода. Он относился к моим героям, можно сказать, свирепо. Я же считала и считаю, что в любых самых агрессивных «постмодернистских» (этим термином я стараюсь не пользоваться и не считаю его философским) ниспровержениях европейской мыслительной традиции есть свое, как раньше говорили, «рациональное зерно», которое не только рушит нечто в конструкциях широко понимаемой рациональности, но и укрепляет их, делая их более выносимыми. В силу своего доброго ко мне отношения Гаспаров вникал в моих авторов, читал их, кое-что редактировал в моих переводах [33], во всяком случае, через меня он был привязан к материалу, в который ни за что не стал бы вникать по собственному желанию. На Гаспаровских чтениях–2014 в докладе о гаспаровских переводах Аристотеля и моих переводах Деррида я попыталась отдельно прочертить некоторые аспекты отношения Гаспарова к Деррида [33]. У Гаспарова есть яркие высказывания о его отношении к моим героям, они стали широко известными. Вот, например: «...помогал моей коллеге переводить Фуко и Деррида, и фразы их доводили меня до озверения»

[32 с. 322]; или «пляшущий стиль Деррида – это атомная бомба в борьбе за власть над читателем» [32 с. 398] и др. И вообще Деррида становится для него именем нарицательным для воплощения негативных явлений в современной культуре.

Забываясь о том, чтобы я не поддавалась соблазнам непонятого стиля, но также тревожась о российском читателе в целом, он считал, что Деррида лучше не переводить вовсе, а собрать отрывки в антологию. Что же касается изучения и описания его концепции, то писать о нем нужно на обыденном языке, не будучи ни за, ни против него и не пользуясь его понятиями! Отвержение Деррида и постмодернизма занимает в записях Гаспарова и его письмах ко мне место настолько большое, что это становится для некоторых исследователей подозрительным. Может быть, поэтому известный автор Николай Поселягин озаглавил свою недавнюю статью для торжественного сборника в честь 50-летия И.А. Пильщикова «Гаспаров как деконструктивист» [34]. Автор считает, что Гаспаров сражается с Деррида как с одним из собственных обликов, что он, по сути, борется не с методом деконструкции, но скорее с его философскими подтекстами, но сам при этом фактически занимается деконструкцией: неслучайно в его текстах слишком много «произвольного» – будь то реконструкция фигуры Лотмана, которого Гаспаров, дескать, сводит к его первой книге, «Лекции по структуральной поэтике» (1964), или же экспериментальные переводы [35] (почему собственно вольный стих показывает своеобразие поэта, а ритмический или рифмованный – принадлежность эпохе?). Кстати, этот вопрос и в самом деле указывает на нечто вовсе не самоочевидное.

Что бы ответил на эту критику Гаспаров? Наверное, он сказал бы, что произвольных деформаций в экспериментальных переводах он не производит, что он контролирует производимые операции и предупреждает о них читателя. Так, например, относительно работы с Верхарном (из сборника «Черные факелы», первые строки гаспаровского перевода – «Мой рассудок мертв») он рассказывает о том, что делает: мы убираем связующие фразы, распространяющие глагольные обороты, сохраняем преимущественно существительные, да и среди тех скорее конкретные, чем отвлеченные, так что в итоге каждое слово делается более весомым и резким. То есть это именно не прихоть, но поставленный над текстом опыт. Другое дело, что в какой-то момент невольно возникает вопрос: что это – перевод или самостоятельное стихотворение «по мотивам Верхарна»? При этом, думаю, Гаспаров все же преувеличивает способность контролировать – даже не столько

используемые приемы, сколько их результаты и эффекты. Да и кто будет оценивать проводимый эксперимент? Кто будет описывать свои эстетические впечатления и сопоставлять их применительно к разным переводам – а ведь такое сопоставление так или иначе предполагалось и у Ярхо, и у Гаспарова. Так что провокативный текст Поселягина дает повод для новых размышлений – и о палитре возможностей перевода, и о пределах точного литературоведения. Впрочем, нельзя не напомнить, что научным во всем своем творчестве Гаспаров считал только количественный анализ стиха, а потому ни очерки о Лотмане, ни переводы, тем более заявленные как осознанные эксперименты, в эту категорию заведомо не входят, а потому и критерии произвольного и обоснованного тут будут изначально иные, чем предполагает критик.

Новый позитивизм?

Так или иначе, материал в виртуальной книжке, как я ее понимаю, должен был освещать ту концепцию нового позитивизма, или нового эмпиризма, которую фактически строил Гаспаров (этими терминами он не пользовался). Это был грандиозный замысел, отчасти реализованный, в котором Гаспаров ссылался на Ярхо в безусловном смысле, хотя, как уже говорилось, не во всем эти ссылки были надежными. Прежде всего – в том, что Ярхо опирается на биологические аналогии, а Гаспаров – на исторические, гораздо более способные подталкивать к релятивизирующим следствиям, что, возможно, не всегда им учитывалось. При этом для них обоих, Ярхо и Гаспарова, в понимании науки и научности важную роль играет противопоставление науки как логической процедуры процессу открытия (последнее может возникнуть хотя бы и во сне). Специфика науки – логический способ изложения того, что было открыто одним человеком, но становится доступно другим людям. Мне доводилось писать об этой проблеме соотношения процесса исследования с логическим изложением его результатов [36], а также «деконструировать» гаспаровское понимание этого тезиса: Гаспаров приписывал его Ярхо, но на самом деле, видимо, он принадлежит Г.Г. Шпету, к которому у Гаспарова было весьма неоднозначное отношение, во многом с подачи Ярхо. Этому запутанному вопросу был посвящен мой доклад на конференции, приуроченной к 100-летию русского формализма (Париж, октябрь 2015); материалы готовятся к изданию во французском журнале «Communications», некогда основанном Роланом Бартом.

Новый позитивизм, о котором я говорю, это не тот архаичный позитивизм, который на разных этапах своего существования в XIX и XX вв. принимал самые разные обличья. По сути, Гаспаров указывает нам на новый пласт философской проблематики. А именно: вопросы, которые он ставил, требуют пересмотра идеи позитивности и эмпирического факта, учета тех сложных опосредований и моделей, в которые он вписывается как мельчайший элемент в процессе понимания и интерпретации. Эта новая концепция позитивности должна быть отлична и от того позитивизма, который было принято ругать в русской философии XIX в., и одновременно – от того европейского (пост)позитивизма, который в XX в. растворил факты в социуме, культуре, сделал их целиком зависимыми от теоретических каркасов и тем самым релятивизировал все здание науки. Сейчас принято считать, что позитивизм как идея последовательного эмпирического обоснования науки безвозвратно погиб, а к тому же, дескать, и раньше был эпистемологически невозможен и морально вреден (как бескрылое оправдание всего существующего). Но недаром характеристику, которую дала Гаспарову Кэрил Эмерсон – «сторожевая собака позитивной научности», – он носил как орден и считал ее «безоговорочно комплиментарной».

В противоположность классическому позитивизму, отвергавшему философию (такое отвержение было формой равнодушного отношения к философии), Гаспаров имел свою философию или, по крайней мере, «спонтанную философию ученого» (термин Луи Альтюссера). На это работало и его осознанное требование давать отчет в том, что мы обычно принимаем без доказательств, и сверхответственное отношение к слову, далеко выходящее за рамки любой филологической тщательности. Гаспаров – философ *sui generis*: он строил нужную ему философию познания, о которой мы можем судить по косвенным признакам, так как она целиком не прописана и должна быть реконструирована в текстах конкретных анализов. Фактически Гаспаров постоянно бился за философский (слова «рефлексивный», «самоосознающий», здесь очень уместного, он не употреблял) подход ко всему, над чем он работал. Но эта имплицитная философия нуждается в экспликациях и уточнениях.

В этой связи обратим внимание на гипертрофированную вербализованность как осознанную установку Гаспарова. Так, даже в анализе заумного стихотворения обыденный рассказ о понимании содержания считался необходимым – чтобы было, с чем сравнивать те смысловые и языковые деформации, которые произведены

автором текста. Тут возможна такая параллель с Фуко вокруг идеи пределов. Если Фуко (как философ) испытывал пределы, чтобы проверить свою способность в любой ситуации «думать иначе», то Гаспаров (как филолог) ставил целью не изменение и сдвиг любой ценой, но расширение сферы вербальной артикуляции всего, что мы испытываем. И тем самым он, можно сказать, испытывал способность претворять разнообразный человеческий опыт в соизмеримые формы – через язык, через высказывание. Фактически это была попытка перевода в ситуациях непереводимости. Причем, как и у не любимого им Фуко, это было не просто личное строительство в своем духовном хозяйстве: это был опыт-предел, или опыт на пределе, или опыт с пределами (границами) (*expérience-limite*). Впрочем, и Деррида, как я думаю, тоже по сути занимался тем, что расширял сферу выразимого в мысли, так что между Деррида и Гаспаровым в некоторых смыслах было больше парадоксальным образом сходного, чем Гаспаров был готов признать.

Заключение

Гаспаров – и за рамками этого книжного проекта – нередко определял свое место по отношению к более общему социальному или мыслительному пространству как «щель» или «угол». Быть может, его образ нашего взаимодействия – «разговоры из двух углов» – был навеян известной «Перепиской из двух углов» Вяч. Иванова и М.О. Гершензона (1921): она была, как мы помним, создана в тот момент, когда оба друга жили вдвоем в одной комнате, в здравнице «для работников науки и литературы» в Москве, имели на двоих одно окно и одну дверь, но разные углы и отдельные письменные столы, и в этих условиях они письменно рассуждали о Боге и личном бессмертии. У них было общее пространство жизни и заранее заданная тема. У нас не было ни общего пространства жизни, ни заданной темы, а те, что были более или менее очевидными, вполне могли тянуть собеседников в разные стороны. Быть может, Гаспаров имел в виду более близкий аналог – рубрику «Переписка из разных углов», появившуюся в НЛО. В любом случае, хорошо, что Гаспаров назвал наш жанр «разговорами из двух углов»: это шире «переписки», а разговор вполне может быть и письменным.

Опираясь на представленные выше темы статей или исследований, а затем – планы совместной книги, мы можем теперь только гадать о том, что могло бы реально произойти в том вир-

туальном пространстве, куда Гаспаров был готов ввести одновременно самые разные жанры. В любом случае базовая аналогия между ролью Лавуазье в химии и ролью Ярхо в литературоведении подвергалась весьма неожиданной контекстуализации, попадая в экспериментальную форму жанрового хаоса, где возможны непредсказуемые столкновения и разрывы, а может быть, и взаимодействия. Однако контуры нашей общей проблематики были уже намечены: главное – не дать себе погибнуть, как погибла античная культура, от «эгоцентричности», индивидуализма, замкнутости на себя. На пути к их искоренению нам нужно искать и анализировать «факты», учить чужие «культурные языки». Все это и должна иметь в виду «новая концепция образования», а как именно в ней смогут соотноситься умения философии и филологии, выяснится в будущем. В принципе можно предположить, что эти дисциплины, ответственные за слово и за понятие, смыкаются там, где речь идет о рождении и формулировании мысли, способной давать аргументы от разума (а не от откровения или чувствования).

В заключение – еще один привет нам от Гаспарова – слово утешения, которое может пригодиться каждому. Оно звучит во многих его работах: это слово – не отчаиваться! Этому помогает его опора на типологию культуры, основанную на непреложной смене доминант и этапов по принципу контраста. Это могут быть периоды развития вширь, когда культура охватывает более широкие слои, и развития вглубь, когда она интенсифицируется и вырабатывает более тонкие механизмы и приемы; или же это могут быть смены логических доминант, условно говоря, образными и чувственными. Этот принцип Гаспаров использовал и в объяснении истории литературы, и в схемах российского усвоения западной культуры, и в анализе культурных механизмов перевода: готика – Возрождение – барокко – классицизм – романтизм – реализм сменяли друг друга, и ни одно состояние умов и душ не закреплялось навсегда. А потому и в письмах он утешал меня и себя: если мы оказываемся «апостолами рационализма», который сейчас никому не нужен, не стоит огорчаться: сейчас не нужны, зато будем нужны следующему поколению. А наше сегодняшнее состояние – не конец истории. Если, конечно, мы будем развивать службу взаимоперевода и взаимопонимания, которая помогает жить в настоящем и намечает пути в будущее. Об этом и идет «разговор из двух углов».

Литература

1. Ваш М.Г. Из писем Михаила Леоновича Гаспарова / сост. Е.П. Шумилова. М.: Новое издательство, 2008. 450 с.
2. Автономова Н.С., Гаспаров М.Л. Сонеты Шекспира и переводы Маршака // Вопросы литературы. 1969. № 2. С. 100–112.
3. Гаспаров М.Л. Избранные труды. В 3 т. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 2. С. 105–120.
4. Гаспаров М.Л. О русской поэзии. М.: Азбука, 2001. 476 с.
5. Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыт философии языка. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. 704 с.
6. Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыт философии языка. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 736 с.
7. Автономова Н.С., Гаспаров М.Л. Якобсон, славистика и евразийство: две конъюнктуры 1929–1953 // Роман Якобсон: тексты, документы, исследования. М.: РГГУ, 1999. С. 534–540.
8. Гаспаров М.Л. [электронная версия доклада Гаспарова на VII Лотмановских чтениях, проведенных ИВГИ при РГГУ в 1999 г.] // Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. 2-е изд. испр. и доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 228–233.
9. Автономова Н.С. Ретроспективный комментарий: Гаспаров, Лотман и марксизм // Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров / Автономова Н.С. 2-е изд. испр. и доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 233–246.
10. Гаспаров М.Л. Опыт античности для педагогики будущего. Публикация Наталии Автономовой // Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею / отв. ред.-сост. Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2015. С. 671–675.
11. Свой путь в науке. Коллективный портрет ИВГИ / сост. Н.С. Автономова, Е.П. Шумилова. М.: РГГУ, 2004 (Серия «Чтения по истории и теории культуры», вып. 44).
12. Гаспаров М.Л. Научная щель // Свой путь в науке. Коллективный портрет ИВГИ / сост. Н.С. Автономова, Е.П. Шумилова. М.: РГГУ, 2004. С. 30–34 (Серия «Чтения по истории и теории культуры», вып. 44).
13. Автономова Н. Philosophie oder Parodie auf die Philosophie? (Kommentar zum Vortrag von A. Hansen-Löve über die Philosophie des “Nichts” bei den Oberrieten) // Russisches Denken im Europäischen Dialog / M. Deppermann (hrsg.). Innsbruck; Wien, Studien Verlag, 1998. S. 212–225.
14. Гаспаров М.Л. Лермонтов и Ламартин: семантическая композиция стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива» // Историко-филологические исследования. М.: Наука, 1974. С. 113–120.

15. *Гаспаров М.Л.* Работы Б.И. Ярхо по теории литературы // Труды по знаковым системам – 4. Тарту: ТГУ, 1969. С. 504–514.
16. *Ярхо Б.И.* Методология точного литературоведения. М.: Языки славянских культур, 2006. 928 с.
17. *Ярхо Б.И.* Методология точного литературоведения. Отрывки [публ. М.Л. Гаспарова] // Труды по знаковым системам – 4. Тарту: ТГУ, 1969. С. 515–526.
18. *Золян С.Т.* Перечитывая «О разных методах перевода» Шлейермахера: к основаниям теории переводоведческой относительности // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8. № 4. С. 67–80.
19. *Jakobson R.* Über die heutigen Voraussetzungen der russischen Slavistik // Slavische Rundschau. 1929. Vol. 1 (8). P. 629–646.
20. *Якобсон Р.О.* О современных перспективах русской славистики / пер. с нем. Д. Бака // Роман Якобсон: тексты, документы, исследования. М.: РГГУ, 1999. С. 21–37.
21. *Автономова Н.* Roman Jakobson: deux programmes de foundation de la slavistique // Jakobson entre l'Est et l'Ouest, 1915–1939 / F. Gadet, P. Sériot (eds.). Lausanne, 1997. P. 5–20. (Cahiers de l' Institut de linguistique et des sciences du langage (ILSL). Vol. 9).
22. *Автономова Н.С.* Актуальное прошлое: структурализм и евразийство (вступит. статья) // Серио П. Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–30 гг. / авториз. пер. с франц. Н.С. Автономовой. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 9–30.
23. *Автономова Н.С.* Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. 504 с.
24. *Автономова Н.С.* Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 509 с.
25. *Афанасьев Ю.Н., Строгалов А.С., Шеховцов С.Г.* Об универсальном знании и новой образовательной среде (к концепции универсальной компоненты образования) // Интеллектуальное развитие и универсальная образовательная среда: Материалы Всерос. науч.-метод. конф. «Развивающая педагогика в универсальной образовательной среде». Голицыно, 1–4 февраля 1999 г. М.: РГГУ, 2000.
26. *Афанасьев Ю.Н., Шеховцов С.Г.* Путь гуманитарного университета: опыт рефлексии // Интеллектуальное развитие и универсальная образовательная среда: Материалы Всерос. науч.-метод. конф. «Развивающая педагогика в универсальной образовательной среде». Голицыно, 1–4 февраля 1999 г. М.: РГГУ, 2000.
27. *Автономова Н.С.* Философия и филология // Наука глазами гуманитария. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 634–658.
28. Философия филологии (круглый стол) // НЛЮ. 1996. № 17. С. 45–93.

29. Автономова Н.С. Философия и филология (о российских дискуссиях 1990-х годов) // Ускользящий контекст. Русская философия в XX веке. М.: Ad Marginem, 2002.
30. Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею // отв. ред.-сост. Б.И. Пружинин Т.Г. Щедрина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2015.
31. Гаспаров М.Л. История литературы как творчество и исследование: случай Бахтина // Русская литература XX–XXI веков: Проблемы теории и методологии изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 10–11 ноября 2004. М., 2004. С. 8–10.
32. Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 416 с.
33. Автономова Н.С. Гаспаров и перевод: От Аристотеля к Деррида // Вольность и точность. Гаспаровские чтения – 2014. М.: РГГУ, 2015. С. 70–87.
34. Поселягин Н. Гаспаров как деконструктивист // Славистический сборник. Review of Slavic Studies. Vol. 92. Нови сад, 2017. С. 163–174.
35. Гаспаров М.Л. Экспериментальные переводы. СПб.: Гиперион, 2003. 352 с.
36. Автономова Н.С. «Наука» и «творчество»: метаморфозы антиномии // Классика и не только: Нине Владимировне Брагинской. М.: РГГУ, 2010. С. 411–422 (серия: *Orientalia et Classica*. Вып. 33).

References

1. Shumilova EP, comp. "Yours M.G." From the letters of Mikhail Leonovich Gasparov. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ.; 2008. 450 p. (In Russ.)
2. Avtonomova NS, Gasparov ML. Shakespeare's Sonnets and Marshak's Translations. *Voprosy literatury*. 1969;2:100-12. (In Russ.)
3. Gasparov ML. Selected Works. In 3 vols. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ.; 1997. p. 105-20. (In Russ.)
4. Gasparov ML. On Russian Poetry. Moscow: Azbuka Publ.; 2001. 476 p. (In Russ.)
5. Avtonomova NS. Knowledge and Translation. Experiences of the Philosophy of Language. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ.; 2008. 704 p. (In Russ.)
6. Avtonomova NS. Knowledge and Translation. Experiences of the Philosophy of Language. 2nd ed., corr. and enlarged. Moscow; Sankt-Peterburg: Tsentr humanitarnykh initsiativ Publ.; 2016. 736 p. (In Russ.)
7. Avtonomova NS., Gasparov ML. Jakobson, Slavic Studies and Eurasianism: Two Conjectures 1929–1953. V: *Roman Jakobson. Texts, documents, research*. Moscow: RGGU Publ.; 1999. p. 534-40. (In Russ.)

8. Gasparov ML. [Online version of Mikhail Gasparov's talk at the Seventh Lotman Conference. Institute for Advanced Studies in Humanities at the Russian State University for the Humanities, 1999]. V: Avtonomova NS. *Open Structure: Jakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov*. 2nd ed., corr. and enlarged. Moscow; Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ.; 2014. p. 228-33. (In Russ.)
9. Avtonomova NS. *Open Structure: Jakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov*. 2nd ed., corr. and enlarged. Moscow; Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ.; 2014. *Stat'ya. A Retrospective Commentary: Gasparov, Lotman, and Marxism*. p. 233-46. (In Russ.)
10. Gasparov ML. *The Legacy of Antiquity for the Pedagogy of the Future*. Publ. by Natalia Avtonomova. V: Pruzhinin BI, Shchedrina TG. (ed., comp.). *The Topoi of Natalia Avtonomova's Philosophy. A Jubilee Volume*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ.; 2015. p. 671-75. (In Russ.)
11. Avtonomova NS., Shumilova EP., comp. *A Way of One's Own in Scholarship. A Collective Portrait of IASH*. Moscow: RGGU Publ.; 2004 (Series "Conference on the history and theory of culture", vol. 44). (In Russ.)
12. Gasparov ML. *A Scholarly 'Hole'*. V: Avtonomova NS., Shumilova EP., comp. *A Way of One's Own in Scholarship. A Collective Portrait of IASH*. Moscow: RGGU Publ.; 2004. p. 30-4 (Series "Conference on the history and theory of culture", vol. 44). (In Russ.)
13. Avtonomova N. *Philosophie oder Parodie auf die Philosophie? (Kommentar zum Vortrag von A. Hansen-Löve über die Philosophie des "Nichts" bei den Oberriuten)*. Deppermann M., hrsg. *Russisches Denken im Europäischen Dialog*. Innsbruck; Wien, Studien Verlag, 1998. s. 212-25.
14. Gasparov ML. *Lermontov and Lamartine: the Semantic Composition of the Poem "When the Yellow Cornfield is Waving"*. V: *Historical and philological research*. Moscow: Nauka Publ.; 1974. p. 113-20. (In Russ.)
15. Gasparov ML. *Boris Yarkho's works on literary theory*. V: *Proceedings on sign systems – 4*. Tartu: TGU Publ.; 1969. p. 504-14. (In Russ.)
16. Yarkho BI. *Methodology of Exact Literary Studies*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ.; 2006. 928 p. (In Russ.)
17. Yarkho BI. *Methodology of Exact Literary Studies. Excerpts [publ. by Gasparov ML.]*. V: *Proceedings on sign systems – 4*. Tartu: TGU Publ.; 1969. p. 515-26. (In Russ.)
18. Zolyan ST. *Schleiermacher's "On the Different Methods of Translating" Revisited: towards foundation of a translationalogical relativity theory*. *Slovo.ru: baltiiskii aktsent*. 2017;8(4):67-80. (In Russ.)
19. Jakobson R. *Über die heutigen Voraussetzungen der russischen Slavistik*. *Slavische Rundschau*. 1929;1(8):629-46. (In Russ.)
20. Jakobson RO. *Today's Perspectives of Russian Slavic Studies*. V: Roman Jakobson. *Texts, documents, research*. Moscow: RGGU Publ.; 1999. p. 21-37. (In Russ.)

21. Avtonomova N. Roman Jakobson: deux programmes de foundation de la slavistique. V: Gadet F., Sériot P., eds. *Jakobson entre l'Est et l'Ouest, 1915–1939*. Lausanne, 1997. p. 5-20. (Cahiers de l' Institut de linguistique et des sciences du langage (ILSL), vol. 9).
22. Avtonomova NS. A Topical Past: Structuralism and Eurasianism. V: Serio P. *Structure and integrity. On the intellectual origins of structuralism in Central and Eastern Europe. 1920–1930 years*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ.; 2001. p. 9-30. (In Russ.)
23. Avtonomova NS. Open Structure: Jakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ.; 2008. 504 p. (In Russ.)
24. Avtonomova NS. Open Structure: Jakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov. 2nd ed. corr. and enlarged. Moscow; Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ.; 2014. 509 p. (In Russ.)
25. Afanasyev YuN., Strogalov AS., Shekhovtsov SG. On Universal Knowledge and the New Educational Environment (towards the Concept of a Universal Component of Education). V: Intellectual development and universal educational environment. Proceedings of the All-Russia Scientific-method. Conf. “Developing pedagogy in an universal educational environment”. Golitsyno, February 1–4, 1999. Moscow: RGGU Publ.; 2000. (In Russ.)
26. Afanasyev YuN., Shekhovtsov SG. Some Reflections on the Path of a University for the Humanities. V: Intellectual development and universal educational environment. Proceedings of the All-Russia Scientific-method. Conf. “Developing pedagogy in an universal educational environment.” Golitsyno, February 1–4, 1999. Moscow: RGGU Publ.; 2000. (In Russ.)
27. Avtonomova NS. Philosophy and Philology. V: Science through the eyes of the humanitarian. Moscow: Progress-Traditsiya Publ.; 2005. p. 634-58. (In Russ.)
28. The Philosophy of philology (a round-table discussion). *NLO*. 1996;17:45-93. (In Russ.)
29. Avtonomova NS. Philosophy and Philology. (On the Russian Discussions of the 1990s). The elusive context. Russian Philosophy in the 20 century. Moscow: Ad Marginem Publ.; 2002. (In Russ.)
30. Pruzhinin BI., Shechedrina TG., ed. The Topoi of Natalia Avtonomova's Philosophy. A Jubilee Volume. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ.; 2015. (In Russ.)
31. Gasparov ML. History of Literature as Creation and as Research: Bakhtin's case. V: Russian literature of 20th–21st centuries. Issues of the theory and methodology of study. Proceedings of the international scientific conference. Moscow, November 10–11, 2004. Moscow, 2004. p. 8-10. (In Russ.)
32. Gasparov ML. Notes and Excerpts. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2000. 416 p. (In Russ.)
33. Avtonomova NS. Gasparov and Translation: From Aristotle to Derrida. V: Liberty and accuracy. Gasparov Conference-2014. Moscow: RGGU Publ.; 2015. p. 70-87. (In Russ.)

34. Poselyagin N. Gasparov as a Deconstructionist. V: Slavistic collection. Review of Slavic Studies. Vol. 92. Belgrad: Novi sad Publ.; 2017. p. 163-74. (In Russ.)
35. Gasparov ML. Experimental Translations. Sankt-Peterburg: Giperion, 2003. 352 p. (In Russ.)
36. Avtonomova NS. "Scholarly Research" and "Creation": metamorphoses of the Antinomy. V: Classics and not just that. To Nina Vladimirovna Braginskaya. Moscow: RGGU Publ.; 2010. p. 411-22 ("Orientalia et Classica" Series. Vol. XXXIII). (In Russ.)

Информация об авторе

Наталья С. Автономова, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, Москва, Россия; 109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; ведущий научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; avtonomovanatalia@gmail.com

Information about the author

Natalia S. Avtonomova, Dr. in Philosophy, chief researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 12/1 Goncharnaya str., Moscow, Russia, 109240; leading researcher, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya sq., Moscow, Russia, 125993; avtonomovanatalia@gmail.com

«...Потому он дважды повторяет слово *Бог*,
что хочет сделать сильнее и крепче свою хвалу»:
о метрике интродуктивной строфы
к поэме «Чудо Колума Килле»

Татьяна А. Михайлова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, tamh.msu@mail.ru*

Аннотация. Как принято считать, поэма-элегия «Чудо Колума Килле» является самым древним текстом на ирландском языке и была написана вскоре после смерти святого в 597 г. Но, как также принято считать, пред-посланная ей «интродуктивная строфа», или «интродуктивная молитва», является текстом более поздним, она сильно отличается от самой поэмы и по языку, и по метрике, а также – по стилю (личные обращения к Богу вместо рассказа о святом). В своем исследовании, посвященном анализу языка «Чуда Колума Килле» Дж. Бизани (2008) обратил внимание на наличие скрытых цитат из Псалтыри в интродуктивной строфе. В работе развивается его идея, а также проводится анализ ИС с точки зрения ее метрики.

Ключевые слова: древнеирландская поэтическая традиция, метрика, лорики, псалмы, святой Колум Килле, датировка поэмы «Чудо Колума Килле» и интродуктивной строфы к ней

Для цитирования: Михайлова Т.А. «...Потому он дважды повторяет слово *Бог*, что хочет сделать сильнее и крепче свою хвалу»: о метрике интродуктивной строфы к поэме «Чудо Колума Килле» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 191–216. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-3-191-216

“It is why he doubles the word *God* –
on account of the rapidity and avidity of his praising”:
towards the metrics of the introductory stanza
to “*Amra Choluim Chille*”

Tatyana A. Mikhailova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, tamih.msu@mail.ru

Abstract. As generally accepted, the poem *Amra Choluim Chille* is the oldest dateable poem in Irish, written soon after the death of the Saint in 597. But as is also generally accepted, the “Introductory stanza” or “Introductory Prayer” to the elegy is later: it differs in language and metrics and stands apart from the *Amra* itself. It is also to be noted that the content of the Introductory Prayer has no direct connection with the text of the *Amra* as elegy. In his analysis of the language and style of IP dr. J. Bisagni found the influence of the Psalms. In my article I follow his ideas and I will try to take a ‘step’ further: I suggest the IP text represents an old Irish monastic *lorica* (protective prayer) and was attached to the corpus of the *Amra* during the arrangement of the ‘canonic’ version of the elegy in the Middle Irish period. The metrics of the IS are also analyzed.

Key words: Old Irish poetics, metric, Book of Psalms in Early Ireland, Old Irish *loricae*, St. Columba, St. Jerome and his translations, dating of the Introductory stanza to ACC

For citation: Mikhailova TA. “It is why he doubles the word *God* – on account of the rapidity and avidity of his praising”: towards the metrics of the introductory stanza to “*Amra Choluim Chille*”. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*. 2018;3(36):191-216. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-3-191-216

Введение

Начать статью я намеревалась сравнением значения поэмы-элегии на смерть святого Колумбы для ирландской литературной традиции с той огромной ролью, которую в свое время сыграло для традиции русской «Слово о полку Игореве». Однако скоро поняла, что данное сравнение оказалось бы очень натянутым. С одной стороны, действительно, история «Чуда Колума Килле» (*Amrae Choluimb Chille*) как памятника и как собственно текста имеет много общего со

«Словом...»: оба считаются древнейшими полнообъемными текстами автохтонной традиции и оба «возвышаются уединенным памятником в пустыне древней словесности», как удачно сформулировал это в статье «О ничтожестве литературы русской» еще А.С. Пушкин [1 с. 307]. Более того, оба текста в свое время были загадочным образом утрачены, но затем таинственным образом найдены, причем именно тогда, когда в них оказывалась историческая и социальная потребность: для России это был конец XVIII в., для Ирландии – начало XI в., время активной борьбы против викингов и временной консолидации разрозненных мелких королевств¹.

Но с другой стороны, парадоксальным образом «Чудо Колума Килле» в отличие от «Слова...» не стало текстом прецедентным, не породило подражаний, почти не цитировалось. Таким образом, возникает своего рода парадокс: памятник, созданный у истоков традиции, затем – утраченный и вновь обретенный в период художественной и историко-социальной ломки стандартов, причем текст – не утраченный вновь (как «Слово...»), но бережно хранимый во многих списках и обильно глоссируемый², почему-то не стал образцом для подражаний. «Чудо...» по-прежнему воспринималось как «уединенный памятник», несомненно очень ценный, сама история написания которого постепенно обросла легендами, но при этом требующий не только особого пиетета, но и особой дистанцированности.

«Чудо Колума Килле»: история изучения

Такое отношение к поэме сохранялось в Ирландии вплоть до нашего времени, что, естественно, затрудняло ее текстовый анализ и особенно ее непредвзятую датировку. Как, например, пишет автор популярного комментированного издания поэмы Аэдан Мак Полин: «Мы знаем, что эта изысканная элегия была написана вскоре после 597 г. И что ее автором был Даллан Форгалл, “слепец знания”, которого сам святой Колум Килле объявил “королем поэтов”. Таким образом, “Чудо...” представляет собой самый древний текст, написанный на ирландском языке» [6 р. 88].

¹ О том, кому и почему оказалось нужным «Чудо Колума Килле», см. в нашей работе [2].

² См. обильные интерлинейные глоссы к поэме, появляющиеся уже в наиболее ранней рукописи Liber Hymnorum [3], и затем как бы разбухающие – в рукописи Lebor na hUidre [4], и затем еще более расширенные в так называемой Бодлеанской версии [5].

Такая точка зрения, насколько мне известно, не оспаривалась современными историками и ее разделяют некоторые лингвисты. Как пишет, например, Мойра Херберт, известный специалист в области ранней ирландской церкви, ссылаясь при этом на значительный корпус филологических исследований: «Согласно лингвистическим данным, создание поэмы датируется примерно 600 г., что соответствует рукописным свидетельствам, по которым она была сложена вскоре после смерти святого» [7 р. 9–10].

Тем не менее данная общепринятая точка зрения была оспорена итальянским лингвистом Джакомо Бизани, который в своем диссертационном исследовании сумел доказать, что основной текст поэмы датируется примерно VIII в. и написан был, скорее всего, не легендарным поэтом Далланом Форгаллом, а анонимным клириком из монастыря на острове Иона (возможно – из монастыря в Келлсе) [8, 9]. Впрочем, его труд, хоть и известный ирландистам, не получил широкого признания, и исследователи как бы по умолчанию по-прежнему говорят о поэме как о самом раннем поэтическом ирландском тексте, а ее автором по-прежнему признается Даллан. Как писали в свое время Т. Кланси и Г. Маркус, «поэма приписывается поэту по имени Даллан Форгалл, и поскольку его репутация в основном строится на этом авторстве, было бы безумием перестать соотносить его имя с “Чудом”» [10 р. 97]³.

Однако в самые последние годы архаичность поэмы все же оказалась поставленной под сомнение. И как писал в своем объемном труде «Ключ к древнеирландской литературе» известный ирландский историк Д. О’Коррань, полагавший, что некая устная редакция элегии могла появиться на Ионе действительно вскоре после смерти святого, «проблема датировки окончательной редакции “Чуда Колума Килле” остается не ясной и сомнительной» [11 р. 1117].

Вопрос о датировке поэмы действительно очень сложен, и на верное, наиболее перспективной в данном случае предстает идея, высказанная П. Расселлом: «Архаически составленный текст поэмы содержит отсылки к реалиям раннего христианства и христианской ученой традиции, но в целом “Чудо Колума Килле” вряд ли

³ Отмеченные ими текстовые переключки с элегией святому, приписываемой святому Адомнану, аббату монастыря на острове Иона и автору латинского Жития св. Колумбы (ум. ок. 704), и стихами поэта-клирика того же монастыря Беккана Мак Лугдеха (VII в.) на самом деле могут рассматриваться не как цитации, но как проявления бродячих формул, циркулирующих в пространстве одного монастыря (см. [10 р. 239]).

может быть целиком соотнесена с этим периодом; сам текст явно неоднороден и представляет собой скорее компиляцию из более ранних и более поздних фрагментов» [12 р. 291]. Эта идея очень перспективна для дальнейшего анализа текста поэмы в целом: как возможной датировки, так и ее изобразительных средств. Иными словами, представляется более уместным говорить в данном случае не об авторстве текста (и даже не о неосознанном авторстве), но скорее – о компиляции.

Хотелось бы привести здесь один небольшой пример, который, насколько мне известно, пока не обращал на себя внимания исследователей. Так, в 3-й строке Первой песни поэмы, посвященной описанию общего горя как реакции на смерть святого, употреблено сочетание – *mór mairg* ‘великое горе’⁴ [10 р. 104]. Слово *mairg* в древне- и среднеирландском языке представляет собой несклоняемое существительное, имеющее скорее характер междометия и, как правило, образующее нефинитные конструкции с местоименными предлогами: *mairg dom* ‘горе мне, увы мне’. Сочетание *mairg* с прилагательными считается архаизмом. Но это же сочетание *mór mairg* мы встречаем в ранней версии саги «Смерть Кухулина», причем – в архаическом (акцентном) плаче по герою, приписываемом его жене Эмер: *mór ngalgat, mór mairg* [13 р. 30] – ‘великое несчастье, великое горе’. Предположительно, мы видим здесь архаическую формулу, причем – аллитерированную, традиционно использовавшуюся в поэтических плачах и воспроизведенную в поэме на смерть святого. Наверное, аналогичных примеров можно найти еще много.

Итак, «Чудо Колума Килле» неоднородно по своему происхождению и неомогенно как художественный текст. Сказанное, несомненно, нуждается в более аргументированных доказательствах, но скорее в том, что касается поэмы в целом. Что же касается так называемой «интродуктивной строфы» к поэме, то ее выделенность и своего рода «чужеродность», как кажется, никогда и не вызывали сомнений, причем – уже для среднеирландских компиляторов.

Пролог к поэме

В Прологе к поэме, содержащемся уже в самой ранней из сошедших до нас рукописей – «Книге гимнов» (*Liber Hymnorum*), компиляции начала XI в., рассказывается, что святой Колум Килле

⁴ Здесь и далее, если не указано иное, поэма цит. по унифицированному изданию [10].

предупредил поэта Даллана о том, что день его смерти и, соответственно, день начала работы над сложением поэмы-элегии будет ознаменован тремя чудными явлениями: “Cuin ro innub th’éc ocus tu in-ailithri ocus messe in nHerinn’? Tri (com)arthai immorro dorat Colum Cille dó, in tan dogénad a molad, comad marcach eich alaid no innised dó eitsecht Coluim Cille; ocus in cétna foccul noráidfed comad he tosach in molta; ocus a shuli do lécud dó céin no beth ic a de(nam)” [З р. 164] – «Как смогу я узнать о твоей смерти, если ты будешь в своем паломничестве, а я – в Ирландии? И тогда Колум Килле поведал ему о трех знаменьях, которые отметят день начала сочинения поэмы-элегии. То есть появится всадник на пестром коне и объявит о смерти Колума Килле. И слова его будут таковы, что это и будет первой строкой поэмы. А еще ему будут отпущены его глаза на то время, что будет он занят этим».

Упоминание слов загадочного вестника на пестром коне, которые должны были стать началом первой строки поэмы, естественно, не случайно. Они не только демонстрируют поэтические и теоретические компетенции и политические установки и ориентир среднеирландского компилятора Пролога⁵, но и дают возможность вычленить собственно текст поэмы. В древнеирландской силлабической системе и, как пишет Дж. Мерфи, «возможно и в более ранней поэзии, существовало правило: последнее слово последней строфы, называемой *íarcomar* (“послед-битвие”), повторяет первое слово первой строки поэмы. Поэма, в которой не соблюдено это правило, называется лишенной *dúnad* (“прикрытия”)» [15 р. 43].

Таким образом, судя по тексту самой поэмы, мы можем сделать вывод, что реальным «первым словом» является словосочетание: **Ní díscéoil** duaе Neill – *букв.* «Не без новости дом Нейллов». Оно же повторяется в конце поэмы: *Nímda húain. Ní díscéoil.* – «Мое время вышло. Не без повести»⁶.

⁵ Говоря проще, легенда о всаднике на пестром коне сложилась позднее, чем, предположительно, была составлена сама поэма, и поэтому строка, отсылающая к «дому Уи Нейллов», демонстрирует и проуинейлловские установки компилятора Пролога либо самой «Книги гимнов», либо – проредакции, к которой Пролог восходит (см. об этом в работе [14]).

⁶ Ирландское *scél* имеет два значения: «новость» и «повесть, рассказ», что часто обыгрывается как в поэзии, так и в прозаических нарративах.

Интродуктивная строфа к поэме

Интродуктивная строфа, начинающаяся словами *Día, Día do-grrogus...* сразу оказывается как бы вне основного текста поэмы, что, как я понимаю, и было важно показать составителю Пролога. Предположительно, составитель Пролога к «Чуду...» в «Книге гимнов» работал с более ранней версией поэмы-элегии, которую уже предваряла «лишняя» вводная строфа. Но лишняя – на уровне поэтического текста, а не памятника в целом, который, как можно реконструировать, в не дошедшей до нас проторедакции уже мог включать в себя и краткий «прото-Пролог» (в дальнейшем он был значительно расширен), интродуктивную строфу, собственно поэму и многочисленные интерлинейные глоссы уже в самой ранней из дошедших до нас рукописей, составляющих со строками поэмы одно целое (см. рис.).

Все поздние компиляторы последовательно размещали интродуктивную строфу непосредственно перед текстом самой поэмы, осознавая существующую между ними некую важную связь. Причем интродуктивная строфа в данном случае выступала как своего рода продолжение *remfocul* ('пред-слово'): традиционно – небольшое предисловие, размещаемое перед новым разделом в текстах законов, позднее – некое предваряющее что-либо речение. Данный термин, предположительно, используется по отношению к Прологу к поэме в самом его тексте. Сама поэма при этом подразделяется в рукописях на главки, снабженные латинскими «названиями» (например: *De mestitia omnium rerum in morte Columbae* – «Об общем горе из-за смерти Колумбы»). Как пишет об этом Дж. Бизани, «следует отметить, что ИС рассматривалась как часть, составляющая с поэмой как бы единое целое. Такой взгляд, предположительно, сложился в начале XI в., хотя у нас нет оснований утверждать, что изначально, то есть в тексте поэмы IX в., она уже присутствовала; видимо, мы имеем дело со своего рода реконтекстуализацией» [8 p. 213].

Несомненно, интродуктивная строфа отличается от собственно корпуса поэмы фокусом эмпатии автора (кем бы он ни был). Если в поэме автор почти ничего не говорит о себе (за исключением последнего раздела), и основным объектом описания, а также отчасти его адресатом является сам Колумба, то в ИС адресатом эмоционального воззвания является Бог. Причем в небольшом по объему тексте обращает на себя внимание регулярная альтернатива: поэт то непосредственно обращается к Богу, то говорит о нем в 3-м лице. Иными словами, ИС по своей нарративной структуре тоже не полностью предстает как гомогенный текст.

VIA DOR ROSIS RETIAS
VIA MAGNIS. .i. ppo at agur dia t
 surdm mapu tiaz in agnur. Culitua
 net. .i. ameth cy pat yshda tye ach
 corop aluo deo manye tye cat vena
 vobum nime. Dia nime nime itge
 hillungu tetschiar unamitua
 met. .i. apueluo pntm at dia nime t dia
 pnt ande dia appal. nishlge regim illuz
 vena qmth amut. Dia mox manacul
 demur. the nade daterce noer.
 .i. mox dia od manacul qmth tetho bale
 hithle t dhu coctm teodhce. .i. q pte myu.
 imbo. dithice da edporeu no olat t pco
 de. .i. dia t q. .i. dthice pnt. t p. .i. qm t qh co
 maice. p. l. dume pnt ad bnde le dithice
 qatibto imbit ule. amhoc manye coamp
VIA PIRIAN PIROCUS CLINES MO.
 DONUCILL DENIMACH NEL. .i. dia p
 oth t dia naphuan. piroci. .i. q. .i. of ubi
 ppe of; tuocant; ea. mox nuall. .i. p
 nuall. .i. nuall moctur pndim. t. nethale.

В то же время у нас нет достаточных оснований говорить о том, что термином *remfocul* в рукописях кодируется Пролог в целом. Так, с одной стороны, он действительно открывается словами: *Loc dond remoculsa chetus Druimm Ceta ar is ann doronad in mórdáil Dromma Ceta* [4 р. 11] – «Место этому пред-словию впервые – Друм Кет, ибо там был устроен великий собор в Друм Кете»⁷. Вместе с тем по расширенному тексту Пролога в «Книге бурой коровы» можно видеть, что это же понятие применяется компилятором уже не столько к Прологу, сколько скорее к интродуктивной строфе, которая в нем странным образом как бы повторяется дважды. В первый раз – лишь в виде начала первой строки: *Dia. Dia ḡrl.* – «Бог. Бог и так далее», за чем следует пространное рассуждение о метрике фрагмента (о чем – см. ниже), завершающееся словами: *Da ernail díb so isind remfocul so. Aterruch I nguth ngnáth ḡ a innsimod* [4 р. 15] – «Два приема у этого пред-словия. Возвращение к прежнему звуку и пересказывание». Затем интродуктивная строфа приводится уже полностью, причем – с глоссами, носящими скорее лексический характер.

Таким образом, употребленное в самом начале Пролога слово *remfocul* также, строго говоря, может быть отнесено не к самому Прологу, а к интродуктивной строфе, которая, как полагает компилятор Пролога в редакции «Книги бурой коровы» (и в более поздних рукописях), и была впервые составлена во время собора в Друм Кете. В результате получается, что интродуктивная строфа оказывается скорее частью Пролога, чем «предисловием» к собственно поэме? Мне так не кажется. В самой ранней из дошедших до нас рукописей, *Liber Hymnorum*, данное дублирование не присутствует, и текст интродуктивной строфы по своему оформлению предстает скорее как относящийся уже к поэме в целом, чем к Прологу⁸. Видимо,

⁷ Имеется в виду историческое событие: собор в Друм Кете, на который из монастыря на Ионе приехал Колум Килле. На соборе, как принято считать, обсуждались три проблемы: положение поэтов-филидов в обществе и злоупотребление ими своей магической «властью», статус ирландской колонии в Шотландии – Дал Риады, а также – положение детей подчиненных королей, отданных «на воспитание» в дом верховного короля, но реально ввиду жестокого обращения с ними имеющих статус заложников. В Прологе к поэме, как можно предположить заранее, особое внимание уделено первому пункту. В нем рассказывается, как святой заступился за поэтов и не допустил их изгнания из Ирландии, но согласился на уменьшение численности их свиты.

⁸ Именно так она и была оформлена в самом первом издании поэмы по тексту «Книги бурой коровы» (см. [16]). Однако в размещенном на

трактовка интродуктивной строфы как части Пролога принадлежит компилятору «Книги бурой коровы», что затем воспроизводится в последующих рукописях. Но при этом парадоксальным образом, судя по выделенности в рукописи (шрифт), а также по наличию интерлинейрных глосс, она одновременно оказывалась частью и самой поэмы. Ввиду отсутствия заголовка к ней мы можем сделать как бы компромиссный вывод: интродуктивная строфа, безусловно, не была включена в текст во время компиляции среднеирландского периода, а уже присутствовала в не дошедшей до нас более ранней протOVERСИИ, однако поздние компиляторы осознавали ее чуждость по отношению к основному тексту элегии. Причем чуждость – скорее метрическую, но не содержательную! Не случайно она воспроизводится во всех восьми дошедших до нас списках поэмы, часть которых фрагментарна и лишена Пролога. Т. е., говоря проще, мы, видимо, имеем дело с чем-то вроде эпиграфа, который одновременно и составляет неотъемлемую часть памятника, и как бы находится «вне» его⁹.

Приведем наконец этот небольшой текст целиком в нашем, довольно условном, переводе:

Día Día do-rrogus ria tías inna gnúis,	Бог, к Богу я взываю, прежде чем
Culu tría néit.	предстану пред ликом Его
Día nimme nim-reilge i llurgu	Колесницей сквозь битву.
i néighthiar	Бог небесный да не оставит меня
Ar múich dia méit.	на пути страданий
Día már mo anacul de múr thein	В темном одиночестве!
(d)tide,	Бог великий – моя защита
Diuderc ndér.	от стены огня,
Día firén firocus c[h]luines	Долговечных слез.
mo donúaill	Бог истинный близок,
Do nimiath nél.	Он услышал мой стон
	С облачных небес!

ресурсе CODEC Online Data примечания к изданию говорится, что в нем дан текст и перевод среднеирландского Пролога к поэме, «не путать с поэтическим вступлением к каноническому тексту поэмы» (www.vanhamel.nl/codecs/commentaries/ie).

⁹ Наверное, любой спрошенный о начале романа «Анна Каренина» станет говорить о счастливых и несчастных семьях, тогда как для Толстого это было не так! Более сложный случай: «Евгений Онегин», который тоже начинается не рассказом о больном дяде, а своего рода интродуктивной строфой, написанной тем же размером, но – с другой строфикой, чем сам роман.

Обращение к рукописям, в которых текст поэмы выделен крупным шрифтом, демонстрирует несколько другое деление на строки:

Día Día do-rrogus ria tías inna gnúis,
 Culú tría néit.
 Día nimme nim-reilge i llurgu i néighthiar ar múich dia méit.
 Día már mo anacul de múr thein (d)tide diuderc ndér.
 Día firén fíocus c[h]luines mo donúaill
 Do nimiath nél.

Данное членение все же не представляется собственно метрическим, но скорее подчиняется фразовой семантике, хотя бесспорно обращает на себя внимание выделение двух кратких строк с двумя вершинами каждая: *Culú tría néit* и *Do nimiath nél*. Однако отмечаемые с легкостью рифмиды и их позиции (*néit ~ méit*, *dér ~ nél*) скорее предполагают наличие в исходной редакции долгих строк, т. е. предположительно:

Día Día do-rrogus ria tías inna gnúis culú tría néit.
 Día nimme nim-reilge i llurgu i néighthiar ar múich dia méit.
 Día már mo anacul de múr thein (d)tide diuderc ndér.
 Día firén fíocus c[h]luines mo donúaill do nimiath nél.

Именно такая строфическая организация мне и кажется исходной, причем, как это видно, она соответствует и синтаксическому членению строфы на строки. Но при этом совершенно ясно, что она была с метрической точки зрения фиксатору уже чужда и непонятна, и он пытался расположить текст, следуя какой-то иной внутренней его логике и знакомой ему метрической организации¹⁰.

¹⁰ Говоря о «чуждости» интродуктивной строфы тексту поэмы в целом, причем как в плане содержания, так и в плане выражения (размер), мы, естественно, должны быть готовы ответить на вопрос: а каким же размером написана вся элегия? Ответить на него очень трудно. Единой метрической схемы в поэме нет. Ранние исследователи даже были склонны считать ее своего рода аллитерированной и метризованной прозой (см. [17 р. 25]). Такое же мнение высказывает в своей недавно вышедшей многотомной монографии «Ключ к древнеирландской литературе» Д. О'Коррань: он считает, поэма написана на местной *Kunstprosa* [11 р. 1117]. Однако это, конечно, не совсем так. В ряде фрагментов, несомненно, вычленяются слогосчитающие строфы. Видимо, как я уже писала выше, и здесь проявляется неоднородность композиции.

В конце расширенной версии Пролога к поэме, содержащейся в Бодлеанской версии, датируемой XII в., компилятор более подробно, чем в «Книге бурой коровы», обращается к проблеме метрики интродуктивной строфы, задаваясь вопросом о ее несколько странном начале: *Dia, Dia 7 rl. Is aire emnas in cefocul ar abéla nó ar lainni in molta do denam* [5 p. 144–145] – «Бог, Бог и так далее. Потому он дважды повторяет это слово, что хочет сделать сильнее и крепче свою хвалу».

В дальнейшем он пытается как-то объяснить данное лишнее удвоение, опираясь на логику самого поэта, с одной стороны, и на прецеденты – с другой, имплицитно полагая при этом, что автором интродуктивной строфы также являлся Даллан Форгалл:

Бог, Бог. Потому он повторяет дважды это слово, что хочет сделать сильнее и крепче свою хвалу. Или может быть, он был рассержен, что его прервали, ведь Колумба сказал: Лишь умершему подобает хвала. А может быть, он испугался, не захотел начинать свою хвалу, потому что знал, что вскоре Колумба умрет.

В Священном писании есть четыре вида повторов. Из любви: *Domine, Domine, virtus salutis meae!*¹¹ От печали: *Deus, Deus meus, respice in me, quare me dereliquisti?*¹² От гнева, когда Ева сказала: *Ubi es, ubi es, Adam?*¹³ Из страха: *uquequo Domine oblivisceris me, usquequo avertis faciem tuam a me?*¹⁴

Возвратом к прежним звукам называется этот прием, как называют его ирландские поэты... [5 p. 144].

Далее глоссатор приводит ряд схожих примеров повторов уже из ирландских текстов, но важным для нас здесь является то, что, как ему представляется, корни приема – в традиции библейской, и, как можно предположить, именно там он видит и источник образцов, представленных в интродуктивной строфе.

Действительно, анализ ее текста с данной точки зрения делает многие ее образы и метафоры более понятными.

¹¹ Псалом 140.8: «Господи, Владыка мой, сила спасения моего!» В ирландском тексте дается строка из Вульгаты св. Иеронима.

¹² Псалом 22.2: «Боже мой, Боже мой! Почто Ты оставил меня...»

¹³ Неточная цитата из Быт. 3.9: «И воззвал Господь Бог к Адаму и сказал ему: Адам, где ты?»

¹⁴ Псалом 13.2: «Доколе, Господи, будешь (совершенно) забывать меня? Доколе будешь скрывать лицо Твое от меня?»

Интродуктивная строфа к поэме и Книга псалмов

Так, мне пришла в голову мысль сопоставить последние строки интродуктивной строфы («Бог истинный, Он близок, Он услышал мой стон с облачных небес») с началом псалма 40 (стих 2): «С надеждою ждал я Господа, и Он склонился ко мне, и услышал вопль мой». В подтверждение своей гипотезы я нашла аналогичное сопоставление в книге Т. Кланси и Г. Маркуса, посвященной культурной жизни на Ионе во времена Колумбы и Адомнана (см. [10 р. 240]). Не хочу приписывать себе чужих заслуг. В дальнейшем я нашла в диссертации Дж. Бизани еще несколько приведенных им возможных переключек отдельных фрагментов интродуктивной строфы к АСС со стихами псалмов. Привожу его наблюдения полностью, хотя отдельные переключки кажутся мне несколько натянутыми:

Día Día do-rrogus, – Бог, Бог, к Нему взываю ~ Ps. 22: 2 **Deus, Deus meus, quare me dereliquisti?** – Боже мой, Боже мой, почто Ты оставил меня?

Día nime ní-m-reilge / i llurgu. – Бог небесный да не оставит меня ~ Ps. 16: 10 **Quoniam non derelinques animam meam in inferno**. – Потому что Ты не оставишь души моей во аде.

Ps. 27: 9 *ne me reicias / neque derelinquas me, Deus salutis meae*. – Не отвергни меня и не оставь меня.

Ps. 38: 22 **ne derelinquas me Domine**. – Не оставь меня, Господи.

Día mór mo anacol, – Бог великий моя защита ~ Ps. 31: 4 **Quoniam fortitudo mea et refugium meum es tu**. – Потому что Ты скала моя и укрепление мое.

Ps. 46: 2 **Deus est nobis refugium et virtus**. – Бог нам прибежище и сила.

Día... mo anacol / de múr theinntidiu, – Бог... моя защита от стены огненной ~ Ps. 21: 9–10 **Inveniet manus tua omnes inimicos tuos... / Pones eos ut clibanumignis... et devorabit eos ignis**. – Найдет рука Твоя всех врагов Твоих, найдет десница Твоя ненавидящих Тебя... / Господь гневом Своим поглотит их, и пожрет их огонь.

Día fírién – Бог истинный ~ Ps. 4: 2 **Deus iustitiae meae**. Ps. 116: 5 **Misericors Dominus et iustus**. – Господь благ и праведен.

Ps. 119: 137 **Iustus est Domine**. – Праведен, Ты, Господи.

Día... cluines mo donuail, – Бог... Услышал мой вопль ~ Ps. 4: 4 *Dominus exaudiet cum clamavero ad eum*. – Господь слышит, когда я призываю Его.

Ps. 65: 2–3 *Deus... qui audis orationem...* – Бог... который услышал мольбу.

Día... cluines mo donuail / de nim-íath nél, – Бог... услышал мой вопль с облачных небес ~ Ps. 18: 7 *exaudióit de templo suo vocem meam*. – Он из чертога Своего услышал голос мой, и вопль мой к Нему дошел до слуха Его [8 p. 201].

К этому списку параллелей я могла бы добавить еще один: образ ‘стены огня’ (*múr theintide*), отсылающий к известному фрагменту из Книги Даниила, в котором описаны «три отрока в огненной печи». Данный эпизод Ветхого Завета считается одним из референтных текстов для создания системы образов древнеирландских *loricae*, поскольку иллюстрирует силу слова, обращенного к Господу: три отрока остаются живы, поскольку славят Господа и силу Его. Как пишет об этом П.-И. Ламбер: «Гяройд Май Ойн¹⁵ увидел параллель в списке в *Canticum trium puerorum*, хвалебном гимне, который поют три юноши, брошенные в печь по приказу Навуходоносора (Даниил 3.52–90), и ирландскими лориками. Их молитвы представляют скорее благословения, причем характеризуются нумеративным принципом, который был характерен как для текстов экзорцизма, так и для лорик, да и в целом – широко применялся в литании» [19 p. 632].

Приведенные Бизани параллели, мне кажется, не столько указывают на собрание псалмов как на непосредственный источник к интродуктивной строфе как к тексту, сколько очень точно рисуют собственно «фон», на котором этот текст складывался. Я остереглась бы все-таки называть ИС центоном из ирландских переложений Псалтыри, здесь важнее другое: воссоздание ментального комплекса, лежащего в основе фоновых знаний носителя данной традиции (а безусловно, таковым и был компилятор протоверсии АСС, добавивший к поэме интродуктивную молитву). Комплекса, прагматика которого была в первую очередь апотропейной: воззвание к Господу с просьбой помочь и сберечь!

В том, что в тексте интродуктивной строфы оказываются зашифрованными цитаты из псалмов, нет ничего удивительного. Собрание псалмов представляло собой для ранней кельтской церкви как бы установочный документ, известный гораздо более, чем

¹⁵ Видимо, автор имеет в виду работу [18].

собственно евангельский текст или Послания апостола Павла. Как писал об этом М. МакНамара в известной книге «Псалмы в ранней церкви Ирландии», в житийной и псевдоисторической литературе можно найти множество упоминаний псалмов, которые в период от 600 до 800 г. составляли как бы неотъемлемый элемент монастырского «бэкграунда». Причем, как он верно отмечает, сами тексты псалмов начали распространяться на острове гораздо раньше, несомненно – после миссии святого Патрика в 432 г., но возможно – и еще раньше, поскольку, как известно, христианство пришло в Ирландию не из Рима, а из Британии: Патрик (или – Палладий) был послан папой Целестином «к скоттам, уверовавшим в Христа» (см. [20], а также [21]), т. е. уже уверовавшим, и следовательно, уже приобщенным к каким-то священным текстам, ибо христианство – это сумма текстов, а не система озарений.

Проблема метрики интродуктивной строфы

В своей классической книге «Древнеирландская метрика» Дж. Мерфи, ссылаясь на Куно Мейера [22], приходит к выводу, что в случае с интродуктивной строфой мы имеем дело с ранними поэтическими экспериментами, которые представляли собой попытки переложить на ирландский язык образцы метрики латинских гимнов, хорошо знакомых древнеирландским клирикам. Как он пишет, «здесь ирландский поэт экспериментирует с рифмой и строфикой, которые были уже знакомы поэтам в конце VI в. Строфическая структура и рифма, заимствованные ими из латинских гимнических текстов, были орнаментированы местной традиционной аллитерацией. При этом четкое число слогов в строке, как мы видим, еще не было для них облигаторным» [15 р. 18].

Действительно, уже в VII–VIII вв. в ирландской поэзии развивается особая слогосчитающая система, называемая «прямым стихом», для которой релевантным оказывается точное соблюдение числа слогов в строке, а также позиция ударения в завершающем строку слове. В дальнейшем данная система необычайно усложнилась, дополнившись аллитерационными и ассонансными схемами, а также внутренними рифмами. Ей предшествовал акцентный стих, ориентированный на число ударений в строке, однако его образцы в корпусе древнеирландской поэзии очень малочисленны. Считается, что он сохранился лишь в виде так называемых «реторик» – темных по содержанию стихов, представляющих собой поэтические вкрапления в прозаический саговый нарратив. Приведем

в качестве примера поэтическое «приветствие» из саги «Повесть о свинье Мак Дато»:

Fo-chen Conall, cride licce,
Londbruth loga, luchair ega...¹⁶ [15 p. 4].

Воссоздаваемая Мерфи метрическая схема выглядит следующим образом:

* // * / * / *
/ * / * / * / *

Число ударных слогов в долгих строках в данном случае – четыре, правда и слогов тоже – восемь в каждой (или, соответственно, два и четыре в кратких строках), но в этом же поэтическом фрагменте, как он показывает, присутствует краткая, завершающая строка: *At comsa mac Findchoime frim*¹⁷, которой уже соответствует метрическая схема:

* / * * / * * *

То есть число ударений в строке сохраняется, но число слогов возрастает.

Затем, как принято считать, под влиянием латинского квантитативного стиха¹⁸ в ирландской поэзии начинает развиваться особая ритмика, ориентированная уже на число слогов в строке, но установлению такой системы предшествует ряд экспериментов, в которых новая силлабика еще сочетается со старым акцентным стихом, соблюдающимся уже не строго. Затем, как также принято считать, силлабика в ирландском стихе полностью вытесняет тонику. Как пишет об этом М.Л. Гаспаров, «в отличие от древнегерманского кельтский стих твердо оставался силлабическим, образцов тонического стиха в кельтской поэзии очень мало» [24 с. 45]. Но при переходе от тоники к силлабике, как мы понимаем, возникали и некие странные гибридные формы. Одним из таких примеров Дж. Мерфи и предлагает считать интродуктивную строфу к поэме.

¹⁶ Приблизительный перевод: «Привет тебе, Коналл, сердце кристалла / жар ярости героя, сверкание льда».

¹⁷ «Повернись, сын Финдхоем, ко мне».

¹⁸ О влиянии латинского стиха на ирландский и о существовании особых «гиберно-латинских» ритмических структур – см. [23].

В дальнейшем она была исследована Л. Братнохом, который сравнивал ее размер с размером довольно раннего поэтического трактата «Котел поэзии», который представляет собой как бы переходный этап от акцентного стиха к слогосчитающему (см. [25 р. 61]). В нем появляется рифма, но релевантным еще остается число ударений в строке, а не собственно число слогов, причем число ударений в нечетных и четных строках четко соблюдено – 5–2:

Dia, Dia do-rrogus ré tías ina gnúis – 5
 culu tria **néit**. – 2
 Día nime, nim-reilge i llurgu i n-égthiar – 5
 ar múichtheo **méit**. – 2
 Día már mo anacol de múr teintide, – 5
 diudercc **dér**. – 2
 Día fírien fírfocus, chluines mo donúaill – 5
 do nimíath **nel**. – 2.

Поэтическое экспериментаторство, по его мнению, проявлялось во введении рифмы, отсутствующей в акцентном стихе. Обращает на себя внимание, однако, и почти полное отсутствие аллитераций, обязательных и для нового «прямого стиха», и для старого – акцентного.

В общем, его схема практически совпадает с моей (приведенной выше). Моя идея состояла лишь в том, что при анализе данного текста надо больше ориентироваться на собственно рукописную традицию, выделяющую здесь скорее долгие строки. В моей интерпретации схема интродуктивной строфы должна будет выглядеть следующим образом:

Día Día do-rrogus ria tías inna gnúis culu tría néit.
 Día nimme nim-reilge i llurgu i néighthiar ar múich dia méit.
 Día már mo anacul de múr thein (d)tide diuderc ndér.
 Día fíren fírfocus c[h]luines mo donúaill do nimiath nel.

// * / * * / * (*) // * * /
 // * * / * * / * * / * * * / * /
 // (*) / * * * // * * / * /
 // * / * / * * / * * * / * * /

Как мы видим, число ударений в долгих строках оказывается фиксированным (семь), а число слогов – заметно различается. Но при этом оппозиция долгий-краткий гласный при этом не учитывается, поэтому стих нельзя назвать квантитативным. Обращает на себя

внимание также соблюдение двуударной «стопы» в начале каждой строки. Вероятно, ради соблюдения данного правила слово «Бог» и было повторено в начале первой строфы дважды. Причем, как видим мы в тексте, первая двувёршинная «стопа» состоит и из маркированно значимых слов: «Бог, Бог», «Бог небес», «Бог великий» и «Бог истинный». Несомненным также оказывается ориентация компилятора строфы на фразовое, а не на словесное ударение. Каждая долгая строка при этом представляет собой законченное синтаксически отдельное предложение, что, по определению О.А. Смирницкой, и является «прототипом» долгих строк в акцентном стихе (см. [26 с. 185]). Однако обращает на себя внимание также и отсутствие аллитераций.

Невозможность полностью вписать интродуктивную строфу в систему архаического акцентного стиха, как и можно было ожидать, привело к идее, что это – переход к силлабике. Она была впервые высказана еще в 1917 г. К. Мейером [17], который предложил видеть в интродуктивной строфе слогосчитающий новый ритм, в котором 10-сложные строки чередуются с трехсложными. Эта идея у ирландистов успеха не имела, отчасти – потому что далеко не всегда строки укладывались в схему 10–3: в тексте можно найти «лишние» слоги, которые, как считал Мейер, при чтении проглатывались. Действительно, в ряде случаев такое предположение кажется обоснованным, например: *mo anacol* ‘моя защита’ могло произноситься и как *m’anacol*. Однако прочтение, например, *mo donúaill* ‘мой стон’ как *m’donúaill* вероятным не кажется.

К идее рассматривать строфу как еще несовершенный, но все-таки уже образец слогосчитающего стиха вернулся и Дж. Бизани, предложив в своей диссертации следующую схему, полностью изменяющую сложившееся представление об изначальном делении строфы на строки:

5 *Día Día do-rrogus*
 5 *re-tías inna gnúis*
 4 *culu tre néit.*
 6 *Día nime ní-m-reilge*
 5 *i llurgu i n-égthiar*
 4 *ar múichthea méit.*
 5/6 *Día mór mo anacol*
 5 *de múr theinntidiu*
 $\frac{3}{4}$ *díuderc ndér.*
 6 *Día fírién fír-ocus*
 5 *cluines mo donuail*
 4 *de nim-íath nél* [8 p. 207].

В его интерпретации текст в общем не выглядит совершенным с точки зрения позднего стихосложения, но он уже выдает в себе элементы строфики и – что главное – легко поддается не только скандированию, но и *пению*, что, видимо, автор и хотел показать. Причем идее выделения в строфе деградировавшей акцентной схемы его разбивка на строки, как мне кажется, не противоречит. Так мы подходим к основной идее моего небольшого исследования: текстом-ориентиром для интродуктивной строфы к поэме были не автохтонные гимны или элегии, а тексты латинские, имеющие по сути своей скорее сакральную функцию и традиционно предназначенные именно для пения. Этим референтным текстом, естественно, было собрание псалмов, которое для ранней ирландской церкви играло очень большую роль. Да и не только для нее.

Теоретически на этом вообще можно было бы и закончить рассуждения, однако на самом деле данный вывод подводит меня еще к двум «путям исследования», причем совершенно различным по своей тематике, хотя отчасти и связанным между собой.

Судьба архаического акцентного стиха в устной ирландской традиции

Первый путь касается судьбы акцентного стиха в ирландской культуре. Как было сказано выше, принято считать, что в начале древнеирландского периода он был вытеснен силлабическими размерами, которые в дальнейшем развивались, усложнялись и структурировались (схемы и «имена» размеров), достигнув техники уже совершенно изощренной в период расцвета бардической поэзии (XIII–XV вв.). Но затем, начиная с XVI в. происходит возрождение акцентного стиха. Как пишет, например, Ш. О’Тума, «до начала семнадцатого столетия характеризующей чертой ирландской профессиональной поэзии была силлабика. В начале семнадцатого столетия появляется новая поэзия, в основном – в стихах, имеющих политическую и социальную направленность. Отчасти в этих текстах сохраняются бардические приемы, но написаны они были “новыми” акцентными размерами» [27 р. xviii]. Автор не случайно ставит слово «новые» в кавычки: речь идет не об изобретении новых стихотворных форм, но о возрождении старого акцентного стиха. Более того, я предполагаю, что полностью он в Ирландии никогда и не исчезал, но сохранялся в устных формах бытования поэтического текста: народной песни, заговоре и даже монастырской поэзии (в так называемых лориках – оградительных поэмах). Мы должны

понимать (и постоянно помнить), что дошедшие до нас средневековые ирландские поэтические тексты, во-первых, составляют лишь небольшую часть из некогда зафиксированных образцов, погибших в основном в период скандинавского вторжения. Во-вторых, что эти тексты, возникшие в монастырской среде, также представляют собой лишь малую долю из реально функционировавшей поэтической традиции, принадлежащей как профессиональным поэтам-филидам, так и непрофессиональным народным певцам. В основном монастырская лирика писалась силлабическим «прямым стихом», однако в ней можно найти примеры, поразительным образом напоминающие приведенные выше образцы акцентной архаики. Так, лорика святого Патрика, датируемая VIII в., также опирается, несомненно, не на число слогов в строке, но на число ударений и также лишена рифм (а к тому же и аллитераций):

Atomriug indiu niurt nime,
Soilsí gréne, étrochraí éscáí,
Áni thened, déni lóchet,
Luaithi gaithe, fidomnai mara [28 p. 131].

Ограждаюсь ныне силой небес,
Светом солнца, сиянием луны,
Блеском огня, скоростью света,
Быстротой ветра, глубиной моря.

Как можно увидеть, число слогов в долгих строках колеблется от 8 до 10, тогда как число ударных слогов – всегда четыре.

Наверное, данное намеченное направление требует дальнейшего исследования.

Лорики как жанр древнеирландской монастырской поэзии

Второй путь касается уже происхождения, функционирования и квалификации магических поэтических текстов внутри самой ирландской традиции.

В свое время М. Херрен предполагал, что источником для появления древнеирландских *loricae* послужили античные таблички с проклятиями, перечисляющие части тела проклиняемого, а также амулеты с близкими по содержанию текстами, которые, напротив, обретали протективный характер (см. [29 p. 27–29]). Отчасти это, конечно, так, однако при этом нельзя забывать и о роли псалмов именно как собрания магических и протективных текстов, которые,

с одной стороны, в первую очередь по самому содержанию своему удивительным образом уже состояли в основном из призывов, жалоб, а также угроз врагам. А с другой стороны, эти тексты всегда находились, так сказать, под рукой, а точнее – в умах, иногда даже не полностью осознанно¹⁹. Уходящие своими корнями в сакральный латинский текст, ирландские строки складывались в оградительные стихи, источник которых мог уже не до конца осознаваться, но которые должны были служить оберегом при начинании какого-то важного дела или в случае опасности. И как я полагаю, интродуктивная строфа к АСС именно такую функцию и выполняла. Причем я не могла бы дать однозначного ответа на возникающий здесь естественный вопрос: была ли она в таком случае написана отдельно от самой поэмы и лишь вставлена в текст при последующем переписывании и компиляции, или она изначально была включена в общий текст тем же анонимным клириком, которому принадлежит основная часть самой поэмы. Скорее – первое, хотя говорить здесь об авторстве отдельно от компиляции, наверное, просто невозможно.

Но декларируя оградительные функции интродуктивной строфы, составленной в основном из древнеирландских вольных переложений строк псалтыри, и сравнивая ее с монастырскими лориками, мы естественным образом выходим к широкой и сложной теме использования самих псалмов как магических текстов. Как пишет Ж. Борч, «местные жрецы должны были использовать против носителей новой веры собственные слова силы. Те же в ответ обращались к ним с латинскими псалмами» [30 р. 18]. В агиографической литературе, как и в саговых нарративах, как и позднее в фольклорных источниках, действительно находится множество примеров использования псалмов как магических текстов, причем в первую очередь – для борьбы с язычеством, а во вторую – в рассказах о конфликтах ирландских святых с представителями светской знати (см. об этом в [2], там же отсылки к литературе по вопросу). В наиболее ранних источниках – корпусе древнеирландских глосс к латинским текстам, в которых по отношению к псалмам используется обычно слово *cantare* ‘петь’, фигурирует ирландское *cétal* ‘пение’. Это естественно. Но что представляет больший интерес – это перенос данной лексемы в более широкую семантическую область и регулярное применение его к друидическим заклинаниям,

¹⁹ Например, известная поговорка «не рой другому яму» представляет собой аллюзию к псалму 9, стих 16: «Погрузились народы в яму, которую ископали...», аналогичных примеров можно найти еще множество.

т. е. именно к тем текстам, о которых предположительно писала Ж. Борч. Примеры здесь также необычайно многочисленны, но мне хотелось бы ограничиться лишь одним. В своем «Глоссарии», составленном в самом начале X в., епископ Кормак Мак-Куллинен так пишет о друидах: *Drái .i. dorua ái .i. airechetal, ar is tria dán dogní síum a brechta* [31 p. 40] – «Друид (маг?), то есть достиг бы поэзии, то есть **распевания**, ибо через стихи (искусство) осуществляет он свои заклинания».

Заключение

Итак, как мы могли бы в данном случае восстановить семантический путь лексемы, идея воссоздания оградительного (а затем и шире – магического) текста именно в форме пения, уходящая корнями в псалмическую традицию, проецировалась и на реконструируемые уже в монастырской среде, но вряд ли существовавшие реально магические заклинательные практики языческих жрецов. Анализ метрики интродуктивной строфы к поэме «Чудо Колума Килле», казалось бы, не имеет с данным выводом логической связи. Но это не совсем так: именно данное исследование помогло мне ответить на вопрос, почему речевые действия друидов, как изображаются они в сагах, кроме понятного *bricht* 'закливание', имеющего континентальные кельтские параллели, регулярно обозначаются лексемой *cétal* 'пение' и ее производными. Видимо, **пение** псалма как магический акт предполагало в качестве проекции и своего рода языческое *анттипение*.

Статья выполнена в рамках гранта «Грамматика нереального: к анализу семантики и прагматики текста кельтской и германской средневековой нарративной и поэтической традиции» Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 18-012-00131.

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project "A Grammar of Unreal: Studies in the Semantics and Pragmatics of Medieval Celtic and Germanic narrative and poetic tradition", no 18-012-00131.

Литература

1. *Пушкин А.С.* О ничтожестве литературы русской // Полное собрание сочинений: В10 т. / Пушкин А.С. М.: Наука, 1958. Изд. 2-е. Т. VII. С. 306–314.
2. *Михайлова Т.А.* Даллан Форгалл – автор «Чуда Колума Килле»? // Топоровские чтения I–IV: избранное / сост. М.В. Завьялова, Т.В. Цивьян. М.: Пробел, 2010. С. 78–96.
3. The Irish 'LiberHymnorum' / J.H. Bernard, R. Atkinson (eds.). London: Harrison and sons, 1898. Vol. I. P. 162–183.
4. Lebor na hUidre / R. Best, O. Bergin (eds.). Dublin: Royal Irish Academy, 1929. P. 11–41.
5. The Bodleian Amra Choluimb Chille / W. Stokes (ed.) // Revue Celtique. 1899. Vol. XX. p. 31–55, 132–183, 248–289, 400–437.
6. *Mac Póilín A.* Afterword // Amra Choluim Chille. Dallan's Elegy for Columba / P.L. Henry. (ed. and transl.). Belfast: Colmcille; Ultach Trust, 2006. P. 88–93.
7. *Herbert M.* Iona, Kells and Derry. The History and Hagiography of the Monastic Familia of Columba. Dublin: Four Courts Press, 1996. 327 p.
8. *Bisgni J.* Amrae Coluimb Chille: a critical edition. PhD Thesis. National University of Ireland, Galway, 2008. 560 p.
9. *Bisagni J.* The Language and the Date of Amrae Coluimb Chille // Kelten am Rhein. Akten des dreizehnten Internationalen Keltologiekongress. Zweiter Taeil: Philologie / S. Zimmer. (hrsg.). Bonn: Verlag Philopp Von Zabern, 2009. P. 1–11.
10. *Clancy T.O., Márcus G.* Iona. The Earliest Poetry of a Celtic Monastery. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1995. 271 p.
11. *Ó Corráin D.* Clavis Litterarum Hibernensium. Medieval Irish Books & Texts. Turnout: Brepols Publisher, 2017. Vol. 2. 1932 p.
12. *Russell P.* An Introduction to the Celtic Languages. London; New York: Longman, 1995. 347 p.
13. The Death of Cú Chulainn. A Critical Edition of the Earliest Version / B. Kimpton (ed.). Maynooth: School of Celtic Studies, 2009. 120 p.
14. *Herbert M.* The Preface to Amra Coluim Cille // Sages, Saints and Storytellers: Celtic Studies in Honour of Professor James Carney / D. Ó Corrain, L. Breatnach, K. McCone (eds.). Maynooth, 1989. P. 67–74.
15. *Murphy G.* Early Irish Metrics. Dublin: Royal Irish Academy, 1961. 132 p.
16. *O'Brien Crowe J.* The Amra Choluim Chilli of Dallan Forgaill: now printed for the first time from the original Irish in Lebor na hUidre. Dublin: McGlathan and Gill, 1871. 286 p.
17. *Meyer K.* Miscellanea Hibernica II. Urbana, 1917. 55 p.
18. *Mac Eoin G.* 'Invocation of the Forces of Nature in the Loricae' // Studia Hibernica. 1962. Vol. 2. P. 212–217.
19. *Lambert P.-Y.* 'Celtic Loricae and Ancient Magical Charms' // Magical practice in the Latin West: papers from the international conference held at the University of

- Zaragoza, 30 Sept. – 1 Oct. 2005 / R.L. Gordon and Fr.M. Simon (eds.). Leiden: Brill, 2010. P. 629–648.
20. *McNamara M.* The Psalms in the Early Irish Church. Sheffield: Sheffield Academic Press, 2000. 497 p.
 21. *Михайлова Т.А.* Кем же все-таки был епископ Палладий // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XX (2). Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб.: Наука, 2016. С. 730–738.
 22. *Meyer K.* Über die älteste irische Dichtung: Rhythmische alliterierende reimlose Strophen. Berlin: Verlag der König, 1914. Bd. II. 40 s.
 23. *Herren M.W.* The Stress System of the Hiberno-Latin Hendeca Syllable // *Celtica*. 1990. Vol. 21. P. 223–230.
 24. *Гаспаров М.Л.* Очерк истории европейского стиха. М.: Наука, 1989. 304 с.
 25. *Breathach L.* The Caldron of Poesy // *Ériu*. 1981. Vol. 32. P. 45–93.
 26. *Смирницкая О.А.* Метрические единицы аллитерационного стиха (к проблеме языка германской эпической поэзии) // Избранные статьи по германской филологии / Смирницкая О.А. М.: МАКС-ПРЕСС, 2008. С. 182–188.
 27. *Ó Tuama S.* Introduction // *An Duanaire 1600–1900: Poems of the Dispossessed* / Ó Tuama S., Th. Kinsella (eds.). Dublin: The Dolmen Press, 1981. 382 p.
 28. *Carey J.* King of Mysteries. Early Irish Religious Writing. Dublin: Four Courts Press, 1998. 304 p.
 29. *Herren M.W.* The Hisperica Famina II: Related Poems. Toronto: Pontifical Institute of Medieval Studies, 1987. 320 p.
 30. *Borsje J.* Celtic Spells and Counterspells // *Understanding Celtic Religion, Revisiting the Pagan Past* / K. Ritari, A. Bergholm (eds.). Wiltshire: University of Wales Press, 2015. P. 9–50.
 31. *Sanas Cormaic (Cormac's Glossary)*. Ed. from the copy in the Yellow Book of Lecan / *Meyer K.* (ed.). Dublin, 1913. 128 p.

References

1. Poushkin AS. Complete works in ten volumes Moscow: Nauka Publ.; 1958. On a nothingness of Russian literature. 2nd ed. Vol. VII. p. 306-14. (In Russ.)
2. Mikhailova TA. Dallan Forgail as the author of the “Amrae Coluim Chille”? V: Zav’yalova MV., Tsviv’yan TV., comp. *Toporov Conference I-IV. Selection*. Moscow: Probel Publ.; 2010. p. 78-96. (In Russ.)
3. Bernard JH., Atkinson R., eds. The Irish ‘Liber Hymnorum’. London: Harrison and sons, 1898. Vol. I. p. 162-83.
4. Best R., Bergin O., eds. *Lebor na hUidre*. Dublin: Royal Irish Academy, 1929. p. 11-41.

5. Stokes W., ed. The Bodleian Amra Choluimb Chille. *Revue Celtique*. 1899; XX: 31-55, 132-83, 248-89, 400-37.
6. Mac Póilin A. Afterword. Henry P.L., ed. and transl. *Amra Choluim Chille. Dallan's Elegy for Columba*. Belfast: Colmcille; Ultach Trust, 2006. p. 88-93.
7. Herbert M. Iona, Kells and Derry. The History and Hagiography of the Monastic Familia of Columba. Dublin: Four Courts Press, 1996. 327 p.
8. Bisgni J. Amrae Coluimb Chille: a critical edition. PhD Thesis. National University of Ireland, Galway, 2008. 560 p.
9. Bisagni J. The Language and the Date of Amrae Coluimb Chille. ZimmerS., hrsg. *Kelten am Rhein. Akten des dreizehnten Internationalen Keltologiekongress. Zweiter Teil: Philologie*. Bonn: Verlag Philopp Von Zabern, 2009. p. 10-11.
10. Clancy TO., Márcus G. Iona. The Earliest Poetry of a Celtic Monastery. The Earliest Poetry of a Celtic Monastery. Edinburgh: Edinburg University Press, 1995. 271 p.
11. Ó Corráin D. Clavis Litterarum Hibernensium. Vol. II. Medieval Irish Books & Texts. Turnout: Brepols Publisher, 2017. 1932 p.
12. Russell P. An Introduction to the Celtic Languages. London; New York: Longman, 1995. 347 p.
13. Kimpton B., ed. Death of Cú Chulainn. A Critical Edition of the Earliest Version. Maynooth: School of Celtic Studies, 2009. 120 p.
14. Herbert M. The Preface to Amra Coluim Cille. Ó Corrain D., Breatnach L., McCone K., eds. *Sages, Saints and Storytellers: Celtic Studies in Honour of Professor James Carney*. Maynooth, 1989. p. 67-74.
15. Murphy G. Early Irish Metrics. Dublin: Royal Irish Academy, 1961. 132 p.
16. O'Brien Crowe J. The Amra Choluim Chilli of Dallan Forgaill: now printed for the first time from the original Irish in Lebor na hUidre. Dublin: McGlachan and Gill, 1871. 286 p.
17. Meyer K. *Miscellanea Hibernica* II. Urbana, 1917. 55 p.
18. Mac Eoin G. Invocation of the Forces of Nature in the Loricæ. *Studia Hibernica*. 1962; 2:212-17.
19. Lambert P-Y. Celtic *Loricæ* and Ancient Magical Charms. Gordon RL., Simon FrM., eds. *Magical practice in the Latin West: papers from the international conference held at the University of Zaragoza, 30 Sept. – 1 Oct. 2005*. Leiden: Brill, 2010. p. 629-48.
20. McNamara M. The Psalms in the Early Irish Church. Sheffield: Sheffield Academic Press, 2000. 497 p.
21. Mikhailova TA. Who really was the episcopus Palladius? V: Indo-European linguistics and classical philology – 20th (2). Proceedings of the conference dedicated to the memory of Professor Joisif Moiseevich Tronsky. Sankt-Peterburg: Nauka Publ.; 2016. p. 730-38. (In Russ.)
22. Meyer K. Über die älteste irische Dichtung: Rhythmische alliterierende reimlose Strophen. Berlin: Verlag der König, 1914. Bd. II. 40 s.

23. Herren MW. The Stress System of the Hiberno-Latin Hendeca Syllable. *Celtica*. 1990;21:223-30.
24. Gasparov ML. Studies in the history of European metrics. Moscow: Nauka Publ.; 1989. 304 p. (In Russ.)
25. Breathach L. The Caldron of Poesy. *Ériu*. 1981;XXXII:45-93.
26. Smirnitskaja OA. Selected articles on German philology. Moscow: MAKS-PRESS Publ.; 2008. On the metric unities of Alliterative verse (towards the problem of the languages of Germanic Epic poetry). p. 182-88. (In Russ.)
27. Ó Tuama S. Introduction. Ó Tuama S., Kinsella Th., eds. *An Duanaire 1600–1900: Poems of the Dispossessed*. Dublin: The Dolmen Press, 1981. 382 p.
28. Carey J. King of Mysteries. Early Irish Religious Writing. Dublin: Four Courts Press, 1998. 304 p.
29. Herren MW. The Hisperica Famina II: Related Poems. The Hisperica Famina II: Related Poems. Toronto: Pontifical Institute of Medieval Studies, 1987. 320 p.
30. Borsje J. Celtic Spells and Counterspells. Ritari K., Bergholm A., eds. *Understanding Celtic Religion, Revisiting the Pagan Past*. Wiltshire: University of Wales Press, 2015. p. 9-50.
31. Meyer K., ed. Sanas Cormaic (Cormac's Glossary). Dublin, 1913. 128 p.

Информация об авторе

Татьяна А. Михайлова, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; tamih.msu@mail.ru

Information about the author

Tatyana A. Mikhailova, Dr. in Philology, professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1, Leninskie gory str., Moscow, Russia 119991; tamih.msu@mail.ru

УДК 82.091

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-3-217-247

Англо-скандинавские языковые контакты в Средние века: диглоссия или билингвизм?

Инна Г. Матюшина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, inmatat@hotmail.co.uk*

Аннотация. Исследование вопроса о языковых контактах населения Британских островов с викингами, завоевавшими их 1000 лет назад, осложняется тем, что большинство сохранившихся текстов записано на одном диалекте (уэссекском) и связано с деятельностью короля Альфреда, стремившегося приобщить страну к латинской культуре. Вместе с тем исследование памятников этой эпохи позволяет показать, что в IX–XI вв. древнескандинавские и древнеанглийские диалекты могли быть взаимопонятными. В статье высказывается предположение, что в эпоху до нормандского завоевания сосуществование древнескандинавских и древнеанглийских диалектов на Британских островах не может быть описано ни как диглоссия, ни как билингвизм.

Ключевые слова: викинги в Англии, языковые контакты, диалекты, Англосаксонская хроника, сага, поэзия скальдов, король Альфред, Охтхере, нормандское завоевание, диглоссия, билингвизм.

Для цитирования: Матюшина И.Г. Англо-скандинавские языковые контакты в Средние века: диглоссия или билингвизм? // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 217–247. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-3-217-247

Anglo-Saxon and Old Norse language contacts: diglossia or bilingualism?

Inna G. Matyushina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
innamat@hotmail.co.uk*

Abstract. The question of linguistic contacts between the population of the British Isles and the Vikings who conquered it over a thousand years ago is complicated by the fact that the majority of Old English texts are written in the Wessex dialect. However the analysis of Old English sources (the manuscripts of the Anglo-Saxon Chronicle, the treatises of King Alfred the Great, the description of Ohthere's voyage) and Old Norse sagas enables it to be shown that in the 9–11th centuries both dialects could be mutually understandable. The author of the article comes to the conclusion that the co-existence of Old English and Old Norse in the British Isles before the Norman Conquest cannot be described either as diglossia or as bilingualism

Keywords: Vikings in England, language contacts, dialects, Anglo-Saxon Chronicle, saga, skaldic poetry, King Alfred the Great, Ohthere, the Norman Conquest, diglossia, bilingualism.

For citation: Matyushina IG. Anglo-Saxon and Old Norse language contacts: diglossia or bilingualism? *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;3(36):217-47. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-3-217-247

О языковых контактах англосаксов и викингов свидетельствует «Англосаксонская хроника», рассказывающая о примирении короля Альфреда и датского предводителя Гутрума, после которого последний стал христианином и оба короля провели вместе 12 дней: *Sub anno 878. and his se cyning þær onfeng æt fulwihte, and his crismlising was æt Wepmor, and he was.xii. niht mid þam cyninge, and he hine miclum and his geferan mid feo weorðude*¹ – «и король тогда принял его в Крещении, и церемония снятия его крестильного одеяния была в Уэдморе, и он провел 12 дней с королем, который высоко

¹ Здесь и далее записи «Англосаксонской хроники» цит. по: [1]. Пер. на русский язык автора статьи.

почтил его и его дружинников дарами». Нельзя сомневаться в том, что в течение этих 12 дней короли общались между собой, однако источники не сохранили указаний на то, на каком языке происходило это общение (древнеанглийском или скандинавском). Владение этим (или этими) языками должно было быть таким, чтобы оба правителя могли обсуждать тонкости и последствия принятия христианской веры.

Король Альфред не только стал восприемником Гутрума, но и заключил с ним в Уэдморе мирное соглашение, которое создало правовую основу для регулирования контактов со скандинавами, лишив их возможности продолжать нападения [2 с. 19]. Хотя текст Уэдморского договора не дошел до наших дней и известен только по рассказу Ассера, очевидно, что оба правителя должны были владеть взаимопонятным средством общения, чтобы проникнуть в смысл достигнутых ими мирных соглашений и предвидеть их результат. Сохранившийся договор Альфреда с Гутрумом (между 885 и 890) состоит из пяти частей и «охватывает все основные сферы взаимодействия англосаксов и данов» [2 с. 19]. Текст договора дошел до наших дней на двух языках: древнеанглийском (две незначительно различающиеся редакции известны по рукописи *Corpus Christi College Cambridge Manuscript 383*, XII в.) и латинском (рукопись *Quadripartitus*, XII в.)².

В Прологе договора утверждается, что он заключен, с одной стороны, от имени Альфреда и всех советников народа англов, а с другой – короля Гутрума и всех людей, которые проживают в Восточной Англии; он адресован ныне живущим и их потомкам, как рожденным, так и тем, кому еще предстоит появиться на свет. В первой части договора устанавливаются территориальные границы англосаксов и данов: *up on Temese and Þonne up on Ligan and andlang Ligan oþ hire æwylm, Þonne on gerihte to Bedanforda, Þonne up on Usan oþ Wætlingastræt* – «вверх по Темзе, и затем вверх по Ли и вдоль по Ли до ее устья, и затем прямо до Бедфорда, и затем вверх по Узу до Уотлинг Стрит». В договоре упоминается лишь граница по Уотлинг Стрит; таким образом, северная граница между мерсийскими и датскими владениями не определяется, что оставляет Мерсию на произвол судьбы [4 р. 2–22]. Хотя договор был призван учитывать выгоды обеих сторон, англосаксонской и скандинавской, и заключен от лица всего населения, он отражал главным образом английские, вернее уэссекские, интересы. Разграничение англосаксонских и датских владений должно было обеспечить безопасность

² О договоре короля Альфреда с Гутрумом см. [3 р. 72–77].

англосаксов, прежде всего живущих в Уэссексе, и препятствовать распространению скандинавов вне определенных для них пределов [2 с. 21].

Вторая часть договора утверждала одинаковое возмещение за убитого свободного англосакса и дана – восемь полумарок очищенного золота, а за зависимого (англосаксонского керла и датского освобожденного раба) – 200 шиллингов. В этой части договора использовались скандинавские заимствования, такие как слово *healfmearc* – «полумарка», которое обозначало денежную единицу, восходившую к скандинавской единице веса (*mōrk*), и слово *lysing*, которое относилось к социальному классу, ведущему происхождение от скандинавского *leysingi* (высшей из двух категорий «освобожденных рабов»). Последнее заимствование, устанавливающее равенство между скандинавскими «освобожденными рабами» и англосаксонскими керлами, учитывало интересы датской стороны. Употребление в договоре скандинавских заимствований, обозначающих социальный статус и денежные единицы, могло быть вызвано стремлением договаривающихся сторон избежать многозначности. Не исключено также, что причина заимствования скандинавской лексики связана с отсутствием соответствующих понятий в когнитивной сфере англосаксонских диалектов.

В третьей и четвертой частях договора короля Альфреда и Гутрума устанавливается поручительство при обвинении в убийстве лиц высокого социального статуса, а также при покупке рабов, лошадей или быков. Пятая часть описывает условия возможных контактов англосаксов и данов, в том числе и торговых: «и нам всем приказывается с того дня, когда принесены клятвы, что ни бонд, ни свободный не может ходить к войску без разрешения, и никто из них – к нам. Но если случится, что по необходимости кто-то из них захочет торговать с нами или мы с ними, скотом или имуществом, тогда это допускается следующим образом: даны будут заложниками для соблюдения мира и в подтверждение добрых намерений». Мирный договор между королем англосаксов Альфредом и скандинавским предводителем Гутрумом был призван если не устранить, то по крайней мере сократить конфликты между англосаксами и данами, упорядочив их отношения, в частности торговые. Торговля разрешалась при условии обмена заложниками, которые гарантировали безопасность сторон; следовательно, в ней участвовало значительное число людей [2 с. 21], между которыми устанавливались отношения межязыковой коммуникации. Юридическое равенство англосаксов и викингов, утвержденное в договоре короля Альфреда и Гутрума, очевидно,

предполагало и равенство языковое. До сих пор неизвестно, какой язык (или языки) использовался, когда король Альфред заключал с правителями викингов свои договоры³. Возможно, англосаксы владели скандинавскими диалектами, или викинги, поселившись в Англии, говорили на древнеанглийском языке. Древнеанглийский текст договора, несомненно, предполагает авторство короля Альфреда, однако неизвестно, участвовал ли он в составлении латинского перевода договора⁴ (Ассер упоминает, что король выучил латынь в возрасте 36 лет, т. е. примерно в 885 г.).

Как известно, в Средние века латынь, носителем которой было духовное сословие, господствовала в области юридической и духовной культуры, а национальные языки и диалекты использовались в бытовой сфере [8 с. 421–514]. Латынь в европейских странах была не только языком религии, науки, культуры, судопроизводства, но и живым разговорным языком духовенства и образованного общества [8 с. 502]. Языковое деление европейской словесности определялось способом ее существования; как пишет М.Л. Гаспаров, «вся устная словесность принадлежала новым народным языкам, вся письменность – языку латинскому» [9 с. 499]. На латинском языке в эпоху раннего Средневековья писали знаменитые англосаксонские ученые, историки и философы Альдхельм, Алкуин, Беда Достопочтенный.

Главный труд Беды «Церковная история англов», рассказывающая об истории христианства в Англии, содержит одно из первых описаний лингвистической ситуации на Британских островах: «В настоящее время в соответствии с числом книг, в которых написан Божественный Закон и которые посвящены поискам и провозглашению единого знания высшей истины и истинной высоты, существует пять языков народов, а именно англов, бриттов, скоттов, пиктов и латинов; последний, благодаря изучению Писаний, остается в общем употреблении среди всех» (*Haec in praesenti iuxta numerum librorum quibus lex diuina scripta est, quinque gentium linguis, unam eandemque summae ueritatis et uerae sublimitatis scientiam scrutatur et confitetur, Anglorum uidelicet, Brettonum, Scottorum, Pictorum et Latinorum, quae meditatione scripturarum ceteris omnibus est facta communis*). По утверждению Беды, закончившего свой труд в 731 г., латынь была языком, используемым

³ Одной из первых этот вопрос был сформулирован Кристиной Фелл: [5 р. 56–63].

⁴ Предполагается, что латинское собрание законов, в которое включен договор, было создано не ранее 1100 г.: [6 р. 148–172; 7 р. 111–147].

всеми народами, которые населяли территорию Британских островов в первой половине VIII столетия.

«Церковная история англвов» была переведена с латыни на язык англвов по приказанию короля Альфреда Великого, стремившегося повысить общий уровень образования в стране. О том, что Альфред перевел (или повелел перевести) на древнеанглийский язык несколько наиболее ценных книг, избранных для того, чтобы возродить праведность и просветить опустошенную викингами страну, известно из сочинений более поздних хронистов и писателей, таких как Эльфрик, Симеон Даремский и Уильям Мальмсберийский. Принято считать, что королю Альфреду принадлежат переводы не только «Церковной истории рода англвов» Беда Достопочтенного, но и «Монологов» Блаженного Августина, епископа Гиппонского, посвященных бессмертию души, семи книг о всемирной истории Орозия, тщательно изучавшейся и почитавшейся в Средние века, «Утешения философией» Боэция, «Пастырского попечения» св. Григория Великого, описывающего обязанности епископа, любого духовного лица или правителя, включая и короля, по отношению к населению страны, недавно пробудившейся к духовной жизни.

В Прологе к англосаксонскому переводу «Пастырского попечения» (*Cura Pastoralis*) св. Григория Великого король Альфред, сетуя на недостаточное знание латинского языка и упадок учености в стране, писал о необходимости переводить книги с латинского на английский для того, чтобы сделать их более доступными образованному сословию: «Следовательно, мне кажется... что будет лучше, если мы переведем некоторые книги, которые наиболее необходимо знать всем людям, на тот язык, который мы все можем понимать; и сделать так, как с Божией помощью мы легко можем сделать, если у нас будет мир, чтобы вся свободнорожденная молодежь в Англии, те, у кого достаточно достояния, чтобы посвятить себя этому, займутся образованием, если им не нужно искать другого занятия, пока не начнут хорошо читать написанное по-английски. И пусть те, кого желательно обучать далее и продвигать на более высокие должности, впоследствии овладеют и латинским языком»⁵. Основываясь на тексте предисловия, можно предположить, что король Альфред уделял особенное внимание знанию родного языка и советовал изучать латынь наиболее способным. Биограф короля Ассер, епископ Шерборнский, рассказывает [11 р. 73] о том, что Альфред впервые начал сам переводить в 887 г., а до того в 12 лет выучил-

⁵ Здесь и далее предисловие короля Альфреда цит. по: [10 р. 45]. Пер. на русский язык автора статьи.

ся грамоте на родном языке [11 р. 20] и всю последующую жизнь продолжал читать вслух саксонские книги и учить наизусть саксонские песни [11 р. 58–59]. Возможно, приписываемые Альфреду переводы с латыни относятся к более позднему периоду и потому не нашли отражения в биографии Ассера. Однако несомненно, что языковую ситуацию, сложившуюся в раннем Средневековье на Британских островах, можно описать как диглоссию, или несбалансированное двуязычие, при котором латынь и англосаксонские диалекты использовались в различных функциональных сферах. В языковую ситуацию в Англии были включены и скандинавские диалекты, однако к ним понятие «диглоссия» неприменимо, так как и англосаксонские, и скандинавские диалекты употреблялись в бытовом общении на равных правах.

Наиболее раннее свидетельство, неопровержимо устанавливающее факт языкового общения англосакса (возможно, короля Альфреда) и скандинава, – это знаменитый рассказ норвежского мореплавателя Охтхере, включенный в первую главу древнеанглийского перевода «Истории против язычников» Орозия (*Historiarum Adversum Paganos Libri VII*, ок. 417)⁶. Предполагается, что «История...» Орозия была избрана для перевода как собрание сведений о мировой истории, дополняющее «Церковную историю англов» Беда Достопочтенного, который в свою очередь использовал латинский оригинал Орозия как географический и исторический источник [12 р. 113–120]. Древнеанглийский текст не строго следует оригиналу, он ближе к переложению, чем к переводу, так как объясняет и дополняет подлинник, приспособлявая его к нуждам англосаксонской аудитории, и исправляет неточности в том, что касается географии Европы [13 р. 38–42]. Главное же отличие оригинала от перевода заключается в том, что в последний добавлены рассказы Охтхере и Вульфстана, отсутствующие у Орозия. Оба рассказа интерполированы без очевидной связи с текстом, вероятно на основании их общего тематического сходства с оригиналом Орозия, и скорее всего после окончания работы над переводом. Они заключают раздел, описывающий границы расселения народов, которые жили в Европе к северу от Дуная, преимущественно германских племен и их соседей: саксов, фризов, готов, данов, бургундов, сарматов, свеев, финнов, норвежцев. За упоминанием

⁶ Древнеанглийский перевод «Истории против язычников» Орозия сохранился в двух рукописях, находящихся в Британской библиотеке в Лондоне: Дополнение 47967 (*The Lauderdale MS* или *Tolemache MS*, первая четверть X в.), Коттонская рукопись (*MS Cotton Tiberius B.i*, XI в.).

о норвежцах (Norþmenn) следуют рассказы Охтхере и Вульфстана. Скорее всего, их повествования записаны по указанию короля Альфреда, так как известно, что король лично занимался вопросами знания и образования.

Вставные повествования Охтхере и Вульфстана соответствуют основному тексту функционально, исполняя в повествовании информативную роль. Они включают четыре описания морских путей на север и на юг Скандинавского полуострова (отправной точкой для Охтхере был Халогаланд, для Вульфстана – Хедебю); сведения о расстояниях, данных в форме указаний на длительность переходов между населенными областями; сообщения о направлении ветров; известия о том, что находится по правому и по левому борту по отношению к путешественнику; знания местной экономики. Трудно поэтому согласиться с теми исследователями, которые приписывают вставным повествованиям Охтхере и Вульфстана прежде всего развлекательную роль [14 s. 153–168], связывая их с традицией рассказов о путешествиях и подвергая сомнению их ценность как источников сведений о географии Северной Европы. Достоверностью сообщаемого были озабочены и сами повествователи, что следует, например, из рассказа Охтхере о народности биармов (беормов – *Beormas*)⁷. Путешественник утверждает, что биармы (беормы) рассказывали ему много историй о своей стране и об окружающих ее землях, но замечает, что не знает, правдивы ли они, так как сам не видел этого. Можно предположить поэтому, что в своих описаниях Охтхере основывается на собственных наблюдениях и, следовательно, стремится к достоверности.

Рассказ Охтхере содержит сведения о географии и этнографии северных стран Европы и описывает путешествия из Халогаланда на север (в Белое море и к Кольскому полуострову) и на юг к Хедебю (в Данию, Центральную Швецию, возможно в Ирландию), а также народы, населяющие эти и пограничные с ними страны: финнов (*Finnas*), свеев (*Sweon*), квенов (*Cwenas*), биармов (*Beormas*), вендов (*Winedas*), иров (*Iras*), англов (*Engle*), саксов (*Seaxe*), данов (*Dene*). О себе Охтхере сообщает, что происходит из Халогаланда: *Ohthere sæde his hlaforde, Ælfrede cyninge, þæt he ealra Norðmonna norþmest bude. He cwæþ þæt he bude on þæm lande norþweardum wip þa Westsæ. He sæde þeah þæt þæt land sie swiþe lang norþ þonan <...> Ohthere sæde þæt sio scir hatte Halgoland þe he on bude* – «Охтхере

⁷ Народность беормов детально исследована в трудах Е.А. Мельниковой [15 с. 197–200], Г.В. Глазыриной [16 с. 17–20; 17 с. 97–98] и Т.Н. Джаксон [18 с. 248–250; 19 с. 58–67; 20 с. 62–64].

рассказал своему господину, королю Альфреду, что он живет севернее всех людей севера (*норвежцев*). Он сказал, что живет в стране к северу от Западного моря (*т. е. моря, расположенного на западе от Норвегии*). Он сказал, однако, что эта страна очень далеко простирается оттуда на север <...> Охтхере сказал, что область, в которой он живет, называется Халогаланд». В англосаксонском тексте рассказчик назван Охтхере (*Ohthere*), однако если он происходит из Норвегии, то не может быть англосаксом, следовательно, его имя калькирует скандинавское имя Оттар (*Ottarr*).

О самом Охтхере из его рассказа известно немного. Очевидно, он был зажиточным человеком, так как ему принадлежало великое множество северных оленей (ко времени посещения англосаксонского короля у него было 600 непроданных оленей), 20 коров, 20 овец, 20 свиней, а также лошади, при помощи которых он пахал землю. Он говорит о себе как об одном из первых (*fyrstum*) людей в округе (в Халогаланде, а возможно и во всей Норвегии, так как он хорошо знает топографию всей страны, включая и те области, которые расположены далеко от его дома). Главное занятие Охтхере во время путешествия, вероятно, было связано с китобойным промыслом, а также добычей шкур и бивней моржей, которые он подарил королю Альфреду. Обращение Охтхере к Альфреду как к своему господину (*his hlaforde*) может свидетельствовать о его продолжительном знакомстве с королем [5 р. 56]. Предполагалось, что норвежский путешественник мог прибыть к Альфреду, чтобы присоединиться к его флоту в качестве опытного морехода [21 р. 689], или мог принадлежать к тем окружавшим короля иностранцам, которые, по свидетельству Ассера, состояли на королевской службе и щедро вознаграждались [11 р. 91]. Нельзя, однако, исключать и того, что пребывание Охтхере на Британских островах могло быть более кратковременным, чем обычно предполагается: он утверждает, что, покидая дом, оставил непроданных оленей и посетил такие торговые центры, как Каупанг и Хедебю [22 р. 606–611], и следовательно, мог приехать ко двору короля, чтобы купить или сбить товар или заключить торговые соглашения [22 р. 274–275].

Охтхере, очевидно, не испытывал трудностей в общении с англосаксами [23 р. 90–94]. Предполагалось, что его рассказ представляет собой ответы на заданные вопросы, а известный нам текст содержит изложение в косвенной речи обращения к королю, изначально сделанного в прямой речи: «Господин, король Альфред, мое имя Охтхере...» [24 р. 67–103] [25 р. 117–118]. Если Охтхере сам разговаривал с королем Альфредом, его рассказ можно датировать временем между 871 г., когда Альфред взойшел на престол, и 899 г.,

когда короля не стало [26 р. 27]. Рассказ Охтхере записан на уэссекском диалекте, однако едва ли это значит, что Охтхере говорил с королем на его языке. Неизвестно также, владел ли король Альфред скандинавскими диалектами. О присутствии переводчика при разговоре англосакса и скандинава в тексте не упоминается, хотя и было высказано не вполне убедительное предположение, что этим переводчиком мог быть Вульфстан [27 р. 147–157].

Предполагается, что Охтхере мог приобрести поверхностное знание англосаксонских диалектов во время своих путешествий [26 р. 30]. Однако возможно также, что англосаксы и норвежец общались на своих языках и понимали друг друга. Скорее всего, Охтхере говорил на скандинавском диалекте, и его рассказ был записан англосаксонским писцом. Об этом свидетельствует и использование в рассказе простейшей обиходной лексики, имеющей соответствия в скандинавских диалектах (*æþele*, ср. дисл. *aðal* – «главный, основной»; *kyrtel*, ср. дисл. *kyrtill* – «куртка»; *ban*, ср. дисл. *bein* – «кость, нога»; *toþ*, ср. дисл. *tönn*, ед.ч. / *teðr*, мн.ч. – «зуб»; *fyrst*, ср. дисл. *fyrstr*, превосх. ст. – «первый»; *mor*, ср. дисл. *mor* – «пустошь»), и присутствие скандинавских заимствований. К скандинавским заимствованиям в рассказе Охтхере следует отнести слово *hranas* (совр. *reindeer*) < *hreinar* – «олени»: *He wæs swyðe spedig man on þæm æhtum þe heora speda on beoð, þæt is on wildrum. He hæfde þa gyt, ða he þone cyningc sohte, tamra deora unbebohtra syx hund. Ða deor hi hatað hranas; þara wæron syx stælhhranas, ða beoð swyðe dyre mid Finnum, for ðæm hy foð þa wildan hranas mid* – «Он был весьма зажиточным человеком, (владея) той собственностью, из которой у них состоит богатство, то есть из диких оленей. Когда он прибыл к королю, у него было еще шесть сотен непроданных ручных оленей. Этих оленей они называют северными оленями. Шесть из них были оленями для приманки. Они очень ценятся у финнов, так как используются для ловли диких оленей». Слово *hran* (< *hreinn*) представляет собой неологизм, так как, насколько известно, вне рассказа Охтхере он не употребляется.

К скандинавским заимствованиям относится и встречающееся в рассказе Охтхере слово *horshwæl* (совр. *walrus*) < *hrosshwælr* – «horse-whale», «морж»: *Swiþost he for ðider, toeacan þæs landes sceawunge, for þæm horshwælum, for ðæm hie habbað swiþe æþele ban on hiora toþum, þa teð hie brohton sume þæm cyninge, and hiora hyd bið swiðe god to sciprapum. Se hwæl bið micle læssa þonne oðre hwalas: ne bið he lengra ðonne syfan elna lang* – «Помимо того, чтобы осматривать страну, он поехал туда прежде всего из-за моржей, так как у них в бивнях находится очень ценная кость – несколько тех бивней

они привезли королю, – и их шкура очень хороша для корабельных канатов. Этот кит гораздо меньше, чем остальные киты; в длину он не более семи локтей», т. е. около 3–4 метров [26 р. 36]. Значение интерполяции *þa teð hie brohton sume þæm cyninge* – «и они привезли несколько бивней королю» понять так же трудно, как и установить референта «они». Возможно, имеются в виду спутники Охтхере, которые привезли бивни моржей в дар, или на продажу, или в качестве движимого имущества и продемонстрировали их королю Альфреду как вещественное доказательство существования неведомых англосаксам животных. Эта интерполяция, которая не могла изначально присутствовать в рассказе Охтхере, вероятно, свидетельствует о присутствии кого-то третьего, возможно, писца или того, кто задавал вопросы путешественнику. Очевидно, писцом или спрашивающим добавлена многократно воспроизводимая в англосаксонском тексте формула *Ohthere sæde* – «Охтхере сказал» или *He sæde* – «он сказал», подтверждающая предположение, что рассказ мог быть записан со слов самого путешественника.

Присутствие скандинавских заимствований в рассказе Охтхере свидетельствует о том, что он говорил или на древнеанглийском, который унаследовал привычными для него скандинавизмами, или на скандинавском диалекте, который был понятен всей аудитории, но, разумеется, влиял на писца, и тот включил в свою запись скандинавизмы, объясненные рассказчиком. В любом случае, англосаксонские источники (в частности, рассказ Охтхере) свидетельствуют о том, что скандинавы могли объясняться с англосаксами, возможно, на своем родном языке, причем это происходило в эпоху правления короля Альфреда, т. е. примерно через столетие после того, как викинги впервые появились на Британских островах.

* * *

Скандинавские источники тоже подтверждают наличие языковых контактов завоевателей с местным населением. Известно, что при дворе английских правителей гостили скальды, сочинявшие в их честь хвалебные драпы. Сохранились скальдические панегирики, воспевающие деяния тех же английских королей, что и поэмы Англосаксонской хроники. Так, победе короля Этельстана (внука короля Альфреда Великого) в битве при Брунанбурге посвящена одна из самых прославленных поэм хроники; однако ту же победу превозносит хвалебная песнь самого знаменитого исландского скальда Эгиля Скаллаграмссона и прозаический рассказ в «Саге об Эгиле» (*Egils saga Skallagrímssonar*, кар. 55), в который она включена:

Nú hefr foldgnárr fellda,
 fellr jörð und nið Ellu,
 hjaldrsnerrandi, harra
 höfuðbaðmr, þría jöfra.
 Aðalsteinn of vann annat,
 allt's lægra kynfrægjum,
 hér sverjum þess, hyrjar
 hrannbrjótr, konungmanni⁸.

«Вот владык потомок,
 Трех князей убивший.
 Край ему подвластен.
 Не исчислить подвигов
 Адальстейна в битвах.
 Я клянусь, о щедрый
 Конунг, – мы не знаем,
 Кто б с тобой сравнился».

(Пер. А.И. Корсуна)

Если прозаическая часть саги характеризует короля Этельстана симптоматически, т. е. через его поступки, такие как предложение щедрого возмещения за смерть сородича и награды за сочинение хвалебной песни, то в стихах Эгиля создается идеальный портрет правителя: ему подвластен весь край, он, «потомок владык», «щедрый конунг», владеет страной «вплоть до гор», т. е. всей Англией до самой Шотландии (Nú liggr hæst und hraustum / hreinbraut Aðalsteini), его подвигам нет числа. За свои скальдические стихи герой «Саги об Эгиле» получил богатые дары и приглашение навсегда остаться в Англии. Король Этельстан проявил поистине королевскую мудрость, пригласив на службу исландских скальдов и поручив им участвовать в исторической битве при Брунанбурге. Англосаксонские короли, несомненно, понимали значение поэзии как средства влияния на умы современников и потомков и для того способствовали распространению «меда поэзии на английских полях»⁹.

Об англосаксонских королях и их отношениях со скандинавами рассказывается и в «Круге Земном» Снорри Стурлусона, в котором король Этельстан наделяется эпитетами «победоносный» и «верный» (Hann var kallaður hinn sigursæli og hinn trúfasti, kap. 40). Снорри сообщает о соперничестве Этельстана с Харальдом Прекрасноволосым, первым королем Норвегии, объединившем страну под своей властью. В «Саге о Харальде Прекрасноволосом» (Haraldar saga hárfagra, kap. 40) говорится, что Этельстан (или Адальстейн, как он зовется в саге) повелел вручить норвежскому королю драгоценный меч, дабы заставить того признать свое подчи-

⁸ Здесь и далее текст «Саги об Эгиле» цит. по: [28]. Пер. на русский язык С.С. Масловой-Лашанской, В.В. Кошкина и А.И. Корсуна цит. по: [29 с. 61–251].

⁹ Ср. слова Эгиля Скаллаgrimссона из драпы «Выкуп головы», в которой он похваляется тем, что «приносит мед Одина (=поэзию) к столу англоv» (ber ek Óðins mjöð/á Engla bjöð) (В I 268, 2:3–4).

ненное положение по отношению к английскому правителю. Хотя норвежский король понял, что меч был послан ему в насмешку, он не пожелал становиться ничьим подданным и придумал отдать на воспитание королю Этельстану своего сына Хакона. Харальд отправил в Лондон вооруженный отряд из 30 человек и повелел своему посланнику явиться на пир к королю Этельстану. По приказанию норвежского короля его посланник посадил мальчика Этельстану на колени, объявив, что конунг Харальд просит его воспитать своего сына от рабыни. Король Этельстан очень разгневался, «так как тот, кто воспитывает чужого ребенка, менее знатен, чем отец этого ребенка. Из этих столкновений конунгов видно, что каждый из них хотел быть больше другого. Однако достоинство ни того, ни другого не пострадало от этого» (*því að það er mál manna að sá væri ótignari er öðrum fóstið barn. Í því líkum viðskiptum konunga fannst það að hvor þeirra vildi vera meiri en annar og varð ekki misdeili tignar þeirra að heldur fyrir þessar sakir, kap. 41*)¹⁰. Король Этельстан, как рассказывается в саге, велел крестить юного Хакона, обучить его правой вере, добрым обычаям и куртуазному обращению и любил его больше всех своих родичей. Мальчик стал, когда вырос, норвежским конунгом Хаконем Добрым и сохранил прозвище Воспитанник Адальстейна (*Adalsteinsfóstri, kap. 42*).

Укрепление связей со скандинавами, которому, несомненно, способствовало решение оставить на воспитание сына Харальда Прекрасноволосого, было одной из главных забот короля Этельстана с самого начала его правления. Как сообщает хроника, одним из первых его деяний после коронации в сентябре 925 г. была встреча с датским правителем Йорка Сигтрюггом, которому король англосаксов отдал в жены свою сестру Эадгюд. Для того чтобы принимать решение о браке и обсуждать детали брачного договора, двум королям нужно было понимать друг друга. Однако и упоминание в хронике о смешанном браке Сигтрюгга и Эадгюд (а подобных браков было, вероятно, немало, особенно в Области датского права) позволяет поставить вопрос о том, на каких языках говорили в таких семьях муж и жена, а потом и их дети. Как правило, в смешанных браках язык родителей постепенно выходит из употребления во втором или в третьем поколении, вытесняясь господствующим языком. Скандинавские диалекты тоже, несомненно, вытеснялись англосаксонскими, на которых говорило подавляющее большинство населения страны.

¹⁰ Здесь и далее текст «Саги о Харальде Прекрасноволосом» цит. по: [30 Bls. 28–59]. Пер. на русский язык М.И. Стеблин-Каменского цит. по: [31].

Подобно Этельстану, король Этельред (979–1016), сын Эдгара, стал объектом восхваления героя «Саги о Гуннлауге Змеином Языке», который тоже служил английскому королю не только как дружинник, но и как скальд. Из саги известно, что Гуннлауг, который родился и вырос в Исландии, приехал в Англию ко двору Этельреда (Адальрада, как он называется в скандинавских источниках) и сочинил в честь короля хвалебную песнь. В саге описываются обстоятельства сочинения песни и приводится ее текст¹¹: «В Англии правил тогда конунг Адальрад, сын Ятгейра. Он был хорошим государем. В ту зиму он жил в Лундунаборге... Гуннлауг тотчас пошел к конунгу и приветствовал его учтиво и почтительно. Конунг спросил его, из какой он страны. Гуннлауг ответил ему. «Я потому, – продолжил он, – искал встречи с вами, государь, что сочинил вам хвалебную песнь и хотел бы, чтобы вы ее выслушали». Конунг сказал, что он охотно ее выслушает. Тогда Гуннлауг сказал эту хвалебную песнь четко и торжественно. В ней был такой припев: «Все воинство в страхе стоит перед князем Англии, как перед Богом; весь род быстрых в битве вождей и людей склоняется перед Адальрадом»¹²». Выслушав хвалебную песнь, король Этельред поблагодарил скальда и подарил ему пурпурный плащ, подбитый мехом и богато отделанный. Более того, английскому правителю настолько понравилась сочиненная в его славу песнь, что он сделал Гуннлауга своим дружинником и оставил его у себя на всю зиму.

Приведенный в «Саге о Гуннлауге» рассказ может пролить свет на обстоятельства исполнения скальдической хвалебной песни. Согласно свидетельству саги, ее герой, родившийся и выросший в Исландии, приехав в Лондон ко двору Этельреда, не встречает никаких трудностей в общении с королем, исполняет ему сочиненную им скальдическую хвалебную песнь, припев которой приводится и которую английский король прекрасно понимает, ибо дает за нее щедрое вознаграждение. Дошедшая до нас скальдическая поэзия настолько трудна для понимания, что требует не просто превосходного владения языком, но и способности проникать через тройной заслон, воздвигаемый скальдической метрикой, намеренно запутанным синтаксисом, а главное – фразеологией (перифрастическими обозначениями – кеннингами и скальдическими синонимами – хейти). Свидетельство «Саги о Гуннлауге» позволяет предположить, что англосаксонские правители не толь-

¹¹ Здесь и далее текст «Саги о Гуннлауге» цит. по: [32 Bls. 51–107].

¹² Здесь и далее текст саги М.И. Стеблин-Каменского и перевод стихов О.А. Смирницкой цит. по: [33].

ко понимали скальдов, но и настолько владели языком, что могли оценить их поэзию.

Насколько можно судить по сагам, другие скальды тоже не стеснялись с языковыми трудностями, когда приезжали в Англию. В «Саге о Бьёрне, защитнике Хитдаля» (гл. 124), рассказывается о поездке ее героя в Англию во время правления короля Кнута Могучего (1016 по 1035 гг.) и о том, что скальд был там принят с большим почетом и пробыл у короля Кнута два года. Сохранились сочиненные в честь короля Кнута хвалебные песни (драпы) таких прославленных скальдов, как Сигват Тордарсон и Торарин Славослов¹³. Их драпы, прославляющие Кнута, сочинены тётглагом, более простым размером, чем основной скальдический размер (дротткветт). В тётглаге отсутствовало характерное для дротткветта переплетение предложений и допускались различные отклонения от скальдического канона рифм и аллитераций. Высказывалось предположение что происхождение тётглага, в котором упрощены законы скальдического стихосложения, объясняется стремлением скальдов приспособиться к поэтическим вкусам английского окружения Кнута Могучего [35 s. 211].

О единственном затруднении, возникшем при понимании скальдического стихотворения, как будто случайно проговаривается только один дошедший до нас текст. Это «Прядь о Халли Челноке», свидетельство которой особенно ценно своей уникальностью и потому заслуживает того, чтобы быть приведенным полностью. В «Пряди о Халли Челноке» рассказывается о посещении Англии одним из скальдов норвежского конунга Харальда Сурового: «В Англии в то время правил Харольд, сын Гудини. Халли тотчас же отправляется на встречу с конунгом, объявляет, что сложил драпу в его честь, и просит выслушать ее. Конунг дает на это свое согласие. Халли уселся у ног конунга и исполнил песнь. А когда она была произнесена до конца, конунг спросил у своего скальда, который находился при нем, как ему понравилась эта песнь. Тот ответил, что считает, что она хорошо сложена. Конунг предложил

¹³ В «Круге Земном» рассказывается о поездке еще одного знаменитого скальда (Сигвата) в Англию к королю Кнуту Могучему и о полученных им подарках, причем упоминается, что Сигват и раньше бывал у английского правителя («Сага об Олаве Святом», глава 131). Известно, что деяния английских королей воспевали в своих хвалебных песнях и другие исландские скальды. В честь Кнута Могучего сочиняли свои висы Сигват Тордарсон, Оттар Чёрный, Халльвард Благословение Харека, Торарин Славослов, Арнор Ярлов Скальд, Берси Торфусон, Стейн Скаптасон, Одаркептр. См. подробнее: [34 p. 349–370].

Халли погостить у него, однако Халли ответил, что он уже успел снарядиться и вот-вот уедет в Норвегию. Конунг сказал, что раз так, то “тебе полагается такое же вознаграждение за песнь, какую мы получили от нее пользу, поскольку нам не будет никакой славы от хвалебной песни, которую никто не знает. Садись-ка на пол, а я прикажу осыпать твою голову серебром, и только то, что пристанет к волосам, – твое. Сдается мне, что одно другого стоит, ведь и у нас не больше возможностей заполучить твою песнь”... У Халли было очень много денег, и ему хотелось уехать во что бы то ни стало. А все из-за того, что хвалебная песнь, которую он сложил в честь конунга, на самом деле была никакая не песнь, а околесица, и поэтому он не смог бы никого ей обучить» (*пер. Е.А. Гуревич*)¹⁴.

Скальдическая драпа, которая не приводится в «Пряди...», была сочинена скальдом норвежского конунга Харальда Сурового в честь Харольда Годвинсона, которому в 1066 г. было суждено стать последним англосаксонским правителем Англии. Очевидно, эта драпа оказывается не вполне понятной Харольду Годвинсону, и он спрашивает мнения о ней своего скальда (скорее всего, придворного англосаксонского поэта). Англосаксонский поэт одобряет драпу, однако, возможно, тоже не вполне ее понимает, так как не может перенять. Халли тоже не может никого научить своей драпе, потому что сочинил бессмыслицу (*endilauss*), о чем сообщает создатель пряди, мотивируя желание Халли поскорее убраться из Англии, и о чем сам Халли говорит в сложенных им позднее стихах:

Orti ek eina	«Худо хвалу
um jarl þulu.	Сложил я ярлу,
Verðrat drápa	драпу дрянней
með Ðonum verri.	дали ль данам?
Föll eru fjórtán	Четырнадцать раз
og fong tíu.	Метр в ней хромает
Opíð er og ondvert,	Да рифм с десяток
ofugt stígandi.	пятится задом.
Svo skal yrkja	Так неумеха
sá er illa kann.	Свой стих слагает».

(*Пер. Е.А. Гуревич*)

В висе Халли, негативно оценивающей ту драпу, которую он сочинил в честь могущественного правителя Уэссекса, идет речь о метрических и звуковых дефектах ее стихосложения. Оценить недо-

¹⁴ Здесь и далее перевод Е.А. Гуревич цит. по: [36 с. 385–402].

статки драпы невозможно, так как ее текст в пряди не приводится, а используемые в стихах термины более нигде не встречаются [37 р. 361–374]. Халли говорит о своей хвалебной песни в честь Харольда, который сам был наполовину даном, что «хуже ее не было драпы у данов» (*Verðrat drápa / með Ðonum verri*). Как предположила Е.А. Гуревич, эта фраза может быть понята и как «указание на скандинавское происхождение ярла Харольда», и как «намек на поэтическую несостоятельность и невежество датских скальдов», так как «находившийся при Харольде скальд заверил, что хвалебная песнь, которую Халли сложил в его честь и позднее сам назвал околесицей, была хорошо сложена»¹⁵. Можно предположить также, что плохо сложенные стихи или стихи без смысла служили не прославлению, но осмеянию адресата, в данном случае уэссекского правителя Харольда, с которым норвежскому конунгу Харальду (покровителю скальда Халли) суждено было сразиться в битве при Стэмфорд-Бридж. В любом случае следует заключить, что не скальдическая поэзия вызывала трудности при англосаксонском дворе, но индивидуальная драпа Халли, знаменательно отсутствующая в тексте пряди. Песнь Халли было невозможно понять и, следовательно, перенять не только из-за ее технических погрешностей, но потому что в ней не было смысла. Напомним, что вся сцена происходит при дворе последнего англосаксонского короля Харольда Годвинсона, рожденного в смешанном браке: его отцом был всемогущий уэссекский правитель Годвине, а матерью датчанка по имени Гюда, дочь Торкеля и сестра правителя Ульва Торкельссона, состоявшего в браке с сестрой Кнута Могучего. Едва ли Харольд и его окружение могли не владеть и скандинавскими, и англосаксонскими диалектами.

Харольду Годвинсону было суждено одержать блестящую победу над скандинавами в битве при Стэмфорд-Бридж (1066), непосредственно предшествовавшей нормандскому завоеванию Англии. Очевидно, англосаксонский и скандинавский в эту эпоху все еще осознавались в качестве разных языков, как о том свидетельствует рассказ об участниках этой битвы, который приводится в «*Sage о Харальде Суровом*». С одной стороны, в битве при Стэмфорд-Бридж принимали участие норвежский король Харальд Суровый, претендовавший на английский престол, и брат последнего англосаксонского правителя Харольда Годвинсона Тости, изгнанный из Англии и ставший подданным норвежского короля; они вторглись в Мерсию и привели в Йорк более 300 кораблей

¹⁵ Здесь и далее примеч. Е.А. Гуревич к «Пряди о Халли Челноке» цит. по: [36 с. 874].

с воинами. Захват Йорка, несомненно, воодушевил и Тости, и Харальда Сурового, который намеревался отвоевывать территорию Англии город за городом, как это делали его предшественники начиная с Ивара Бескостного. В «Саге о Харальде Суровом» (гл. 86) утверждается, что друзья и родичи Тости примкнули к нападавшим, однако все рукописи Англосаксонской хроники согласны в том, что население Йорка единодушно выступило против завоевателей. С другой стороны, в битве принял участие Харольд Годвинсон, ставший после кончины Эдуарда Исповедника королем Англии. Харольд собрал в Лондоне войско и 25 сентября 1066 г. неожиданно напал на своего брата Тости и норвежского короля Харальда Сурового у Стэмфорд-Бридж, в восьми милях от Йорка. Английское войско одержало победу, Тости и Харальд Суровый погибли, а от их рати осталась десятая часть, и та не могла спастись бегством, так как большая часть кораблей была сожжена. Харольд Годвинсон пощадил своих племянников, сыновей Тости Скули и Кетиля, а также сыновей Харальда Сурового Олава и Магнуса, которые стали впоследствии королями Норвегии.

В «Саге о Харальде Суровом» описывается окончание битвы, бегство скандинавского войска и спасение отдельных воинов: «Стюркар, окольный конунг Харальда, сына Сигурда, доблестный муж, спасся из битвы. Он добыл коня и ускакал. Вечером подул довольно холодный ветер, а на Стюркаре не было ничего, кроме рубахи. На голове у него был шлем, а в руке обнаженный меч. Когда его усталость прошла, ему стало холодно. В это время ему повстречался один возничий, одетый в кожух. Стюркар сказал: “Не продашь ли ты мне кожух, хозяин?” “Не тебе, – говорит тот. – Ты, должно быть, норвежец, я узнал тебя по твоей речи”. Тогда Стюркар сказал: “Если я норвежец, то что же?” Бонд отвечает: “Я хотел бы убить тебя, но, к несчастью, нет при мне оружия, чтобы сделать это”. Тут Стюркар сказал: “Коль ты не можешь меня убить, то я попробую, может быть, сумею убить тебя”. Он поднимает меч и ударяет им бонда по шее так, что у того отлетает голова. Затем он взял кожух, сел на коня и поскакал к берегу»¹⁶. По свидетельству «Саги о Харальде Суровом», окольный норвежского короля был опознан английским бондом как скандинав по его «речи» (*mál*). Англосакс отвечает отказом на просьбу норвежца, так как воспринимает его как недавнего врага, и грозит ему смертью. Тем не менее норвежец побеждает в поединке и убивает англосакса, чтобы завладеть его одеждой. Судя по тому, что рассказывается в саге,

¹⁶ Здесь и далее текст «Саги о Харальде» цит. по: [38 Bls. 94–149]. Пер. на русский язык А.Я. Гуревич цит. по: [39 с. 459].

речевая коммуникация между норвежцем и англосаксом была беспрепятственной, хотя и привела последнего к печальному концу.

Битва при Стэмфорд-Бридж положила конец скандинавскому владычеству в Англии, однако после блестящей победы Харольду Годвинсону предстояло еще одно решающее сражение. Всего через два-три дня после битвы при Стэмфорд-Бридж (28 или 29 сентября) в Певенси (Сассекс) высадился нормандский герцог Вильгельм. Харольд мог получить известие о высадке Вильгельма только через несколько дней, так как Певенси находится примерно в 270 милях от Йорка. Харольд прибыл в Лондон с остатками войска 4 или 5 октября и выехал навстречу Вильгельму не позднее 12 октября. 14 октября Харольд и Вильгельм встретились в битве при Гастингсе, который расположен в 60 милях от Лондона. Харольд не мог успеть перебросить все войско за две недели на расстояние 270 миль, а чтобы выдержать два крупных сражения в течение 19 дней, требовался незаурядный героизм. Возможно, Харольд решил на второе сражение, так как был воодушевлен победой над Тости и норвежским королем и надеялся отразить нападение и нормандского герцога Вильгельма [40 р. 109]. Так как историю пишут победители, мы не располагаем беспристрастными рассказами о битве¹⁷. В Англосаксонской хронике о битве при Гастингсе не говорится почти ничего.

В 1066 г. на английском престоле сменилось три правителя: за Эдуардом последовал уэссекский эрл Харольд, у которого трон отобрал дальний родственник Эдуарда по матери; два брата Харольд и Тости вступили в междоусобную войну, закончившуюся гибелью сначала одного, затем, спустя 19 дней, другого. Англия обратилась на юг, а не на север. Если бы Вильгельм вторгся в Англию летом, как он намеревался, а не осенью, Харольд не был бы изнурен битвой с Тости и, вероятнее всего, победил бы. Если бы, однако, победу одержал Вильгельм, ему пришлось бы вынести вторую битву с Тости и Харальдом Суrowым, результат которой был непредсказуем.

Нормандское завоевание изменило языковую ситуацию в Англии, причем это изменение нашло отражение в скандинавских источниках. Уже упомянутая «Сага о Гуннлауге» (*Gunnlaugs saga ormgstungu*, 7 гл.) содержит знаменательное утверждение: «В Анг-

¹⁷ Описание битвы при Гастингсе дают нормандские источники: анонимная поэма *The Carmen de Hastings Proelio of Guy bishop of Amiens* [41], состоящая из 835 строк, из которых 262 строки посвящены рассказу о битве; Вильгельм Пуатье [42 р. 128–133], Вильгельм Жюмьезский [43 р. 168–169]; Ордерик [43 р. 176–177], Уильям Малмсберийский [44 р. 456], а также гобелен из Байо.

лии правил тогда конунг Адальрад, сын Ятгейра. Он был хорошим государем. В ту зиму он жил в Лундунаборге. В Англии был тогда тот же самый язык, что и в Норвегии и Дании. Язык изменился в Англии, когда ее завоевал Вильхьяльм (Вильгельм) Незаконнорожденный. С тех пор в Англии стали говорить по-французски, так как он был родом из Франции». Создатель саги утверждает, что до нормандского завоевания в Англии и в Скандинавии был «один... язык» (ein var... tunga), т. е. что англосаксонский и скандинавский были взаимопонятными языками. Судя по приведенной цитате, скандинавам была понятна внутренняя форма английских слов, в частности собственных имен. Имена англосаксонских правителей в сагах неизменно подвергаются калькированию: так, имя Этельреда (Æþel + gæd, «благородный совет») переводится на древнеисландский поморфемно и отражается как Адальрад (*Adal+ráðr*), а Эадгар (*Ead* < **audaz* – «счастливый, богатый», + *gar* < **gaizaz* – «копье») как Ятгейр (*Játgeir*), второй компонент которого *geir* обозначает «копье». Калькируются имена и других англосаксонских правителей, например Этельстана (Адальстейн < *Adal+steinn*, «благородный камень»), о которых рассказывается в сагах из «Круга Земного».

В «Саге о Гуннлауге» утверждается, что языковая ситуация в Англии изменилась, когда ее завовал Вильхьяльм (Вильгельм) Незаконнорожденный. Как известно, нормандское завоевание привело к ситуации диглоссии, когда в стране сосуществовали два языка, применяемые в различных функциональных сферах: разговорный англосаксонский язык населения, принадлежащий германской группе языков, и старофранцузский язык власти, делопроизводства и судопроизводства, относящийся к романской группе. Ситуация англо-нормандской диглоссии прекрасно описана Вальтером Скоттом в начале «Айвенго»: «...французский язык был языком знати, рыцарства и даже правосудия, тогда как несравненно более мужественная и выразительная англосаксонская речь была представлена крестьянам и дворовым людям, не знавшим иного языка». Ситуация англо-нормандской диглоссии изменяется в XIII в., когда английский язык постепенно вытесняет французский из всех функциональных сфер (включая язык «знати, рыцарства и даже правосудия») и начинает использоваться с ним на равных правах.

Характерная для диглоссии ситуация несбалансированного двуязычия, когда один из языков или вариантов выступает в качестве «высокого», а другой – «низкого», несомненно, отсутствовала в ситуации сосуществования диалектов викингов и англосаксов. Поэтому к сосуществованию древнеанглийского и скандинавского диалектов нельзя применить термин «диглоссия». Исследователи

обычно описывают его в терминах билингвизма, когда два языка сосуществуют друг с другом в рамках одного коллектива, использующего эти языки в различных коммуникативных сферах в зависимости от социальной ситуации¹⁸.

Однако свидетельство «Саги о Гуннлауге» не позволяет применить термин «билингвизм» к лингвистической ситуации, сложившейся в эпоху викингов на Британских островах. В «Саге...» утверждается, что в Англии был тогда тот же язык, что и в Норвегии и Дании. Иначе говоря, в Англии, и в частности при дворе английского короля, понимали язык, на котором говорили в Норвегии и в Дании. В эпоху правления англосаксонских королей главной территорией языкового контакта была область датского права, однако когда датские правители (Свейн, 1007, и его сын Кнут, правивший Англией почти 20 лет – 1016–1035) воцарились на английском престоле, такой областью стала вся страна. Топонимы, восходящие к скандинавизмам (ср. названия с суффиксами *-toft* <*toft*, *topt* – «место, усадьба», около 280 примеров: *Fishtoft*, *Nortoft*, *Lantoft*, *Lowestoft*, *Wigtoft*; *-thwaite* < *þveit* – «расчищенная область», около 270 примеров: *Langthwaite*, *Huthwaite*, *Slaithwaite*, *Thornthwaite*, *Braithwaite*; *-thorpe* < *þorp* – «деревня», примерно 570 примеров: *Grimethorpe*, *Scunthorpe*, *Kettlethorpe*, *Kirkthorpe*; *-by* < *þýr* – «поселение», примерно 880 примеров: *Rugby*, *Selby*, *Whitby*, *Grimby*, *Derby*)¹⁹, встречаются не только в Области датского права, но и в восточных и даже, хотя и редко, в южных областях страны (ср. названия, образованные по модели: скандинавское имя собственное, например *Grím* – одно из имен Одина, или *Sveinn*, или *Brand* + *tun* – «огороженное место»: *Grimstone*, *Swainstone*, *Branstone* в районе Борнмута и Портсмута). В общей сложности примерно 1400 топонимов в Англии имеют скандинавское происхождение [45 р. 93], что говорит о расселении скандинавов по всей территории Британских островов.

Свидетельство более надежное, чем топонимика, дает реальная близость древнескандинавских и древнеанглийских диалектов. Она обусловлена тем, что они восходят к единому северозападно-германскому языку, на котором созданы древнейшие рунические надписи. О близости двух языков в эпоху раннего Средневековья говорят и общеизвестные лингвистические факты. Как известно, из скандинавских диалектов в английский язык были заимствованы

¹⁸ «a considerable number who were to a greater or lesser degree bilingual» [45 р. 95]. Сходный взгляд на билингвизм можно найти в: [46 р. 89–105].

¹⁹ Статистика приводится по: [47 р. 85–92].

общеупотребительные обиходные слова широкой семантики, например сканд. *húsbondi* < *hús* – «дом» + *bondi* – «крестьянин, житель, бонд» > древнеангл. *hus-bonda* > совр. *husband*, в котором второй компонент заимствован из сканд. *búandi*, причастия от глагола *búa* – «жить». Скандинавское заимствование представляет собой и слово *law* – «закон» < древнеангл. *lagu* < из сканд. *lag* – «слой, порядок, уклад», форма множественного числа *log* имела значение «установление, закон, область, объединенная законом» (от сканд. глагола *leggja* – «класть, устанавливать»). Это заимствование использовано в названии области датского права (*Dena lage*), а также в обозначении общин (*fé-lag* < *fé* «имущество» + *lag* – «уклад») и членов общин, товарищей, возможно изначально совместно владевших имуществом (*fé + lagi* > *félagi* > *feoh + laga* > *feolaga* > *fellow*), а также изгоев, объявленных вне закона (*útlagi* > *utlaga* > *outlaw*).

Слова, заимствованные из скандинавских диалектов, могли не только обозначать новые реалии, отсутствующие в древнеанглийском, но и вытеснять исконные слова. Например, скандинавский глагол *taka* > среднеангл. *tacan* > совр. *take* вытеснил исконный древнеангл. глагол *niman*; сканд. *kasta* > среднеангл. *casten* > совр. *cast* вытеснил исконный глагол *weorgan*; сканд. *kuti* – «маленький нож, резать ножом» > среднеангл. *cutten* > совр. *cut* вытеснил исконные глаголы *snidan*, *ceorfan*; скандинавское прилагательное *angr* > совр. *anger* вытеснило исконные древнеанглийские синонимы *grama*, *irre*, *tom*. Скандинавские заимствования могли также способствовать изменению значений исконных слов, например сканд. *ský* – «туча, облако» вытеснило исконные слова (*wolcen*, *uprodor*) и привело к сужению семантики исконного слова *heofon* (совр. *heaven*).

Говоря о скандинавских заимствованиях, следует упомянуть о тех случаях, когда семантика, характерная для скандинавских, но не древнеанглийских слов того же корня, оказалась воспринятой в среднеанглийском языке. Это необычное в истории заимствований явление, вероятно, объясняется одновременным употреблением древнеанглийских и скандинавских слов на территории языкового контакта и их неизбежным сближением. Например: древнеисландские слова *braud* – «хлеб», *draumr* – «сон», *holmr* – «остров», *plógr* – «плуг», имеющие соответствия в древнеанглийском (*bread* – «кусок», *dream* – «радость, веселье», *holm* – «океан», *plog* – «земля, земельный участок, мера площади поверхности»), в среднеанглийском сблизились по семантике именно со скандинавскими словами (*breed* – «хлеб», *dreem* – «сон, мечта», *holm* – «островок», *plough* – «плуг») и в этом значении вошли в современный язык

(*bread* – «хлеб», *dream* – «сон», *holm* – «речной островок, пойма», *plough* – «плуг»). Языковая интерференция, в результате которой происходило взаимодействие структурных элементов двух языков, привела к тому, что исконная семантика изменилась под влиянием заимствованной.

Уникальный пример заимствования дает местоимение 3-го лица мн. числа: скандинавское *þeir*, им. п., вытеснило английское *hīe* и превратилось в среднеанглийское *they*; скандинавское *þeirra*, род. п., вытеснило английское *hira* и стало среднеанглийским *their*, а скандинавское *þeim*, дат. п., стало в среднеанглийском *them*. Приведенные примеры подтверждают общеизвестный факт, что скандинавские заимствования в английском языке обозначали не новые понятия, а повседневные предметы, и следовательно, возникли на территории близкого языкового контакта в условиях постоянного смешения двух языков.

Как известно, влияние скандинавских диалектов на английский язык выразилось не только в заимствовании лексики, но и в грамматике. Существуют гипотезы, согласно которым скандинавское влияние способствовало исчезновению глагольных приставок и распространению в начале среднеанглийского периода неразложимых сочетаний глаголов с предлогами или наречиями, представляющих собой единую семантическую единицу (так называемые фразовые глаголы) [48 р. 409–499, 422–423], [49 р. 290–408, 320], [50 р. 129]. Так, в отличие от других рукописей Англосаксонской хроники, в Петерборской летописи, созданной на севере Англии, встречаются сочетания глаголов с предлогами: *gyven up*, *faren mid*, *leten up and tacen to*. Предполагается, что скандинавское влияние способствовало редукции и отпадению окончаний в древнеанглийских словах, т. е. становлению аналитического строя английского языка²⁰. Известно, что упрощение падежных окончаний произошло сначала на северо-востоке, в области датского права, и закончилось позднее на юго-западе, территории, в меньшей степени подвергшейся скандинавскому влиянию [52 р. 291].

Итак, можно предположить, что древнеанглийские и скандинавские диалекты были взаимопонятны. К англоскандинавским языковым контактам неприложимо ни понятие диалектного конти-

²⁰ «Несомненно, что скрещивание скандинавских говоров с английским в известной мере способствовало упрощению старой морфологической системы английского языка: это упрощение было наиболее быстрым и радикальным на северо-востоке, т. е. именно в областях наибольшего скандинавского влияния» [51 с. 23–24], ср. также: [45 р. 102–103].

нуума, так как речь идет о разных языках, ни семи-коммуникации (semi-communication), примеры которой дает взаимоотношение современных скандинавских языков или чешского и словацкого. Сосуществование древнескандинавских и древнеанглийских диалектов на Британских островах не может быть описано ни как диглоссия, ни как билингвизм. Про диглоссию уже шла речь в связи с несбалансированным существованием английского (низкого) и французского или латыни (высокого)²¹. Понятно, что к скандинавскому и древнеанглийскому это понятие неприменимо. При билингвизме два языка сосуществуют друг с другом в рамках одного коллектива, использующего эти языки в различных коммуникативных сферах в зависимости от социальной ситуации. Под билингвизмом подразумевается способность тех или иных групп населения объясняться на двух языках, для других групп населения необходимы переводчики. Однако скандинавский и английский могли использоваться совершенно на равных правах представителями разных национальностей: викингами-скандинавами или англосаксами, так как, очевидно, были понятны всему населению Британских островов в эпоху до нормандского завоевания.

Литература

1. Two of the Saxon Chronicle Parallel with supplementary extracts from the others. In 2 vols. / J. Earle. (ed. with introduction notes, appendices, and glossary). Oxford, 1865. Vol. 1. 457 p.
2. Мельникова Е.А. Укрощение неукротимых: договоры с норманнами как способ их интеграции в инокультурных обществах // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 12–26.
3. Kershaw P. The Alfred-Guthrum Treaty: Scripting Accommodation and Interaction in Viking Age England // Cultures in Contact: Scandinavian Settlement in England in the Ninth and Tenth Centuries / D.M. Hadley, J.D. Richards (eds.). Turnhout: Brepols, 2000. P. 43–64.
4. Dumville D.N. Wessex and England from Alfred to Edgar. Essays on Political, Cultural, and Ecclesiastical Revival. Woodbridge: Boydell, 1992. 234 p. (Studies in Anglo-Saxon History 3).

²¹ Во время среднеанглийского периода из французского языка было заимствовано примерно 10 тысяч слов, из которых семь тысяч не вышли из употребления до сегодняшнего дня; в средневековых английских текстах засвидетельствовано около 2000 скандинавских заимствований, из них в современном языке используется всего 700.

5. *Fell C.* Some questions of Language // *Lund N.* Two Voyagers at the Court of King Alfred / *Fell C.E.* (transl.). York: William Sessions Limited, 1984. P. 56–63.
6. *Sharpe R.* The prefaces of *Quadripartitus* // *Law and government in medieval England and Normandy: Essays in honour of Sir James Holt* / *G. Garnett, J. Hudson* (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 148–172.
7. *Wormald P.* *Quadripartitus* // *Law and government in medieval England and Normandy: Essays in honour of Sir James Holt* / *G. Garnett, J. Hudson* (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 111–147.
8. *Гаспаров М.Л.* Поэзия вагантов // *Поэзия вагантов.* М.: Наука, 1975. С. 421–514.
9. *Гаспаров М.Л.* Место латинской литературы в литературе XI–XIII вв. // *История всемирной литературы: В 8 т.* М.: Наука, 1984. Т. 2. С. 499–503.
10. King Alfred's West-Saxon version of Gregory's Pastoral care. *Hatton and Cotton Manuscripts.* Early English Text Society: In 2 vols. / *H. Sweet* (ed., transl.). Oxford, 1871. Vol. 1.
11. *Asser's Life of King Alfred* / *W.H. Stevenson* (ed.). Oxford, 1959. 386 p.
12. *Alfred the Great: Asser's Life of King Alfred and Other Contemporary Sources* / *Keynes S., Lapidge M.* (eds.). London: Penguin Books, 1983. 368 p.
13. *Waite G.* Old English Prose Translations of King Alfred's Reign. Annotated Bibliographies of Old and Middle English Literature VI. *Bognor Regis: Boydell & Brewer*, 2000. P. 38–42.
14. *Tristram H.L.C.* *Ohthere, Wulfstan und der Aethicus Ister* // *Zeitschrift für deutsches Altertum und Deutsche Literatur.* 1982. Bd. 3. S. 153–168.
15. *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. М.: Наука, 1986. 232 с.
16. *Глазырина Г.В.* Бьярмия. Формирование литературного образа // *Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в Средние века. Чтения памяти В.Д. Корлюка. Тезисы докладов.* М., 1990. С. 17–20.
17. *Глазырина Г.В.* Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты, перевод, комментарий. (Выпуск свода «Древнейшие источники по истории Восточной Европы»). М., 1996. 236 с.
18. *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. 2-е изд. М., 2012. 779 с.
19. *Джаксон Т.Н.* Русский Север в древнескандинавских сагах // *Культура Русского Севера.* Л., 1988. С. 58–67.
20. *Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н.* Русский Север в древнескандинавской письменности: отечественная историография вопроса о локализации Бьярмии // *История и культура Архангельского Севера.* Вологда, 1986. С. 62–64.
21. *Pritsak O.* The Origin of Rus' I. Old Scandinavian Sources other than the Sagas. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981. 926 p.
22. *McCormick M.* Origins of the European Economy: Communications and Commerce A.D. 300–900. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 1101 p.

23. *Townend M.* Language and History in Viking Age England: Linguistic Relations between Speakers of Old Norse and Old English. (Studies in the Early Middle Ages). Turnhout, 2002. 248 p.
24. *Whitelock D.* The prose of Alfred's reign // *Continuations and Beginnings: Studies in Old English Literature* / E.G. Stanley (ed.). London: Nelson, 1966. P. 67–103.
25. *Englert A.* Ohthere's Voyage seen from a nautical angle // *Ohthere's Voyages. A late 9th Century Account of Voyages along the Coasts of Norway and Denmark and its Cultural Context (Maritime Culture of the North)* / A. Englert, J. Bately (eds.). Roskilde, 2007. P. 117–129.
26. *Bately J., Stanley E.G.* Ohthere and Wulfstan in the Old English Orosius // *Ohthere's Voyages. A late 9th Century Account of Voyages along the Coasts of Norway and Denmark and its Cultural Context (Maritime Culture of the North)* / A. Englert, J. Bately (eds.). Roskilde, 2007. P. 18–39.
27. *Odenstedt B.* Who was Wulfstan? A New Theory of "Ohthere's and Wulfstan's Voyages" // *Studia Neophilologica*. 1994. Vol. 66. P. 147–157.
28. Egils saga SkallaGrímssonar. Sigurður Nordal gaf út. Íslenzk fornrit. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1933. Bd. 2. 319 p.
29. Сага об Эгиле. Исландские саги / пер. на русский язык С.С. Масловой-Лашанской, В.В. Кошкина и А.И. Корсуна. М.: ГИХЛ, 1956. С. 61–251.
30. *Sturluson S.* Haraldar saga hárfagra // *Heimskringla* / Bjarni Aðalbjarnason gaf út. Reykjavík: Hið Íslenzka Fornritafélag, 1941. Bd. 26. Bls. 28–59. (Íslenzk Fornrit, Bd. 26–28).
31. *Сюрри Стурлусон.* Круг Земной / изд. подгот. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский; отв. ред. М.И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1980. 687 с.
32. Gunnlaugs saga ormstungu // *Borgfirðinga sögur: Hænsa-Þóris saga. Gunnlaugs saga ormstungu. Bjarnar saga Hítðelakappa. Heiðarvíga saga. Gísls þáttir Illugasonar* / Sigurður Nordal, Guðni Jónsson (gáfu út). Reykjavík, 1972. Bls. 51–107. (Íslenzk fornrit).
33. Сага о Гуннлауге // *Корни Иггдрасиля* / сост. О.А. Смирницкая. М.: Terra, 1997. 640 с.
34. *Townend M.* Pre-Cnut Praise-Poetry in Viking Age England // *The Review of English Studies. New Series*. 2000. Vol. 51 (203). P. 349–370.
35. *Vries J. de.* Altnordische Literaturgeschichte. Berlin; Leipzig: Walter De Gruyter, 1964. Bd. I. 575 s.
36. *Гуревич Е.А.* Исландские пряди. М.: Наука, 2016. 1104 с.
37. *Gade K.E.* Fang and Fall: Two Skaldic termini technici // *Journal of English and Germanic Philology*. 1991. Vol. 90. P. 361–374.
38. Haralds saga Sigurðarsonar // *Heimskringla* / В. Аðalbjarnarson (gaf út). Reykjavík: Hið Íslenzka Fornritafélag, 1941. Bd. 26. Bls. 94–149. (Íslenzk Fornrit, Bd. 26–28).

39. Сага о Харальде Суровом // *Снорри Стурлусон*. Круг Земной / пер. А.Я. Гуревича; изд. подгот. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский; отв. ред. М.И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1980. 687 с.
40. *Barlow F.* The Godwins. The Rise and Fall of a Noble Dynasty. Harlow: Longman, 2002. 141 p.
41. The Carmen de Hastingae Proelio of Guy bishop of Amiens / F. Barlow (ed. and transl.). Oxford, 1999. 55 p. +xciii. (Oxford Medieval Texts).
42. The Gesta Guillelmi of William of Poitiers / R.H.C. Davis, M. Chibnall (ed. and transl.). Oxford, 1998. 248 p. (Oxford Medieval Texts).
43. William of Jumièges. The Gesta Normannorum Ducum of William of Jumièges, Orderic Vitalis and Robert of Torigni / E.M.C. van Houts (ed.). In 2 vols. Oxford, 1995. Vol. 2. 345 p.
44. William of Malmesbury. Gesta Regum Anglorum / R.A.B. Mynors, R.M. Thomson, M. Winterbottom (eds.). Oxford, 1998. Vol. 1. 912 p.
45. *Baugh A.C., Cable Th.* A History of the English Language. 3rd revised edition. London: Routledge, 1978.
46. *Townend M.* Viking Age England as a Bilingual Society // Cultures in contact: Scandinavian settlement in England in the Ninth and Tenth centuries / D.M. Hadley, J.D. Richards (eds.). Turnhout: Brepols, 2000. P. 89–105.
47. *Fellows-Jensen G.* Bursting the Bounds of the Danelaw // Towns and Topography. Essays in memory of David Hill / G.R. Owen-Crocker, S.D. Thompson (eds.). Oxford; Philadelphia: Oxbow Books, 2014. P. 85–92.
48. *Burnley D.* Lexis and Semantics // The Cambridge History of the English Language: In 6 vols. / N. Blake (ed.). Vol. 2: 1066–1476. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 409–499.
49. *Kastovsky D.* Semantics and Vocabulary // The Cambridge History of the English Language: In 6 vols. / R.M. Hogg (ed.). Vol. 1: From Beginnings to 1066. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 290–407.
50. *Thim St.* Phrasal Verbs: The English Verb-Particle Construction and its History. GmbH, Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2012. 302 p.
51. *Смирницкий А.И.* Древнеанглийский язык. М., 1998. 318 с.
52. *Расторгуева Т.А.* История английского языка: Учебник. М.: Высшая школа, 1983. 347 с.

References

1. Earle J., ed. with introduction notes, appendices, and glossary. Two of the Saxon Chronicle Parallel. In 2 vols. Oxford, 1865. Vol. 1. 457 p.
2. Melnikova EA. The Taming of the Untamable. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2008;2(32):12-26. (In Russ.)

3. Kershaw P. The Alfred-Guthrum Treaty. Hadley DM., Richards JD., eds. *Cultures in Contact: Scandinavian Settlement in England in the Ninth and Tenth Centuries*. Turnhout: Brepols, 2000. p. 43-64.
4. Dumville DN. Wessex and England from Alfred to Edgar. Essays on Political, Cultural, and Ecclesiastical Revival. Woodbridge: Boydell, 1992. 234 p. (Studies in Anglo-Saxon History 3).
5. Fell CE. Some questions of Language. Lund N., editor. *Two Voyagers at the Court of King Alfred*. York: William Sessions Limited, 1984. p. 56-63.
6. Sharpe R. The prefaces of *Quadripartitus*. Garnett G., Hudson J., eds. *Law and government in medieval England and Normandy: Essays in honour of Sir James Holt*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. p. 148-72.
7. Wormald P. *Quadripartitus*. Garnett G., Hudson J., eds. *Law and government in medieval England and Normandy: Essays in honour of Sir James Holt*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. p. 111-47.
8. Gasparov ML. The Poetry of the Vagantes. Moscow: Nauka Publ.; 1975. p. 421-514. (In Russ.)
9. Gasparov ML. The Place of Latin Literature in the Literature of 11–13th centuries. V: History of World Literature. In 8 vols. Moscow: Nauka Publ.; 1984. Vol. 2. p. 499-503. (In Russ.)
10. Sweet H., ed, transl. King Alfred's West-Saxon version of Gregory's Pastoral care. Hatton and Cotton Manuscripts. Early English Text Society: In 2 vols. Oxford, 1871. Vol. 1.
11. Stevenson WH., ed. Asser's Life of King Alfred. Oxford, 1959. 386 p.
12. Keynes S., Lapidge M., editors. Alfred the Great. Asser's Life of King Alfred and Other Contemporary Sources. London: Penguin Books, 1983. 368 p.
13. Waite G. Old English Prose Translations of King Alfred's Reign. Annotated Bibliographies of Old and Middle English Literature VI. Bognor Regis: Boydell & Brewer, 2000. p. 38-42.
14. Tristram HLC. Ohthere, Wulfstan und der Aethicus Ister. *Zeitschrift für deutsches Altertum und Deutsche Literatur*. 1982;3:153-68.
15. Melnikova EA. Old Norse geographical treatises. Moscow: Nauka Publ.; 1986. 232 p. (In Russ.)
16. Glazyrina GV. Bjarmia. The formation of literary image. V: Slavs and their neighbours. Ethnopsychological stereotypes in the Middle Ages. The conference dedicated to the memory of V.D. Korlyuk. Theses of reports. Moscow, 1990. p. 17-20. (In Russ.)
17. Glazyrina GV. Icelandic Viking Sagas about Northern Russia. Texts, translation, comment. (Publication of the Corpus "The most ancient sources on the history of Eastern Europe"). Moscow, 1996. 236 p. (In Russ.)
18. Jackson TN. Icelandic King Sagas about Eastern Europe. Texts, translations, commentaries 2nd ed. Moscow, 2012. 779 p. (In Russ.)
19. Jackson TN. The Russian North in Old Norse sagas. V: The Culture of the Russian North. Leningrad, 1988. p. 58-67. (In Russ.)

20. Glazyrina GV., Jackson TN. The Russian North in Old Norse written sources. V: History and culture of the Arkhangelsk North. Vologda, 1986. p. 62-4. (In Russ.)
21. Pritsak O. The Origin of Rus'. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981. 926 p.
22. McCormick M. Origins of the European Economy: Communications and Commerce A.D. 300–900. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 1101 p.
23. Townend M. Language and History in Viking Age England: Linguistic Relations between Speakers of Old Norse and Old English (Studies in the Early Middle Ages). Turnhout, 2002. 248 p.
24. Whitelock D. The prose of Alfred's reign. Stanley EG., ed. *Continuations and Beginnings: Studies in Old English Literature*. London: Nelson, 1966. p. 67-103.
25. Englert A. Ohthere's Voyage seen from a nautical angle. Englert A., Bately J., eds. *Ohthere's Voyages. A late 9th Century Account of Voyages along the Coasts of Norway and Denmark and its Cultural Context (Maritime Culture of the North)*. Roskilde, 2007. p. 117-29.
26. Bately J., Stanley EG. Ohthere and Wulfstan in the Old English Orosius. Englert A., Bately J., eds. *Ohthere's Voyages. A late 9th Century Account of Voyages along the Coasts of Norway and Denmark and its Cultural Context (Maritime Culture of the North)*. Roskilde, 2007. p. 18-39.
27. Odenstedt B. Who was Wulfstan? A New Theory of "Ohthere's and Wulfstan's Voyages". *Studia Neophilologica*. 1994;66:147-57.
28. Egils saga SkallaGrímssonar. Sigurður Nordal gaf út. Íslenzk fornrit. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1933. Bd. 2. 319 p.
29. Maslova-Lashanskaya SS., Koshkin VV., Korsun AI., transl. Egil's saga. Icelandic Sagas. Moscow: GIHL Publ.; 1956. p. 61-251. (In Russ.)
30. Sturluson Snorri. Haraldar saga hárfagra. Aðalbjarnarson B., gaf út. Heimskringla. Reykjavík: Hið Íslenska Fornritafélag, 1941. Bd. 26. Bls. 28-59. (Íslenzk Fornrit, Bd. 26-28).
31. Snorri Sturluson. Heimskringla. Gurevich AYa., Kuzmenko YuK., Smirnit-skaya OA., Steblin-Kamenskii MI prep.; Steblin-Kamenskii MI ed. Moscow: Nauka Publ.; 1980. 687 p. (In Russ.)
32. Gunnlaugs saga ormstungu. Sigurður Nordal, Guðni Jónsson, gáfu út. *Borgfirðinga sögur: Hænsa-Þóris saga. Gunnlaugs saga ormstungu. Bjarnar saga Hítðealakappa. Heiðarvíga saga. Gísls þáttur Illugasonar*. Reykjavík, 1972. Bls. 51-107. (Íslenzk fornrit).
33. Gunnlaug's saga. V: Smirnit-skaya OA., comp. The roots of Yggdrasil. Moscow: Terra Publ.; 1997. 640 p. (In Russ.).
34. Townend M. Pre-Cnut Praise-Poetry in Viking Age England. *The Review of English Studies. New Series*. 2000;51(203):349-70.
35. Vries J. de. Altnordische Literaturgeschichte. Berlin; Leipzig: Walter De Gruyter, 1964. Bd. I. 575 s.
36. Gurevich EA. Icelandic þættir. Moscow: Nauka Publ.; 2016. 1104 p. (In Russ.)

37. Gade KE. Fang and Fall. Two Skaldic termini technici. *Journal of English and Germanic Philology*. 1991;90:361-74.
38. Sturluson Snorri. Haralds saga Sigurðarsonar. Aðalbjarnarson B., gaf út. *Heimskringla*. Reykjavík: Hið Íslenzka Fornritafélag, 1941. Bd. 26. Bls. 94-149. (Íslenzk Fornrit, Bd. 26-8).
39. Sturluson Snorri. The Saga of Harald the Hard-ruler. V: Gurevich AYa., transl.; Gurevich AYa., Kuzmenko YuK., Smirnitskaya OA., Steblin-Kamenskii MI prep.; Steblin-Kamenskii MI ed. *Heimskringla*. Moscow: Nauka Publ.; 1980. 687 p. (In Russ.)
40. Barlow F. The Godwins. The Rise and Fall of a Noble Dynasty. Harlow: Longman, 2002. 141 p.
41. Barlow F, ed. and transl. The Carmen de Hastingae Proelio of Guy bishop of Amiens. Oxford, 1999. 55 p. +xciii. (Oxford Medieval Texts).
42. Davis RHC., Chibnall M., ed. and transl. The Gesta Guillelmi of William of Poitiers. Oxford, 1998. 248 p. (Oxford Medieval Texts).
43. Houts EMC. van, ed. William of Jumièges. The Gesta Normannorum Ducum of William of Jumièges, Orderic Vitalis and Robert of Torigni: In 2 vols. Oxford, 1995. Vol. 2. 345 p.
44. Mynors RAB., Thomson RM., Winterbottom M., eds. William of Malmesbury: Gesta Regum Anglorum: In 2 vols. Oxford, 1998. Vol. 1. 912 p.
45. Baugh A.C., Cable Th. A History of the English Language. 3rd revised edition. London: Routledge, 1978.
46. Townend M. Viking Age England as a Bilingual Society. Hadley DM., Richards JD., eds. *Cultures in contact: Scandinavian settlement in England in the Ninth and Tenth centuries*. Turnhout: Brepols, 2000. p. 89–105.
47. Fellows-Jensen G. Bursting the Bounds of the Danelaw. Owen-Crocker GR., Thompson SD., eds. *Towns and Topography. Essays in memory of David Hill*. Oxford; Philadelphia: Oxbow Books, 2014. p. 85-92.
48. Burnley D. Lexis and Semantics. Blake N., ed. *The Cambridge History of the English Language*: In 6 vols. Vol. 2: 1066–1476. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. p. 409–99.
49. Kastovsky D. Semantics and Vocabulary. Hogg RM., ed. *The Cambridge History of the English Language*: In 6 vols. Vol. 1: From Beginnings to 1066. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. p. 290-407.
50. Thim St. Phrasal Verbs: The English Verb-Particle Construction and its History. GmbH, Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2012. 302 p.
51. Smirnitsky AI. Old English language. Moscow, 1998. 318 p. (In Russ.)
52. Rastorgueva TA. History of English: uchebnik. Moscow: Vysshaya shkola Publ.; 1983. 347 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Инна Г. Матюшина, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; innamat@hotmail.co.uk

Information about the author

Inna G. Matyushina, Dr. of Philology, leading researcher, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; innamat@hotmail.co.uk

Предки-язычники в раннем историописании Англии и Руси

Тимофей В. Гимон

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,
guimontv@mail.ru*

Аннотация. В статье сопоставляется восприятие языческого прошлого в раннем историописании Англии и Руси. В «Повести временных лет» 1110-х годов деяния князей-язычников описываются и воспринимаются как неотъемлемая часть истории государства и династии. Схожее отношение можно проследить в ряде других текстов, равно как и, вероятно, в текстах-предшественниках «Повести временных лет». «Церковная история народа англоv» Беда Достопочтенного, на первый взгляд, демонстрирует иное отношение к языческому прошлому англосаксов: оно не излагается систематически, только упоминается несколько раз. Однако ряд наблюдений показывает, что относился к языческому периоду Беда примерно так же, как и древнерусские историописатели: считал его неотъемлемой частью истории своей страны. Такое же отношение можно проследить и в других англосаксонских текстах. Тем не менее в обеих странах составлялись и перечни правителей, ограничивавшиеся периодом после принятия христианства.

Ключевые слова: Древняя Русь, Англосаксонская Англия, Средние века, историописание, язычество, христианство, Беда Достопочтенный, «Повесть временных лет»

Для цитирования: Гимон Т.В. Предки-язычники в раннем историописании Англии и Руси // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 248–263. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-3-248-263

Pagan ancestors in the early historical writing of England and Rus

Timofey V. Guimon

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, guimontv@mail.ru*

Abstract. The author compares the perception of the pagan past in early historical writing of Anglo-Saxon England and Old Rus. The earliest extant Rus historiographic work, the Kievan *Primary Chronicle* (*Povest' vremennykh let*) of the 1110s depicts the deeds of 9th- and 10th-century pagan princes in rather neutral terms. Although the annalist clearly condemns paganism, he perceives and narrates the pagan period as a legitimate part of his own state's history. A similar attitude can be seen in some smaller early Rus texts, as well as, it may be assumed, in 11th-century textual predecessors of the *Primary Chronicle*. In Venerable Bede's *Ecclesiastical History of the English People* (completed in 731), at first glance, the attitude towards the pagan past of the Anglo-Saxons is different: Bede does not narrate the history of this period, he only mentions it a few times. Nevertheless, it can be shown that Bede's own perception of the pagan past was quite similar to that of the early Rus historical writers. The same attitude can be followed in some smaller or later texts such as royal genealogies, the *Anglo-Saxon Chronicle*, etc. However, in both countries one can find examples of lists of rulers which include only Christian ones.

Key words: Old Rus, Anglo-Saxon England, the Middle Ages, historical writing, paganism, Christianity, Venerable Bede, the *Primary Chronicle*

For citation: Guimon TV. Pagan ancestors in the early historical writing of England and Rus. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*. 2018;3(36):248-63. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-3-248-263

Введение

Перед авторами первых сочинений по истории недавно христианизированных государств неизбежно вставал вопрос: как освещать, и освещать ли вообще, языческую «предысторию» страны? В 2011 г. вышел коллективный труд о раннем историописании Северной и Восточной Европы, посвященный, помимо прочего, и этой проблеме [1]. В предисловии И. Гарипзанов отмечает, что историописатель мог

по-разному поступить с языческим прошлым: он мог подчеркнуть его позорность, мог приуменьшить его значение или постараться вовсе обойти молчанием, а мог, демонстрируя лояльность династии, прославлять ее дохристианское прошлое, но при этом все равно акцентируя последующее принятие христианства [2 р. 2]. Ссылаясь на Л.Б. Мортенсена, Гарипзанов пишет, что только у следующего «поколения» историописателей в ряде стран начинает проявляться «романтический» интерес к предкам-язычникам [2 р. 3]. Однако даже материалы, собранные в этом томе, не всегда укладываются в перечисленные возможности [3 с. 805–806, 832]. В частности, как отмечает автор помещенной здесь же статьи о восприятии язычников в древнерусской «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) Д. Островски, летописец подчеркивает превосходство христианства, однако не хулит и не демонизирует языческое прошлое [4 р. 230].

Подчеркну, что есть два аспекта проблемы, которые не надо смешивать. Во-первых, это стратегия построения нарратива (как поступил историописатель с языческим периодом: осветил подробно, упомянул коротко, раскритиковал, замолчал и т. п.). Во-вторых, это вопрос о том, как историописатель сам относился к предкам-язычникам, носителем какой традиции он являлся. Ниже с точки зрения этих двух вопросов будут рассмотрены ранние памятники историописания Англии и Руси. Как я постараюсь показать, если в плане *нарративной стратегии* различия между ключевыми памятниками двух стран весьма велики, то с точки зрения *восприятия* языческого периода они оказываются неожиданно схожими.

Древнерусское историописание

Важнейший памятник раннего русского историописания – ПВЛ. Она была составлена в Киеве в 1110-х годах, однако, по всей видимости, ее текст складывался постепенно, под пером разных книжников, работавших на протяжении XI в. [5, 6].

Восприятию язычников в ПВЛ специально посвящены статьи А.А. Шайкина и Д. Островски. Хотя оба автора больше внимание уделяют восприятию язычников-соседей или языческих пережитков применительно к периоду после Крещения Руси, оба автора пишут и об отношении к предкам-язычникам [7 с. 29–33; 4 р. 230, 242–243]. Оба исследователя констатируют в целом нейтральный тон летописца при описании языческого прошлого, отсутствие обличений язычества, подчеркивание заслуг старых князей, несмотря на их незнакомство с истинной верой. Как пишет Шайкин, в ПВЛ

нет «какой-либо последовательной системы осуждения язычества» [7 с. 31].

В дошедшем до нас тексте ПВЛ дохристианской истории Руси уделено значительное внимание. Собственно о язычестве летописец рассказывает сравнительно мало: он говорит немного об обычаях языческих «племен» [8 стб. 13–14]¹, иногда упоминает и даже описывает языческие обряды [8 стб. 32, 54, 56–57, 68, 82–83], а также установку Владимиром кумиров в 980 г. [8 стб. 79]. Иногда летописец, объясняя некоторые события, специально подчеркивает, что князья и/или жители Руси были тогда язычниками [8 стб. 21, 32, 63, 80, 83]². Однако основу текста об истории Руси IX–X вв. составляет рассказ о княжеской династии и ее деяниях – рассказ, основанный на устной традиции и не содержащий ничего похожего на осуждение князей Рюриковичей за их язычество. Летописец и воспринимает, и излагает события IX–X вв. как неотъемлемую часть политической/династической истории Руси, как часть *своей* истории – в которой, разумеется, в конце X в. наступил важный переломный момент: приобщение к истинной вере. Более того, в статье 996 г., в обобщающей характеристике правления Владимира после крещения, сказано, что князь жил «по устроенью отню и дедню», т. е. так, как жили *язычники* – Игорь и Святослав [8 стб. 127, 7 с. 30].

Коль скоро ПВЛ не была древнейшим памятником историописания на Руси, важно понять, насколько такое отношение к предкам-язычникам было свойственно и более ранним историографическим сочинениям. Как считал (вероятно, справедливо) А.А. Шахматов, в Новгородской I летописи младшего извода дошел текст за IX – начало XI в., восходящий напрямую к источнику ПВЛ – Начальному своду 1090-х годов [10 с. 103–132; 11 с. 428–464]. Этот текст расходится с ПВЛ достаточно сильно – и в составе сообщений, и в их хронологии, и в некоторых фактических деталях. Тем не менее в Нмл. мы видим ровно такое же отношение к языческому прошлому – как к неотъемлемой части политической/династической истории. Даже, пожалуй, можно говорить о том, что составитель ПВЛ в большей степени осознавал дистанцию с языческим прошлым, нежели его предшественник, стремясь уравновесить это, например, рассказом о визите апостола Андрея в Киев или подчеркивая исконно кроткие нравы полян [12 с. 204–205].

¹ О вероятных литературных источниках этого фрагмента ПВЛ см.: [9 с. 23–61].

² Сводку упоминаний «поганых» и др. схожих терминов в ПВЛ см.: [4 р. 244–246]. Большинство из них относится к *соседям-язычникам*, а не к предкам-язычникам.

История более ранних текстов-предшественников ПВЛ слишком гипотетична, чтобы здесь можно было детально рассуждать об отношении их создателей к предкам-язычникам. Однако представляется почти несомненным, что у истоков русского историописания стоял сравнительно пространный текст, еще не имевший характерной для ПВЛ и других летописей погодной разбивки (в современных работах он чаще всего именуется Древнейшим сказанием или «ядром»). Относительно времени создания этого текста и его состава высказывались разные гипотезы: датировки колеблются между 990-ми и 1070-ми годами [6 с. 761–768]. Какую бы дату ни принимать и как бы ни решать вопрос о том, описанием каких событий заканчивался этот текст, ясно, что он включал в себя довольно подробный рассказ о князьях-язычниках, основанный на устной (династической, дружинной) традиции³. Именно этот рассказ (разумеется, с поправками и дополнениями) лежит в основе текста ПВЛ и Н1мл. за IX–X вв. Нет никаких оснований полагать, что отношение к предкам-язычникам в Древнейшем сказании принципиально отличалось от того, что мы видим в ПВЛ и Н1мл.

Схожее отношение к предкам-язычникам отразилось и в памятнике совсем другого жанра – «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона, созданном в эпоху Ярослава Мудрого (ср.: [7 с. 29, примеч. 2]). Этот, казалось бы, совершенно христианский текст не забывает упомянуть деда и отца Владимира – «старааго Игоря» и «славнааго Святослава», отметив военные доблести и славу языческих предков Владимира. Это сделано для того, чтобы показать, что он стал князем не в какой-то малоизвестной земле, но в той, что «ведома и слышима» на всех четырех сторонах света [16 с. 91–92].

Следы очень раннего историографического памятника отразились в «Памяти и похвале князю Владимиру» Иакова Мниха. В этот житийный (по своему основному назначению) текст включены заметки исторического характера, где не только говорится о деяниях Владимира «по крещении», но и прославляются его подвиги языческого времени («рука Господня помогаше ему, и победяше вся врагы своя, и бояхутся его вси. Идеже идяше, одолеваше:

³ Особняком стоит гипотеза Д.С. Лихачёва о том, что древнейшим историографическим сочинением было «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси», а рассказы о князьях-язычниках были добавлены на более поздних этапах редактирования [13 с. 62–76, 84–85]. Гипотеза эта справедливо критиковалась [14] и сейчас, как правило, рассматривается только как историографический факт (ср., однако: [15 с. 293–294]).

радимице победы и дань на нихъ положи, вятичи победи...», и т. д. [17 с. 181]). Как бы ни датировать «Память и похвалу...» и как бы ни характеризовать ее гипотетический древний источник [18], ясно, что в нем – равно как и в самой «Памяти и похвале...» – языческое время рассматривалось как достойное уважения.

Англосаксонское историописание

Важнейшим памятником раннего историописания Англии является «Церковная история народа англвов» Беда Достопочтенного⁴. Законченное в 731 г., это выдающееся по своим литературным достоинствам сочинение было посвящено распространению христианства в англосаксонских королевствах в конце VI – VII в., истории английской церкви, первым местным святым, а также – в значительной мере – политической истории англосаксонских королевств. Беда старался максимально полно рассказать об истории всех королевств, однако хорошо видно особенное внимание к его родной Нортумбрии (Северной Англии).

Как справедливо пишет Н.Ю. Гвоздецкая, Беда не уделяет язычеству особенно много внимания. О язычестве бриттов он почти не упоминает. Язычество римлян им тоже замалчивается – для Беда важнее включение Британии в *pax Romana*. Наконец, о язычестве самих англосаксов Беда пишет очень мало – и всегда подчеркивая симпатию к этому народу. Язычники-саксы оказываются у Беда орудием божественного мщения нечестивым бриттам; нравы еще не крещенных англосаксов оказываются не столь уж грубыми; о нортумбрийском короле-язычнике Эдильфриде Беда пишет не без симпатии [24]. Бриттский король-христианин Кэдвалла вызывает у Беда большую ненависть, чем язычник, но англосакс – мерсийский король Пенда. В целом «язычники трактуются Бедой скорее как неовзделанная почва, способная принять семя новой веры, нежели как подлежащие истреблению плевелы» [24 с. 64].

Соглашаясь с выводами Н.Ю. Гвоздецкой, я хотел бы дополнить их несколькими наблюдениями, касающимися того, как в структуру «Церковной истории»⁵ – вроде бы почти полностью

⁴ Издания латинского текста см.: [19,20]. Пер. с русского языка см.: [21]. О Бедо и его сочинениях см.: [22,23 с. 373–386].

⁵ О плодотворности анализа именно структуры «Церковной истории» – тематики глав, их взаимного расположения и т. д. – см.: [25 р. 101–113, 128–134].

игнорирующей языческий период в истории англосаксов – вкраплены отдельные пассажи, показывающие, что Беда – подобно древнерусским историописателям – был носителем исторической традиции, считавшей языческое прошлое частью *своей* истории.

В целом в структуре «Церковной истории» языческому периоду истории англосаксов места не находится. Уже с гл. I: 23 начинается рассказ о христианизации первого из англосаксонских королевств – Кента. Предшествующий же текст посвящен главным образом не англосаксам, а бриттам и римскому владычеству в Британии. Важными сюжетами в этих главах являются распространение христианства при римлянах, первые мученики (св. Альбан и др.), а также преступления и никчемность бриттов – и как воинов, и как христиан, – что, как Беда прямо пишет (гл. I: 14–15, 22), оправдывает завоевание острова англосаксами.

О самих англосаксах в этих главах говорится совсем немного. Гл. I: 15 рассказывает об их переселении в Британию (об обстоятельствах их прихода, о группах англосаксов, наконец о том, как они – язычники – стали орудием божьей мести в отношении бриттов). Затем англосаксы появляются в гл. I: 16 (где говорится о борьбе бриттов и саксов с переменным успехом) и в гл. I: 20 (где сказано о чудесной и бескровной победе бриттов над саксами)⁶. Только в последней главе перед началом рассказа о крещении англосаксов Беда касается вопроса об их язычестве (I: 22):

К неопишуемым преступлениям бриттов, о которых со стыдом пишет их собственный историк Гильдас, добавилось еще и то, что они не научили вере народ саксов, или англов, живший в Британии рядом с ними [19 р. 68; 21 с. 27]⁷.

Свои для Беды здесь, конечно, язычники-саксы, а отнюдь не христиане-бритты⁸. В дальнейшем о язычестве говорится уже только в связи с христианизацией, и в этом контексте, конечно же, приверженцы старых верований рассматриваются сугубо отрицательно.

⁶Текст гл. I: 17–21 у Беды основан на житии св. Германа и посвящен главным образом бриттам и борьбе с пелагианской ересью.

⁷Я немного скорректировал перевод В.В. Эрлихмана, где не совсем точно: «народы англов и саксов».

⁸В сочинениях Беды подспудно проступает сравнение бриттов с евреями – в вину тем и другим ставятся как закоренелость в заблуждениях, так и нежелание обращаться в истинную веру другие народы [26 р. 158–171].

Несколько пассажей в дальнейшем тексте Беда показывают, что он считал языческое прошлое англосаксов вполне легитимной частью их истории и даже кое-чем в нем гордился.

Во-первых, это уже упомянутый рассказ о нортумбрийском короле Эдильфриде (гл. I: 34). Этот пассаж завершает первую книгу «Церковной истории» и уже тем самым занимает весьма важное место в ее структуре. Рассказав о крещении Кента, Беда считает нужным сообщить, а что же было в это время в его родной Нортумбрии:

В то время королевством Нортумбрийским правил сильнейший и славнейший король Эдильфрид, который теснил бриттов сильнее, чем все прочие правители англов. Поистине его можно сравнить с Саулом, царем Израиля, с той лишь разницей, что Эдильфрид не был знаком с истинной верой. Ни один другой правитель или король не подчинил народу англов больше земель; эти земли он заселил, изгнав или подчинив их жителей... [19 р. 116; 21 с. 43].

Беда приводит еще ряд сведений об этом короле, но уже из процитированного фрагмента ясно, что он воспринимал Эдильфрида как важную фигуру в истории его родного королевства⁹. В гл. II: 2 Беда снова возвращается к Эдильфриду, говоря о разгроме им «нечестивого войска» монахов-бриттов, по мнению Беда – еретиков.

Во-вторых, уже в гл. I: 15 – там, где говорится о прибытии англосаксов в Британию, – приводится краткая генеалогия Хенгиста и Хорсы, основателей династии Кента:

Они же были сыновьями Виктисля, чей отец – Витта, чей отец – Воден, от древа которого вел происхождение род королей многих провинций [19 р. 50] (перевод мой. – *Т. Г.*).

Воден – божество германского языческого пантеона; во многих англосаксонских королевских генеалогиях он фигурирует в качестве первопредка. В гл. II: 5, сообщая о смерти короля Этельберта, крестителя Кента, Беда приводит его восходящую генеалогию вплоть до Хенгиста, т. е. перечисляет языческих королей от основания Кента и до момента его крещения. Если соединить эти два пас-

⁹Здесь есть важный нюанс: сравнение с Саулом подразумевает противопоставление Эдильфрида его преемнику Эдвину, крестителю Нортумбрии, которого Эдильфрид подвергал преследованиям и хотел убить (гл. II: 12). Эдвин, таким образом, имплицитно сопоставлялся Бедой с библейским Давидом [27 р. 87, 90–92; 22 с. 167].

сажа, то получится список предков Этельберта вплоть до Водена. Беда, таким образом, считает эту явно дохристианскую по своему происхождению генеалогическую традицию вполне легитимной и достойной включения в «Церковную историю».

В-третьих, в гл. II: 5 Беда приводит список королей, обладавших в разное время верховной властью над королевствами к югу от реки Хамбер, из которых первые два были язычниками, а четвертый – король Восточной Англии Редвальд – крестился, но отправлял одновременно оба культа (см. гл. II: 15). Здесь политическая история Англии никак не разделена на языческий и христианский периоды.

Наконец, в-четвертых, в конце «Церковной истории», в гл. V: 24 Беда поместил свои «анналы» – краткий хронологический перечень важнейших событий. В этом перечне, наряду с прибытием англосаксов в Британию (449 г.), оказались упомянуты: начало правления Иды, «от которого ведет происхождение королевский род Нортумбрии» [19 р. 562] (547 г.), и битва при Дегсастане (603 г.), в которой (как мы узнаем из основного текста «Истории», гл. I: 34) последний языческий король Нортумбрии Эдильфрид победил скоттов.

Итак, в труде Беды Достопочтенного, в отличие от ПВЛ, не нашлось места для систематического рассказа о деяниях правителей-язычников. Но в то же время, подобно древнерусским историописателям, Беда являлся носителем исторической традиции, которая воспринимала языческих предков правящих династий как легитимную и вполне достойную часть истории королевств. Особенно это очевидно в отношении Нортумбрии (рассказ об Эдильфриде), однако, видимо, касается всех англосаксов (генеалогия «королей многих провинций», восходящая к Водену).

Восприятие языческого прошлого как легитимной части собственной истории демонстрируют и некоторые другие образцы раннего англосаксонского историописания, главным образом его «малые формы». Так, в одной из древнейших рукописей «Церковной истории» Беды на последнем листе добавлена так называемая «Муровская заметка о нортумбрийской истории» (737 г.?) [28, 23 с. 404–406]. Ее первая часть – это перечень королей с указанием числа лет правления, начинающийся с Иды и включающий еще семерых королей-язычников. В рукописи начала IX в. (London, British Library, Cotton Vespasian B. vi) до нас дошла целая коллекция «малых форм историописания» (об этой рукописи см.: [29, 23 с. 415–419]), и в том числе – подборка генеалогий правителей нескольких англосаксонских королевств. Эти генеалогии, как и краткое родословие королей Кента у Беды, содержат имена

предков-язычников и возводят королевские роды к Водену, сыну Фреалафа, т. е. изначально к языческому божеству. Аналогичные родословия находятся и в ряде более поздних рукописей, а также включены в «Историю бриттов», составленную в Уэльсе в IX в.¹⁰ Когда бы ни сформировались дошедшие до нас родословия (обычно предполагают архетип второй половины VIII в. [30 р. 45–50]), ясно, что в них династическая история не делится на языческий и христианский периоды. Аналогичным образом предки-язычники и мифические первопредки упоминаются в королевских генеалогиях, вошедших в Англосаксонскую хронику, основа которой (*common stock*, или Начальные анналы) была составлена в конце IX в. в королевстве Уэссекс¹¹. Основной текст погодных статей Англосаксонской хроники тоже включает в себя немало сообщений о деятельности языческих королей англосаксов, особенно правителей Уэссекса. Как бы ни решать вопрос о древних источниках этих известий (см. библиографию: [31 с. 411–413, 421]), ясно, что анналист конца IX в. считал дохристианский период неотъемлемой частью истории Уэссекса и других королевств.

В некоторых текстах из всего языческого прошлого англосаксов упоминается только одно событие – их прибытие в Британию. Таковы «Малая» и «Большая» хроники Беда¹², вторая часть уже упомянутой «Муровской заметки...», содержащая сообщения о нескольких событиях с указанием их давности относительно «настоящего момента» [28, 23 с. 404–406], а также аналогичная заметка из также уже упомянутой рукописи начала IX в. [29 р. 52; 23 с. 416].

Заключение

Таким образом, если с точки зрения *повествования* о языческих временах центральные памятники англосаксонского и древнерусского историописания демонстрируют различие (Беда почти не пишет о языческом времени, тогда как ПВЛ освещает его подробно),

¹⁰Текст генеалогий см.: [30 р. 30–31]; частичный рус. пер.: [31 с. 592–594]. Сведения о других рукописях и отсылки к важнейшим работам об англосаксонских королевских генеалогиях см.: [31 с. 277–285].

¹¹Об Англосаксонской хронике см.: [31 с. 96–101, 106–113, 120–122 и др.]. Рус. пер. текста древнейшей рукописи (А) см.: [32].

¹²Во второй из них, правда, еще констатируется, что, когда Kent был крещен, англ в Нортумбрии пока оставались язычниками. Об отражении в «хрониках» Беда событий английской истории см.: [25 р. 115–121].

то в плане *восприятия* предков-язычников эти тексты оказываются неожиданно похожими. Прочие ранние тексты, как англосаксонские, так и древнерусские, подтверждают тот же тезис: книжники воспринимали языческий период как легитимную часть *своей* истории, а не как нечто позорное, подлежащее осуждению и забвению.

Впрочем, для Руси у нас есть пример текста, *начинающего* историю с крещения. Это новгородские перечни князей (киевских и новгородских), дошедшие до нас в рукописях XV в., но, вероятно, составленные намного раньше, думаю – в конце XI в. [33 с. 594–606]. Эти перечни начинаются соответственно: «А се по святомъ крещении, о княжении киевъстемъ. По крещении паки пръввыи князь крестияныи Володимирь...» и «А се в Новегороде: пръввыи князь по крещении Вышеславъ, сынъ Володимиръ» [10 с. 160–161; 31 с. 595–596]. Составитель перечней, конечно, располагал информацией о князьях языческой эпохи, по крайней мере киевских (ее он мог легко почерпнуть из летописи), однако предпочел упомянуть только крещеных князей.

Есть еще один перечень князей, тоже, возможно, восходящий к раннему (начала XII в.) протографу [34], – статья «Кто колико княжилъ». В ней перечисление князей начинается от Рюрика, однако затем присутствует указание: «А крещеныи князи княжили 127 летъ» (в другом списке: «А некрещении князи княжили 123 летъ») [10 с. 466; 31 с. 599], т. е. опять же составитель четко разделяет эпохи князей крещеных и еще не крещенных.

Беда Достопочтенный в гл. III: 9 «Церковной истории» упоминает некий «список христианских королей» (*catalogus regum christianorum*) Нортумбрии, из которого было решено исключить двух королей-вероотступников, а год их правления приписать благочестивому королю Освальду (об этом в гл. III: 1)¹³. Если понимать эти слова буквально, такой список должен был начинаться с Эдвина и не упоминать его предшественников-язычников. Впрочем, древнейший дошедший до нас перечень королей Нортумбрии – в составе уже упомянутой «Муровской заметки...» (737 г.?), – хотя и составлен в точном соответствии со словами Беды (короли-вероотступники не упомянуты, а Освальд правит девять лет вместо восьми), включает и имена восьмерых предшественников Эдвина – разумеется, язычников [28, р. 245; 23 с. 405].

Итак, в целом древнерусские и англосаксонские историописатели считали языческое прошлое неотъемлемой частью своей истории,

¹³ См. разбор этого известия и высказывавшихся о нем мнений: [23 с. 388–394].

однако композиционные решения могли различаться: от равноценного изложения истории до и после крещения (как в ПВЛ, англосаксонских генеалогиях или Англосаксонской хронике), через краткие упоминания о славных делах языческих правителей (как у Беда или Илариона), и вплоть до решения начать изложение с момента крещения (как в новгородских перечнях).

Литература

1. Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200) / I. Garipzanov (ed.). Turnhout, 2011. XIII, 294 p.
2. *Garipzanov I.H.* History Writing and Christian Identity on a European Periphery // Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200). Turnhout, 2011. P. 1–11.
3. *Джаксон Т.Н.* Раннее историописание скандинавских стран: К проблеме формирования национальной идентичности // Древнейшие государства Восточной Европы, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 801–835.
4. *Ostrowski D.* Pagan Past and Christian Identity in the Primary Chronicle // Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200). Turnhout, 2011. P. 229–253.
5. *Гиниус А.А.* До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 37–63.
6. *Гимон Т.В.* К проблеме зарождения историописания в Древней Руси // Древнейшие государства Восточной Европы, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 748–800.
7. *Шайкин А.А.* «Повесть временных лет» о язычестве на Руси // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом). СПб., 2004. Т. 55. С. 29–39.
8. Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1: Лаврентьевская летопись. N, VIII, 733 с.
9. *Андрейчева М.Ю.* Образы иноверцев в Повести временных лет: дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. 224 с.
10. Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. XII, 692 с.
11. *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 2. 1023 с.

12. *Timberlake A.* Redactions of the Primary Chronicle // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 196–218.
13. *Лихачёв Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. 499 с.
14. *Баловнев Д.А.* Сказание «О первоначальном распространении христианства на Руси». Опыт критического анализа // Церковь в истории России. М., 2000. Сб. 4. С. 5–46.
15. *Пичхадзе А.А., Ромодановская В.А., Ромодановская Е.К.* Жития княгини Ольги, варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста (РНБ, Q.п.1.63) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 288–308.
16. *Молдован А.М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.
17. *Шахматов А.А.* Жития князя Владимира: Текстологическое исследование древнерусских источников XI–XVI вв. / подгот. текста Н.И. Милотенко. СПб., 2014. 383 с.
18. *Гимон Т.В.* Исторические заметки из «Памяти и похвалы» Иакова Мниха и летопись // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 30–31.
19. Colgrave B., Mynors R.A.B., eds. *Bede's Ecclesiastical History of the English People.* ed. by B. Colgrave and R.A.B. Mynors. Oxford, 1969. LXXVI, 618 p.
20. Beda. *Storia degli inglesi (Historia ecclesiastica gentis Anglorum):* in 2 vols. / a cura di M. Lapidge; traduz. di P. Chiesa. [Roma; Milano], 2008.
21. Беда Достопочтенный. Церковная история народа англо-саксов / пер. с лат., ст., примеч., библиогр. и указатели В.В. Эрлихмана; отв. ред. С.Е. Федоров. СПб., 2001. 362 с.
22. *Зверева В.В.* «Новое солнце на Западе»: Беда Достопочтенный и его время. СПб., 2008. 247 с.
23. *Гимон Т.В.* Зарождение историописания в Англо-Саксонской Англии // Древнейшие государства Восточной Европы, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 365–438.
24. *Гвоздецкая Н.Ю.* Восприятие язычества и образ язычника в «Церковной истории народа англо-саксов» Беды Достопочтенного // Восточная Европа в Древности и Средневековье: Язычество и монотеизм в процессах политогенеза: XXVI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 16–18 апреля 2014 г.: мат-лы конф. М., 2014. С. 59–64.
25. *Higham N.J.* (Re-)Reading Bede: The Ecclesiastical History in Context. London; New York, 2006. 296 p.
26. *Foley W.T., Higham N.J.* Bede on the Britons // Early Medieval Europe. 2009. Vol. 17 (2). P. 154–185.
27. *McClure J.* Bede's Old Testament kings // Ideal and reality in Frankish and Anglo-Saxon society: studies presented to J.M. Wallace-Hadrille. Oxford, 1983. P. 76–98.
28. *Hunter Blair P.* The *Moore Memoranda* on Northumbrian History // The Early Cultures of North-West Europe (H.M. Chadwick memorial studies). Cambridge, 1950. P. 245–257.

29. *Keynes S.D.* Between Bede and the *Chronicle*: BL Cotton Vespasian B. vi, fols. 104–9 // *Latin Learning and English Lore: Studies in Anglo-Saxon Literature for M. Lapidge*. Toronto; Buffalo; London, 2005. Vol. 1. P. 47–67.
30. *Dumville D.N.* The Anglian collection of royal genealogies and regnal lists // *Anglo-Saxon England*. Cambridge, 1976. Vol. 5. P. 23–50.
31. *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012. 689 с.
32. Англосаксонская хроника, IX–XI века / изд. подгот. З.Ю. Метлицкой. СПб., 2010. 284 с.
33. *Гимон Т.В.* События XI – начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // *Древнейшие государства Восточной Европы, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства*. М., 2012. С. 584–703.
34. *Щавелёв А.С.* К датировке протографа перечня князей «*Кто колико княжилъ*» // *Восточная Европа в древности и средневековье: Ранние государства Европы и Азии: Проблемы политогенеза: XXIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто, Москва, 19–21 апреля 2011 г.: мат-лы конф.* М., 2011. С. 332–337.

References

1. Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200). Turnhout, 2011. XIII, 294 p.
2. Garipzanov IH. History writing and Christian Identity on a European Periphery. *Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200)*. Turnhout, 2011. p. 1-11.
3. Jackson TN. Early Scandinavian Historiography: To the Problem of national Christian identity formation. V: The most ancient states of Eastern Europe, 2013. Origin of the historiography in the societies of Antiquity and the Middle Ages. Moscow, 2016. p. 801-35. (In Russ.)
4. Ostrowski D. Pagan Past and Christian Identity in the Primary Chronicle. *Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200)*. Turnhout, 2011. p. 229-53.
5. Gippius AA. Before and after the Initial Compilation: The early history of Rus annalistic writing as an object of text-historical reconstruction. V: Russia in the 9th-10th centuries. Archaeological panorama. Moscow; Vologda, 2012. p. 37-63. (In Russ.)
6. Guimon TV. On the beginnings of historical writing in Old Rus. V: The most ancient states of Eastern Europe, 2013. Origin of the historiography in the societies of Antiquity and the Middle Ages. Moscow, 2016. p. 748-800. (In Russ.)

7. Shaikin AA. The Primary Chronicle on paganism in Rus. V: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury (Pushkinskii dom)*. Sankt-Peterburg, 2004. Vol. 55. p. 29-39. (In Russ.)
8. The Complete Corpus of Rus Chronicles. Moscow, 1997. Vol. 1: The Laurentian Chronicle. N, VIII, 733 p. (In Russ.)
9. Andreycheva MYu. Images of the infidel in the Primary Chronicle. [dis. ... kand. ist. nauk]. Moscow, 2017. 224 p. (In Russ.)
10. The Complete Corpus of Rus Chronicles. Moscow, 2000. Vol. 1: The First Novgorodian Chronicle of the Elder and the Younger Versions. XII, 692 p. (In Russ.)
11. Shakhmatov AA. History of Rus chronicle writing. In 2 vols. Sankt-Peterburg, 2003. Vol. 1. 1023 p. (In Russ.)
12. Timberlake A. Redactions of the Primary Chronicle. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2001;1:196-218.
13. Likhachev DS. Rus chronicles and their cultural and historical significance. Moscow; Leningrad, 1947. 499 p. (In Russ.)
14. Balovnev DA. The Tale 'of the Initial Spread of Christianity in Rus': an attempt at critical analysis. V: Church in the Histry of Russia. Moscow, 2000. Vol. 4. p. 5-46. (In Russ.)
15. Pichkhadze AA, Romodanovskaya AA, Romodanovskaya VA. Lives of Olga, the Varangian Martyrs, and Prince Vladimir in the Sinai Palimpsest (RNB, Q.p.I.63). V: Russian Hagiography. Research, Publications, Polemic. Sankt-Peterburg, 2005. p. 288–308. (In Russ.)
16. Moldovan AM. Hilarion's Word of Law and Grace. Kiev, 1984. (In Russ.)
17. Shakhmatov AA. The Life of Prince Vladimir: A text-historical study of Old Rus 11th–16th-century sources. Sankt-Peterburg, 2014. 383 p. (In Russ.)
18. Guimon TV. Historical notes in Jacob the Monk's. *Memory and Encomium to Prince Vladimir*. 2017;3(69):30-1. (In Russ.)
19. Colgrave B., Mynors RAB., eds. Bede's Ecclesiastical History of the English People. Oxford, 1969. LXXVI, 618 p.
20. Beda. Storia degli inglesi (Historia ecclesiastica gentis Anglorum): in 2 vols. / a cura di M. Lapidge; traduz. di P. Chiesa. [Roma; Milano], 2008.
21. Fedorov SE., transl. and comp.; Erlikhman VV., ed. Bede the Venerable. The Ecclesiastical History of the English People. Sankt-Peterburg, 2001. 362 p. (In Russ.)
22. Zvereva VV. "New Sun in the West": Venerable Bede and his time. Sankt-Peterburg, 2008. (In Russ.)
23. Guimon TV. The beginnings of historical writing in Anglo-Saxon England. V: The most ancient states of Eastern Europe, 2013. Origin of the historiography in the societies of Antiquity and the Middle Ages. Moscow, 2016. p. 365-438. (In Russ.)
24. Gvozdet'skaya NYu. The perception of paganism and the image of a pagan in Venerable Bede's Ecclesiastical History of the English People. V: Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages. Paganism and monotheism in the processes of polygenesis. 26th Conference in the memory of V.T. Pashuto a Corresponding member

- of the USSR Academy of Sciences. Moscow, April 16–18, 2014: Proceedings of conf. Moscow, 2014. p. 59-64. (In Russ.)
25. Higham NJ. (Re-)Reading Bede: The Ecclesiastical History in Context. London; New York, 2006. 296 p.
 26. Foley WT., Higham NJ. Bede on the Britons. *Early Medieval Europe*. 2009; 17(2):154-85.
 27. McClure J. Bede's Old Testament kings. *Ideal and reality in Frankish and Anglo-Saxon society: Studies presented to J.M. Wallace-Hadrille*. Oxford, 1983. p. 76-98.
 28. Hunter Blair P. The Moore Memoranda on Northumbrian History. The Early Cultures of North-West Europe (H.M. Chadwick memorial studies). Cambridge, 1950. p. 245-57.
 29. Keynes SD. Between Bede and the Chronicle: BL Cotton Vespasian B. vi, fols. 104–9. *Latin Learning and English Lore: Studies in Anglo-Saxon Literature for M. Lapidge*. Toronto; Buffalo; London, 2005. Vol. 1. p. 47-67.
 30. Dumville DN. The Anglian collection of royal genealogies and regnal lists. *Anglo-Saxon England*. 1976;5:23-50.
 31. Guimon TV. Historical writing of early medieval England and Old Rus: A comparative study. Moscow, 2012. 689 p. (In Russ.)
 32. Metlitskaya ZYu., comp. The Anglo-Saxon Chronicle. Sankt-Peterburg, 2010. 284 p. (In Russ.)
 33. Guimon TV. The eleventh- and the early twelfth-century events in Novgorodian chronicles and lists. V: The most ancient states of Eastern Europe, 2010. Background and Ways for the Formation of the Old Russian State. Moscow, 2012. p. 584-703. (In Russ.)
 34. Shchhavelev AS. On the dating of the exemplar of the list Who ruled how long. V: Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages. Early states of Europe and Asia. Issues of polygenesis. 23d Conference in the memory of V.T. Pashuto a Corresponding member of the USSR Academy of Sciences. Moscow, April 19–21, 2011: Proceedings of conf. Moscow, 2011. p. 332-37. (In Russ.)

Информация об авторе

Тимофей В. Гимон, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, д. 32А; guimontv@mail.ru

Information about the author

Timofey V. Guimon, Dr. in History, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32A, Leninsky av., Moscow, Russia, 119334; guimontv@mail.ru

«Печать пророков»: образ Мухаммада в *Corpus Tholetanum*

Светлана И. Лучицкая

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,
svetlana-luchitskaya@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуются сочинения, опубликованные и рукописные, XII в., вошедшие в состав так называемого Толедского корпуса – коллекции латинских переводов арабских текстов, созданной по инициативе клюнийского аббата Петра Достопочтенного. Существует широко распространенное мнение, согласно которому цель этого интеллектуального проекта состояла в том, чтобы расширить знания христианского мира об исламе. На основе анализа ряда текстов – произведений Петра Достопочтенного, Германа Далматинского и др. – автор пытается показать, что настоящей целью амбициозного предприятия было создание «арсенального оружия» (armarium) христианской полемики. Этот вывод подтверждается, в частности, на примере анализа переводного сочинения XII в. (*Liber Generationis Mahumet et nutritura eius*), посвященного ранним годам жизни пророка ислама. Рассматривая пассаж, в котором рассказано о пророческом даре основателя ислама, и сопровождающую его иллюстрацию, автор статьи показывает, как средневековый переводчик, ничего не меняя в содержании оригинала, перетолковывает его с целью убедить своих читателей в том, что Мухаммад был фальшивым пророком.

Ключевые слова: ислам, образ Мухаммада, Толедский корпус, Петр Достопочтенный, Герман Далматинский, христианская полемика

Для цитирования: Лучицкая С.И. «Печать пророков»: образ Мухаммада в *Corpus Tholetanum* // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 264–282. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-3-264-282

The “Seal of the prophets”: the image of Muhammad in the *Corpus Tholetanum*

Svetlana I. Luchitskaya

*Institute of World history of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, svetlana-luchitskaya@yandex.ru*

Abstract. The article studies several written works of the 12th century (some not yet published) that form a part of the so-called *Corpus Tholetanum*, which is known to be the collection of the Latin translations of Arabic texts created on the initiative of the Cluniac abbot Peter the Venerable. It is widely believed that the aim of this intellectual project was to expand knowledge of the Christian world about Islam. Basing on the analysis of some works of Peter the Venerable, Herman of Dalmatia and others, the author tries to show that the real goal of the ambitious venture was to create the “arsenal” (armarium) of the Christian polemics. This conclusion is corroborated by the analysis of the 12th-century text (*Liber Generationis Mahumet et nutritura eius*) dedicated to the early years of the Prophet’s life. By examining the story about Muhammad’s spiritual gift of prophecy as well as accompanying illustration, the author of the article shows how the medieval translator reinterpreted the original without adding anything to it but nevertheless convincing his readers that Muhamad was a false prophet.

Key words: Islam, image of Muhammad, Toletan collection, Peter the Venerable, Herman of Dalmatia, Christian Polemics

For citation: Luchitskaya SI. The “Seal of the prophets”: the image of Muhammad in the *Corpus Tholetanum*. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*. 2018;3(36):264-82. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-3-264-282

Введение

Среди памятников средневековой латинской литературы есть целый пласт текстов, которые рассказывают о пророке Мухаммаде. Это так называемые *vitae Machometi* – жизнеописания основателя учения ислама. Они встречаются как в литературных произведениях – из них самым ярким и значительным является *Vita Mahumeti* Эмбрико Майнцского [1 с. 440–490], – так и в теологических, например клюнийского аббата Петра Достопочтенного [2], а также

в исторических трудах – скажем, в хронике Гвиберта Ножанского [3 с. 94–100]. На эти сочинения, многие из которых были заново открыты историками, литературоведами и лингвистами, стали обращать внимание лишь в последнее время, когда начался настоящий бум исследований по данной тематике [4, 5]. Из многочисленных произведений средневековой литературы, посвященных пророку ислама, здесь будут рассмотрены несколько таких текстов, относящихся к XII в., в том числе неопубликованных. Они составляют часть так называемого Толедского корпуса – коллекции латинских переводов арабских текстов, включая Коран, созданной в середине XII в. по инициативе и под руководством клюнийского аббата Петра Достопочтенного. В историографии долгое время считалось, что уже само появление такого интеллектуального проекта свидетельствовало об интересе средневековых людей к исламу и о стремлении расширить свои знания о чужой религии [6 с. 15]. Так ли это было на самом деле, покажет анализ выбранных для исследования текстов.

Петр Достопочтенный и «Толедская коллекция»

Как известно, именно в XII в. интерес к исламу обострился, естественно, в связи с крестовыми походами, а также переводческой деятельностью, развивавшейся, в частности, в освобожденных во время Реконквисты городах. Крупнейшим таким центром был Толедо, где архиепископ Раймунд (1125–1152) поощрял всякий обмен знаниями между еврейскими, христианскими и мусульманскими учеными и где впервые были переведены с арабского на латинский известнейшие в Средние века философские и научные труды, в том числе произведения Аристотеля. Именно туда в 1142 г. и прибыл знаменитый клюнийский аббат Петр Достопочтенный. Он отправился в путешествие по Испании с целью встретиться с известным своими успехами в Реконквисте королем Альфонсо VII и добиться его поддержки клюнийского ордена, а также полакомиться достижениями арабской учености – интеллектуальными сокровищами, которые теперь, с отвоеванием города у мусульман, стали доступны всем христианам. В Толедо Петр Достопочтенный встретился со знаатоками астрономии и математики и переводчиками арабских текстов Робертом Кеттоном и его другом Германом Далматинским. Аббат Клюни отвлек друзей, прибывших в Толедо изучать арабскую науку, от их штудий и, пообещав щедрое денежное вознаграждение, поручил им перевести на латинский язык целый ряд арабоязычных текстов, как христианских, так и – что особенно

важно – мусульманских, включая «сарацинский закон» (*Lex Sarracenorum*) – Коран. С ними работали некто Петр Толедский, знаток арабского, но плохо понимавший по-латыни, которому помогал переводить на латынь его тезка – Петр из Пуатье, секретарь Петра Достопочтенного; в работе с текстами участвовал и некий сарацин по имени Мухаммад (*Mahumetus*), о котором не сохранилось почти никаких сведений¹. В результате напряженного труда с арабского языка на латинский был переведен целый ряд замечательных памятников. Собрание этих переводов получило название по имени основанной архиепископом Раймундом школы переводчиков «Толедским корпусом» (*Corpus Toletanum*) или «Толедской коллекции» (*Collectio toletana*).

На протяжении всего Средневековья настоящий сборник был главным источником сведений об исламе, а в период Реформации известный швейцарский востоковед и лингвист Теодор Библиандер (Бухманн) целиком издал его в Базеле в 1543 г., снабдив предисловием, которое взялся написать сам Мартин Лютер [7]. Поразительным образом эти тексты, за исключением аль-Кинди и нескольких сочинений Петра Достопочтенного, до сих пор не изданы, хотя сохранилось множество рукописей в самых разных книгохранилищах Франции, Англии, Италии, Германии, Испании и даже России². Собственно, к одной из рукописей «Толедской коллекции» мы сейчас и обратимся, а именно к кодексу 1162 из Арсенальной библиотеки [9]³, где приведены следующие сочинения: 1) *Summa totius haeresis Saracenorum* (fol. 1ra-3va) – составленное Петром Достопочтенным жизнеописание пророка, предваряющее корпус переводов; 2) *Epistola domni Petri abbatis ad domnum Bernardum* (fol. 3vb-4vb) – письмо клюнийского аббата Бернару Клервоскому, в котором он разъясняет старшему другу цель своего труда; 3) так называемая *Fabulae Sarracenorum* (fol. 5r-10v) (в некоторых рукописях сочинение носит название *Chronica mendosa et ridicula Sarracenorum*) – тексты, переведенные Робертом Кеттоном с неизвестного арабского оригинала, включавшие еврейские и мусульманские легенды о сотворении мира и человека, хронологию

¹ См. об этом [2, с. 54]: “Christianis interpretibus etiam Saracenum adiunxi. Christianorum interpretum nomina Robertus Ketenensis, Armannus Dalmata, Petrus Toletanus. Saraceni Mahumetus nomen est”.

² Самый полный к настоящему времени обзор рукописей составила М.-Т. д’Альверни: [8 с. 202–218].

³ Этот пергаментный кодекс состоит из 178 фолио, написан готическим письмом XII в., текст в кодексе расположен в две колонки, 200 × 60 мм.

патриархов и пророков, а также сведения о Мухаммаде и наброски биографий первых семи халифов вплоть до Язида 1 (645–683); 4) *Liber Generationis Mahumet et nutritura eius* (fol. 11r-18r) – перевод Германом Далматинским арабского сочинения о генеалогии Мухаммада, содержавшего рассказы о его рождении и первых годах жизни; 5) *Doctrina Mahumet* (fol. 19r-25v) – перевод тем же ученым арабского текста, написанного в виде диалога Мухаммеда с неким иудеем Абдиллахом (Абдией?) и другими еврейскими мудрецами о содержании мусульманской веры: в нем перечисляются сто вопросов, заданных евреями пророку, а также ответы, претендующие на то, чтобы доказать пророческий дар Мухаммеда и истинность учения ислама; 6) *Lex Sarracenorum* (25v-138r) – пожалуй, главная часть «Толедского корпуса» – перевод Робертом Кеттоном на латынь Корана и, наконец; 7) *Epistola Sarraceni ad christianum* – переведенное Петром Толедским с участием Петра Пуатевинского сочинение, написанное в первой половине IX в. и известное в христианской традиции под названием «Апология аль-Кинди». Оно представляет собой скорее всего вымышленную переписку мусульманина и христианина, живших при дворе халифа аль-Мамуна, – в письмах каждый из них предлагает другому перейти в его веру.

«Дьявольская секта сарацин»

В письме к Бернару Клервоскому, также помещенном в «Толедском корпусе», Петр Достопочтенный отчетливо поясняет ту цель, которую он преследовал, затеявая столь мощный интеллектуальный проект: он желал выступить против «нечестивой секты гнуснейшего человека» (*spurcissimi hominis sectam nefariam*); следуя примеру отцов Церкви, сражавшихся против еретических учений, разоблачить созданную Мухаммадом «наихудшую никуда не годную ересь» (*pessimam nequam Mahumeti haeresim*), которая своим «смертельным чумным дыханием заразила уже почти половину мира» (*eius letali peste dimidium paene orbis infectus*) [9 fol. 3vb-4vb]. Таким образом, знакомство с интереснейшими исламскими сочинениями, которые впервые предлагаются вниманию христианских читателей, оказывается всего лишь средством борьбы против ненавистного учения. Петр Достопочтенный надеется, опираясь на знание переведенных с арабского текстов, создать настоящее «арсенальное оружие» христианской апологетики и полемики (*Christianum armarium*), которым смогут пользоваться другие прелаты, чтобы разъяснять своей пастве истинную суть учения Мухаммада [9 fol. 4vb].

Вот почему переводы в Толедской коллекции предваряет одно из главных сочинений Петра Достопочтенного об исламе – «Summa totius haeresis ac diabolicae sectae Saracenorum» («Сумма всей ереси и дьявольской секты сарацин»), в котором аббат вкратце изложил основные догмы ислама и биографию Мухаммада (Магомета). Это сочинение было призвано ввести христианского читателя в круг тематики Толедского корпуса и подготовить его к восприятию мусульманских текстов. В нем средневековый богослов прежде всего разбирает основные расхождения между христианами и мусульманами в интерпретации основных догматов веры. В ряде пассажей он указывает на то, что сарацины отрицают св. Троицу, что в свою очередь связано с их ошибочным, с его точки зрения, толкованием догмата о Воплощении: признавая Христа великим пророком, они отрицают Его божественную природу, как и Страсти Христовы. Клунийскому аббату известно, что последователи Магомета (Machumet) полагают, будто Иисус не был распят на кресте: Бог спас его и вознес на небеса, где он будет находиться вплоть до пришествия Антихриста. Ничего нового в таких воззрениях аббат не видит – напротив, он пытается доказать, что те же самые идеи уже высказывали в прошлом еретики и что в целом учение ислама представляет собой «отбросы древних ересей» (*antiquarum haeresum faeces*): «вместе с Савелием, – говорит Петр Достопочтенный, – он (Мухаммад, – *С.Л.*) отрицает Троицу, вместе с Несторием отвергает божественную природу Христа, вместе с Манихеем не признает смерти Господа, хотя и не отрицает Его вознесения на небеса»⁴. Отрицающее все эти христианские догматы ошибочное учение, как считает клунийский аббат, было создано «дьявольским ухищрением» (*diaboli machinatio*), нечестивые семена (*seges nefaria*) его были посеяны Арием, далее оно было распространено сатаной через Магомета и, «согласно дьявольскому замыслу» (*secundum diabolicam intentionem*), завершится в Антихристе. Таким образом, за спиной Магомета действовал дьявол, а сам пророк ислама – связующее звено между еретиком Арием и Антихристом, ибо сатана воспользовался им как своим орудием. В глазах аббата учение Магомета представляет собой пеструю смесь из иудейского и христианского законов: его «нечестивое писание» (*scriptura nefaria*) было варварским образом (*barbaro modo*) составлено как «из иудейских

⁴[2 с. 10,12]: “Inter ista omnes pene antiquarum haeresum faeces, quas diabolo imbuente sorbuerat, revomens, cum Sabellio Trinitatem abnegat, cum suo Nestorio Christi deitatem abicit, cum Manichaeo mortem Domini diffitetur, licet regressum eius non neget ad caelos”. Ср.: [8 fol. 2rb].

басен, так и еретического вздора», это смесь истины и фальши – ведь, с одной стороны, он отвратил арабов от идолопоклонства и обратил к вере в единого Бога, с другой – как еретики или иудеи, отрицает Его божественную природу и пр. И так сплести хорошее и плохое, фальшь и истину мог только дьявол, – считает Петр Достопочтенный. В созданном им новом законе Магомет, по словам клюнийского аббата, чудовищным образом «соединил голову человека, шею лошади и перья птицы»⁵. Создавая этот образ, Петр Достопочтенный явно позаимствовал его из сочинения Горация «О поэтическом искусстве», где поэт говорит о безвкусном смешении стилей у плохих стихотворцев, у которых «дельфин в лесу» и «кабан в море». И слова клюнийского аббата действительно можно интерпретировать как реминисценцию этих строк:

Если художник решит приписать к голове человеческой
 Шею коня, а потом облечет в разноцветные перья
 Тело, которое он соберет по куску отовсюду –
 Лик от красавицы девы, а хвост от чешуйчатой рыбы, –
 Кто бы, по-вашему, мог, поглядев, удержаться от смеха?
 (Пер. М.Л. Гаспарова)

Humano capiti ceruicem pictor equinam
 iungere si uelit et uarias inducere plumas
 undique collatis membris, ut turpiter atrum
 desinat in piscem mulier formosa superne,
 spectatum admissi, risum teneatis, amici?

Как видим, во введении к «Толедскому корпусу», поясняя суть своего труда христианским читателям, Петр Достопочтенный представляет пророка ислама настоящим чудовищем, создавая негативный стереотип.

“Liber generationis Mahumet”: текст и иллюстрация

Скрытую ссылку на Горация мы обнаруживаем в тексте на fol. 2v рукописи Арсенальной библиотеки. А на fol. 11r мы видим изображение, которое просто напрашивается на то, чтобы рассматривать его как своего рода иллюстрацию к сказанным средневековым

⁵ [2 с. 12]: “et sic, ut ait ille, undique monstruosus humano capiti cervicem equinam et pennas auium copulauit”. Ср.: [9 fol. 2v].

Itē de generatione mahumet — nutritura est. qđ transiit hermann^o selau^o scolasticus subtilis — ingeniosus ap^o legionem hyspanie ciuitatem.

LIBER GENERATIONIS MAHUMET — NVNCII DEL ORATIO DEL SVPER EYMA ET SAL. ab adam & eua pcedine parentum utriusq; sexus. usq; ad tempus quo p dicitur cum ds pfectum. gratiosum. & idoneum sibi. ^{Int libi} Cuius auctores pcedine. primus kabalabbar. deinde abuabdalla mahumet filius eize. post hunc abual nutaret abderahmen filius eize. Deinde abuzaid filius clearabil. postque abumahumet alabez filius abdalla. sicq; alfad filius tabfar. atq; abulambe. deinde azerigi filius sulumen. Post q mahumet albalachi. postremus filius zaid abuhamar. Primus g kabalabbar. sequentiū omnū testimonio. cum in scripturis ppham hunc selo nasciturum studiosē didicisset. omnēq; historiam viri astrologico testimonio ap pbalset. ecce seloz serie inipis dieb' suis. virū natū audire incunare arabie ieserab. omnia pudente sup signacla preferencē. Celebri demū fama frequentiq; testimonio motus hominē adit. quē undiq; uersum pspiciens. omnēq; modū eius & conuersationē obseruans. ita quidē ut ipsa etiam corpis notat easdem qual' prestigna uerat repiret. ut in fronte maclām. inter scapulas huiusmodi karakterem. hunc ipsum

plane deprehendit. Quod deinde ut etiam seloz serie diuinaq; dispositione cōparat. incipit ab adam & eua usq; ad mahumet. ordinē generationis eius. a magistro suo kabetmehti. acceptā in hunc modū. **C**ONCORDIA PONT. **C**REATOR D'S OMNIPOTENS. ut primū adam creauerat. consurgens recent cerebrum subitō concremescens sonat. n̄ aliter quā frondes uento cōmote. Qđ stupenti adsonitū inq; dñs quē miraris adam. signum ē ppharum & nuntioz mandati mei. hoc g lucis sem uirtutis meo dono conceptū. n̄ nisi dignis lumbis mundiq; uulue cōmendabit. **F**uit itaq; lux nascituri ex eo pphē mahumet. omnib' dieb' resplendens ex facie adam. tanq' sol. in rota circuli sui. aut luna in nocte plenilunij. Quotiensq; euam aggressur' erat. lauare & mundari castigabat. dubius qua hora dñs sem lucis ex eo pmouere. Obseruabat g eua concepta maria. quousq; concepit seth. patrem ppharū. & caput nuntioz dei. Qua ipsa hora lux splendens a facie abamigrauit in faciem eue. fuitq; exinde eua cunctis dieb' informe decore. lucisq; splendore addens. usq; adeo qđ & aeris t'req; animantia uultus eius nitorem admirata stupere. Stupens & ipse adam. se a tactu grauide cohibuit. Singlis itaq; diebus

писателем словам об учении ислама. Это некий «портрет» пророка ислама (см. рис. 1). Перед нами изображение высотой в три сантиметра: нарисована голова бородатого человека, взгляд которого устремлен вперед; к голове неуклюже приставлено тело рыбы. Вверху справа, касаясь похожего на перо плавника, прикреплен как бы к плечу неправильный овал, в который вписано имя Mahumeth. Все изображение выполнено в цвете киновари, но имя пророка – темно-коричневыми чернилами и тем же цветом – веки и линия брови. У существа очень серьезное и в то же время настороженное выражение лица.

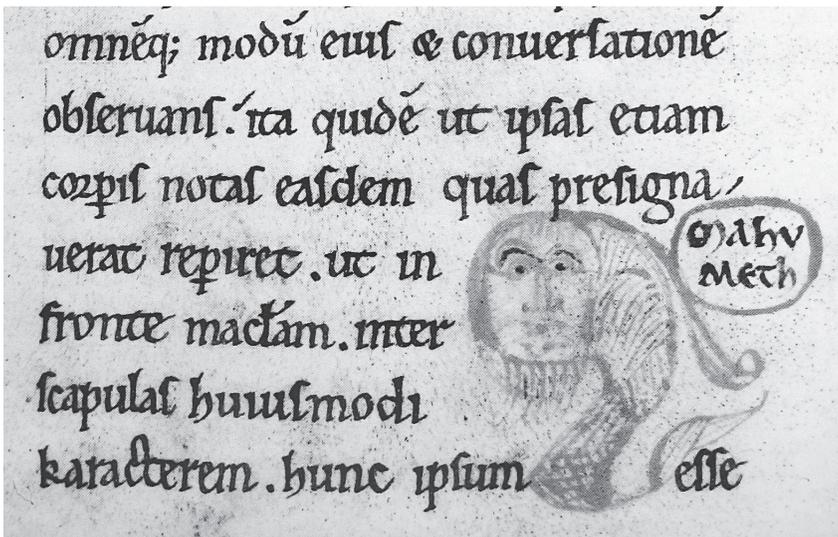
Впервые обратившая внимание на этот «портрет» французская исследовательница М.-Т. д'Альверни написала о нем следующие строки: «Неизвестный художник просто вдохновился стихами Горация, которые упомянул Петр Достопочтенный в своей “Сумме”, давая суровую оценку гибридной природе пророка: “и так чудовищным образом соединил голову человека, шею лошади и перья птицы”; и он спонтанно дополнил цитату, пририсовав хвост сирены»⁶.

Однако стоит обратить внимание на то, что иллюстрируемый текст на fol. 2v отстоит на восемь листов от самого изображения, расположенного на fol. 11r. А на этом листе начинается другой текст из «Толедского корпуса», повествующий о происхождении и ранних годах пророка – “Liber generationis Mahumeth”, повествующий о происхождении и генеалогии пророка ислама. Присмотримся к его содержанию, чтобы лучше понять смысл изображения и иллюстрирующего его текста, а, возможно, весь замысел «Толедского корпуса».

Начинается это состоящее из трех частей сочинение пророчеством Кабалахабара – еврея из Йемена, который узнал, что Писание и астрология совпали в предсказании появления нового пророка [9 fols. 11ra-rb]. И когда прорицатель услышал о том, что в эти же самые дни в Аравии в Ясрибе родился «отмеченный Провидением» муж (в тексте говорится о «знаках Провидения» – *providentie sue signacula*), он, возбужденный молвой, отправился в Ясриб понаблюдать за манерами этого человека и обнаружил у него на теле знаки (*corporis notas*), о которых ему было известно заранее: отметина

⁶[10 с. 81–82]: «...l'artiste inconnu a tout simplement inspiré des vers d'Horace évoqués par Pierre le Vénérable dans la Summula pour qualifier sévèrement la nature hybride de la doctrine du Prophète: “et sic undique monstruosus humano capiti ceruicem equinam et plumas uauium copulat” et il a completé spontanément la citation en dessinant la queue de la sirène». Впоследствии этот рисунок привлекал внимание ряда исследователей. Наиболее полный анализ изображения осуществил американский искусствовед Вальтер Кан: [11 с. 51–60].

на лбу (*in fronte maculam*) и печать <Mahumet> между лопаток (*inter scapulas omnimodi karacterem hunc ipsum <Mahumet>*). Собственно, «портрет» Мухаммада помещен напротив текста пророчества (рис. 2), а вписанное в овал имя <Mahumet> является частью рисунка и в то же время продолжает строку, так что мы имеем дело с характерной для Средневековья визуальной диаграммой, где текст используется как изображение, а изображение – как текст⁷. Как явствует из предсказания Кабалахабара, обнаруженные «телесные знаки» были доказательством пророческого дара Мухаммада, и эта мысль обосновывается в следующей части сочинения, где излагается родословная основателя ислама [9 fols. 11rb-16ra].

Собственно, в этой второй части сочинения говорится о передаче некоей мистической субстанции – божественного нетварного света (*semen lucis*) – от предков (начиная с Адама и Евы) через череду поколений, Еноха и Мафусаила, Ноя и его сына Сима, включая ветхозаветных праотцов – к самому Мухаммаду. Сам Бог объявил этот божественный мистический свет «знаком пророков и посланников» (*signum prophetarum et nunciorum*) [9 fol. 11rb]. Называемая также «светом пророка Мухаммада» (*lux prophete Mahumet*) [9 fol. 12ra], эта субстанция

⁷ Подобные диаграммы были чрезвычайно характерны для Средневековья. Подробнее см.: [12].

передавалась из поколения в поколение, в том числе патриарху Аврааму – в этот весьма значимый, как подчеркивается в трактате, момент свет с запада и свет с востока сошлись в центре мира, и ангелы сообщили о своем «благоприятном предзнаменовании» (*tripudium*), произнеся хвалу «свету пророка Магомета»⁸. Далее божественный свет перешел на сына Авраама Измаила, считавшегося родоначальником мусульман, его сына Кедара, от которого произошел род курайшитов (к нему принадлежал и Мухаммад), затем через ряд предков на прадеда пророка Хашима, деда Абд аль-Мутталиба и его отца Абдуллаха. Наконец, по прошествии веков наступил срок, когда «божественный свет» вышел в мир – это произошло в момент появления на свет пророка ислама⁹. В час рождения Мухаммада произошло крушение идолов¹⁰, а ангел принес младенцу три ключа – победы, закона и пророчества¹¹. Потом новорожденного посетили три мужа «с сияющими, как солнце, лицами» (*faciebus tanquam sol radiantibus*), и один из них, предсказав, что Мухаммад будет властелином мира, взял у другого кувшин, а у третьего – полотенце, омыл будущего основателя ислама семь раз и, «поискав «знак» (*sigillum*) между лопаток, наложил «печать» (*karacterem*), после чего, приняв ребенка на крылья, придвинул уста к его уху и долго нашептывал ему что-то неслышное для других¹².

Этот рассказ, как представляется, играет очень важную роль в замысле всего текста. Мухаммад не раз именуется «печатью пророков», причем не только в этой, но и в следующей, третьей части сочинения, которая начинается на fol. 16ra и представляет собой рассказ кормилицы пророка Галимы, стилизованный в духе

⁸[9 fol. 11rb]: “Qui, cum nasceretur, erumpentia duo lumina ex oriente et occidente in medio mundo concurrereunt, factaque est lux una, omnem mundum illuminans, a terra usque ad celum erecta. Factusque est sonitus angelorum per uniuersum orbem, plenus tripudio et modulamine celesti, cum ingenti preconio eam esse lucem prophete Mahumet, super eum oratio Dei et salus”.

⁹[9 fol. 15ra]: “Uentum est longa seculorum serie usque ad terminum quem prouiderat Deus et prescripserat ut lumen prophete Mahumet ipsum tandem in mundum prodire”.

¹⁰Ibid.: “Qua ipsa hora inclinati sunt idola et denigrata...”

¹¹[9 fol. 15va]: “Recepit Mahumet clauem uictorie et clauem legum et clauem prophete”.

¹²[9 fol. 15vb]: “Euoluensque sigillum inter scapulas eius suprascriptum karacterem impressit. Tum, assumens eum inter alas, affixo ore in aurem longum fudit susurrum nemini auditum”.

хадисов¹³. И здесь Мухаммад именуется не иначе как «печать пророков, господин посланников, лучший из первейших»¹⁴. Как известно, исламская традиция трактует печать как знак пророческого дара, и не случайно в тексте, призванном прежде всего доказать, что Мухаммад – пророк¹⁵, этому сюжету уделяется столь пристальное внимание. В Коране, суре 33, аяте 40 Мухаммад назван «посланником Аллаха и печатью пророков» – он замыкает ряд пророков, являясь наследником Моисея, Авраама, Иисуса. О печати пророка говорится и в сире Ибн-Хишама, где рассказано о том, как 12-летний Мухаммад отправился со своим дядей Абу-Талибом в Сирию и встретился там с христианским монахом Бахирой, который по некоторым признакам признал в Мухаммаде пророка – в частности, он заметил печать между лопаток [14 с. 65–96]. Ибн-Хишам, описывая внешний вид печати, говорил, что она походила на след ножика, посредством которого пускают кровь [14 с. 66]. Разные источники мусульманского священного предания передают, что печать была похожа на голубиное яйцо, след, оставленный банкой после кровопускания, или что напоминала черное или зеленое родимое пятно, или что на ней было написано «Мухаммад – посланник Аллаха» [15 с. 34].

Кажется, именно она изображена на «портрете» Мухаммада, помещенном в начале переведенного Германом Далматинским сочинения. Эта печать, о которой говорится на fol. 11 и следующих фолио манускрипта, изображена в виде овала с вписанным в него именем пророка Mahumet. Рисунок вовсе не случайно появился в начале трактата. Он расположен таким образом, чтобы проиллюстрировать строки об увиденных Кабалахбаром знаках пророчества – «отметине на лбу» (*in fronte maculam*) и «печати между

¹³Рассказ Галимы [9 fols. 17–19] написан уже не в прежнем торжественном стиле, характерном для первых двух частей сочинения, а скорее в стиле древних преданий – хадисов. Здесь же передается и подтверждающая избранничество пророка известная легенда о том, как ангелы рассекли грудь Магомета, омыли внутренности снегом, вынули сердце и удалили из него зерно сатаны: «*Apertaque uiscera niue lauit. Succedens secundus cor per medium fidit et e medio granum nigrum eripiens abiecit dicens: "Nec est portio diaboli". Tercius lota extergens me ut fueram et sum restituit...*» [9 fols. 17vb].

¹⁴“*sigillum prophetarum, dominus nuntiorum, melior prioribus*” [9 fols. 17va].

¹⁵Такую же цель в общем преследуют и другие сочинения из Толедской коллекции, переведенные по инициативе Петра Достопочтенного, например «Доктрина Магомета» [9 fols.19r-25v]. См. подробнее о понятии «печати пророка» в исламе: [13 с. 65–96].

лопаток» (*inter scapulas... karaceterem*). Занимающее пространство на уровне этих четырех строк текста вдоль правого края первой из двух колонок изображение вряд ли было импровизацией. Голова нарисованного существа немного приплюснута, рисунок включен в текст так плотно, что извивающийся хвост пришлось вписать между словами *ipsum* и *esse* (Рис. 2). Изображение не похоже на инициал и не является концом фразы, и можно с уверенностью сказать, что речь идет о запланированном заранее рисунке.

Теперь настало время сопоставить это изображение с текстом, который оно призвано иллюстрировать. Примечательно, что, говоря о знаках избранничества, латинский текст употребляет слово *macula* для обозначения отметины на лбу Мухаммада и слово *karacter* – для описания печати на спине. Надо сказать, что когда в Вульгате говорится о печати избранничества на челе праведников, то применяются другие слова – *signo*, *signum*. Так, например, в седьмой главе Откровения Иоанна Богослова (7:3), описывающей борьбу Церкви с дьяволом в конце света, избранники Бога, которые избегнут гибели, будут отмечены печатью на челе: «не делайте вреда ни земле, ни морю... доколе не положите печати на челах рабов Бога нашего (*quoadusque signemus* [здесь и далее курсив мой. – С. Л.] *servos Dei nostri in frontibus eorum*)» (Откр. 7:3)¹⁶. В Апокалипсисе (7:4) упоминаются 144 тысячи таким образом запечатленных праведников (*quadraginta quattuor milia signati*): «...и я слышал число запечатленных: запечатленных было сто сорок четыре тысячи из всех колен Израилевых»¹⁷. Однако Герман Далматинский в своем переводе арабского текста вместо привычного слова *signum* употребляет другое – *macula*. Оно же, как мы можем убедиться, означает «пятно», а в расширительном смысле – позор, бесчестье, т. е. имеет отчетливые негативные коннотации. Синонимом *macula* в тексте является слово *karacter*, обозначающее печать между лопаток Мухаммада. Этот термин, в отличие от *macula*, встречается в Вульгате, но в специфическом контексте. В каком же? В 13-й главе Откровения апостола Иоанна говорится об Антихристе (13:1–7), который хулил Бога и вел войну со святыми, а также о действующем его властью лже-пророке (13:11–18). Этот фальшивый пророк обольщал чудесами и знамениями живущих на земле сделать образ апокалиптического зверя (Антихриста) и

¹⁶ См. текст Вульгаты [16]: “*dicens nolite nocere terrae neque mari neque arboribus quoadusque signemus servos Dei nostri in frontibus eorum*”.

¹⁷ [16]: “*et audivi numerum signatorum centum quadraginta quattuor milia signati*”.

поклоняться ему, от чего праведники откажутся, а тем, кто согласится почитать зверя, «положено будет начертание на правую руку или на чело их» (*character in dexteram manu aut in frontibus suis*)¹⁸, и «никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его 666» (*character nomen bestie aut numerum eius... sescenti sexaginta sex*)¹⁹. В Апокалипсисе (14:9–10) говорится, что «кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое и руку свою, тот будет пить вино ярости Божьей»²⁰, а те, кто «не поклонялись ни зверю, ни образу его, и не приняли начертание на чело свое и руку свою (*characterem in frontibus aut in manibus suis*)», в Судный день спасутся и будут царствовать со Христом²¹. Сам же апокалиптический зверь и с ним лжепророк, производивший чудеса перед ним, которыми он обольстил «принявших начертание зверя и поклоняющихся его изображению» (*qui acceperunt characterem bestiae qui et adorant imaginem eius*)²², оба живые «брошены в огненное, горящее серою озеро». Таким образом, в «Откровении ап. Иоанна Богослова» *character* – это печать на правой руке и челе, являющаяся знаком Зверя, последователей Антихриста²³, точно так же, как *signum* – печать на челе избранников Божьих, которые не приняли печати Антихриста и спасутся, в то время как те, кто принял начертание зверя (*character bestie*), не избежат «ярости Божией» (Откр. 14:10). Так противопоставляются избранники Божьи с печатью на челе и поклонившиеся «образу зверя» и принявшие его начертание. Совершенно не случайно слово «*character*» употребляется как в пассаже, иллюстрируемом рисунком на fol. 11r, так и в упомянутом выше

¹⁸ [16]: “Et faciet omnes pusillos et magnos et divites et pauperes et liberos et servos habere character in dexteram manu aut in frontibus suis...”

¹⁹ См. [16]: “et ne quis possit emere aut vendere nisi qui habet character nomen bestie aut numerum eius...et numerus eius est sescenti sexaginta sex”.

²⁰ [16]: “si quis adoraverit bestiam et imaginem eius et acceperit characterem in fronte sua aut in manu sua et hic bibet de vino irae Dei”.

²¹ Ibid.: “et qui non adorauerunt bestiam neque imaginem eius nec acceperunt characterem in frontibus aut in manibus suis et vixerunt et regnaverunt cum Christo mille annos...”

²² [16,19:20]: “et apprehensa est bestia et cum illo pseudopropheta qui fecit signa coram ipso quibus seduxit eos qui acceperunt characterem bestiae qui et adorant imaginem eius vivi missi sunt hii duo in stagnum ignis ardentis sulphurae...”

²³ *Character* в буквальном смысле значит «тавро», «клеймо», – см.: [17 с. 1144].

рассказе о том, как «муж с сияющим ликом» ставит печать между лопаток новорожденного Мухаммада²⁴. В вышеприведенном контексте знак пророческого избранничества, о котором говорится в сочинении, печать пророка превращается под пером переводчика Германа Далматинского в клеймо, в знак демонической силы, искусителя, постыдный знак, т. е. в свою противоположность. И весь предыдущий рассказ о мистическом божественном свете, о «знаке пророков» (*signum prophetarum*) также, видимо, приобретает совершенно иной смысл. И таким образом, Мухаммад оказывается не пророком и не посланником Бога, не избранником Божиим, а орудием сатаны, отмеченным печатью Антихриста. Об этом как бы предупреждает читателя находящийся на первой странице рисунок, который создает предзаданное толкование текста, изменяя суть его содержания.

Подобная интерпретация образа Мухаммада хотя и противоречит смыслу переведенного Германом Далматинским трактата, но хорошо вписывается в общий замысел Толедского корпуса, как и всей христианской традиции. Ведь за несколько страниц до сочинения о происхождении Мухаммада Петр Достопочтенный высказывает суждение, согласно которому пророк ислама является неким связующим звеном между Арием и Антихристом: «Кажется, по праву нечестивейший Магомет (*impiissimus Mahumet*) был избран и подготовлен дьяволом в качестве посредника между тем и другим (Арием и Антихристом), так как он некоторым образом стал, пожалуй, в душах неверных как дополнением к учению Ария, так и пищей для Антихриста, который будет утверждать еще худшее, чем Арий»²⁵.

Мухаммад-Антихрист

Стоит вспомнить, что Мухаммад изображался псевдо-пророком и Антихристом в ряде текстов, написанных еще в IX в. в мусульманской Испании, задолго до составления Толедской коллекции. Для епископа из Кордовы Евлогия Мухаммад – лже-пророк (*pseudo-propheta*), провозвестник конца времен и предтеча Антихриста

²⁴ См. примеч. 20.

²⁵ [2 с. 16]: “*Antichristus tandem nullo modo illum Deum vel Dei Filium, sed nec etiam bonum hominem fuisse asserendo consummaturus est, merito impiissimus Machumet, inter utrumque medius, a diabolo provisus ac praeparatus esse videtur, qui et Arii quodammodo supplementum et Antichristi peiora dicturi apud infidelium mentes maximum fieret nutrimentum...*”

(*percursor Antichristi*)²⁶. Составленное им жизнеописание Мухаммада является своеобразной иллюстрацией новозаветного текста: «многие лже-пророки восстанут, и прельстят многих» (Мф 24:11). Примечательно, что все в той же Толедской коллекции в «Апологии аль-Кинди» христианин в своем письме мусульманину (*Rescriptum Christiani*), написанном с целью разоблачения ислама, разработал целую систему аргументов для доказательства того, что Мухаммад – лже-пророк: во-первых, он не сумел предсказать будущее, во-вторых, не совершал чудес и, в-третьих, вел развратный образ жизни [19 с. 55–56]. Его аргументацию заимствует испанский писатель Педро Альфонси для своего «Диалога с иудеями», где в пятой главе он излагает биографию Мухаммада, которого изображает как фальшивого пророка²⁷. Позже трактатом аль-Кинди вдохновится и сам Петр Достопочтенный и, используя все те же приемы, напишет сочинение «Против сарацинской секты», большая часть которого посвящена разоблачению пророческого дара Мухаммада [2 с. 167]. Наконец, в 1199 г., накануне очередного крестового похода, папа Иннокентий III в одном из своих писем отождествляет Мухаммада с числом апокалиптического зверя 666 [21 с. 261–277]. Так в средневековой литературе было принято толковать жизнь и деятельность учителя мусульман. И конечно, переведенный Германом Далматинским яркий и красочный текст о пророческом даре Мухаммада следовало также вписать в существующую христианскую традицию, что, собственно, и сделал средневековый ученый, своеобразным способом переосмыслив сочинение арабского автора...

Заключение

Петр Достопочтенный, приехавший в Толедо познакомиться с мусульманскими памятниками, к которым он питал явный интерес, действительно желал познакомить христиан с исламом. Однако, как мы видели, главная цель его проекта все же заключалась в том, чтобы создать «арсенальное оружие» (*armarium*) для борьбы против ислама и, вооружившись новыми знаниями, разоблачать чуждое христианству учение. Прекрасно понимая опасность увлечения западными христианами богатейшей исламской культурой, клюнийский аббат желал предупредить их о губительности подобных пристрастий: «Может быть, изданный том будет препятствовать

²⁶ [18 col. 481].

²⁷ [20 col. 601]: “*Indicia namque veri prophete sunt probitas vitae...*”

нашим тайным помыслам, которыми могут быть введены в соблазн те, кто думают, что у этих нечестивых может быть какое-то благочестие и что у слуг лжи может быть какая-то истина» [18 с. 56, 58].

Статья выполнена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 17-01-00030 РФФИ «“Легенда” о Магомете: средневековые образы ислама».

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “ ‘The Legend of Mohammed’ in the West: medieval images of Islam”, no. 17-01-00030.

Литература

1. Vita Mahumeti / F. Hübner (ed.) // Historische Vierteljahrschrift. 1935. Bd. 29. S. 440–490.
2. *Petrus Venerabilis*. Schriften zum Islam / R. Gleis (hrsg.). Würzburg: Altenberge, 1985. 328 p.
3. *Guibert de Nogent*. Dei Gesta per Francos et cinq autres textes. Turnhout: Brepols. 1996. 443 p.
4. *Di Cesare M.* The Pseudo-historical Image of the Prophet Muhammad in Medieval Latin Literature. Berlin; Boston: De Gruyter, 2012. 541 p.
5. Vitae Mahometi. Reescritura e invención en la literatura cristiana de controversia / C.F. Hernández, Ó.de la Cruz Palma (eds). Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 2014. 386 p.
6. *Kritzeck J.* Peter the Venerable and Islam. Princeton: Princeton University Press, 1964.
7. *Theodor Bibliander*. Machumetis Sarracenorum principis eiusque successorum vitae, ac doctrina, ipseque Alcoran. Basel, 1543. 163 p.
8. *d'Alverny M.-Th.* Quelques manuscrits de la “Collectio Toletana” // *Petrus Venerabilis 1156–1956. Studies and Texts Commemorating the Eighth Centenary of His Death* / G. Constable, J. Kritzeck (eds.). Rome: Herder, 1956. P. 202–218.
9. Ms. 1162. Bibliothèque de l'Arsenal. 119 fols.
10. *d'Alverny M.-Th.* Deux traductions latines du Coran au Moyen âge // *Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Âge*. 1948. Vol. 16. P. 81–82.
11. *Cahn W.B.* The “Portrait” of Muhammad in Toledan Collecton // *Reading Medieval Images. The Art Historian and the Object* / C. Seers, T.K. Thomas (eds.). Ann Arbor, MI: University of Michigan, 2002. P. 51–60.
12. *Hamburger J.F.* Script as Image. Leuven; Paris: Peeters, 2014. 71 p.

13. Rubin U. The Seal of Prophets and the Finality of Prophecy // Zeitschrift der Morgenländischen Gesellschaft. 2014. Bd. 164. Hf. 1. S. 65–96.
14. *Ибн Хишам*. Жизнеописание Пророка Мухаммада, рассказанное со слов аль Бакаки, со слов Ибн Исхака аль Мутталиба (первая половина VIII века) / пер. с арабского Н.А. Гайнуллина. М.: УММА, 2007. 655 с.
15. Schimmel A. Und Muhammad ist sein Prophet: die Verehrung des Propheten in der islamischen Frömmigkeit. München: Diederich, 1995. 280 p.
16. Apocalypsis // Biblia Sacra (iuxta vulgatam versionem). Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1983. 3 Auflage. P. 1882–1907.
17. *Du Cange Ch.D.* Glossarium mediae et infimiae latinitatis. In 6 vols. Vol. 1. Paris: Niort, 1883. 186 p.
18. *Eulogius Cordubensis*. Liber apologeticus martyrum // Corpus scriptorium muzarabicorum / J. Gil (ed.). In 2 vols. Madrid: Instituto Antonio de Nebrija, 1973. Vol. 2. P. 475–495.
19. Exposición y refutación del Islam. La version Latina de las epistulas de al-Hasimi y al-Kindi / F. Gonzalez Muñoz (ed.). A Coruña: Universida de da Coruña, 2005. 290 p.
20. *Petri Alfonsi ex Judaeo Christiani Dialogi contra Judaeos* // Patrologiae cursus completus. Parisiis: apud Garnier Fratres, 1843. Vol. 157. Cols. 672–706.
21. *Alphandéry P.* Mahomet-Antichrist dans le Moyen âge latin // Mélanges Hartwig Derenbourg. Paris: Leroux, 1909. P. 261–277.

References

1. Hübner F., ed. Vita Mahumeti. *Historische Vierteljahrschrift*. 1935;29:440-90.
2. Gleï R., hrsg. Peter the Venerable. Works on Islam. Würzburg: Altenberge, 1985. 328 s.
3. Guibert of Nogent. The Deeds of God Through the Franks and Five Other Texts. Turnhout: Brepols. 1996. 443 p.
4. Di Cesare M. The Pseudo-historical Image of the Prophet Muhammad in Medieval Latin Literature. Berlin; Boston: De Gruyter, 2012. 541 p.
5. Hernández CF., Cruz Palma Ó. de la, eds. The Lives of Mahomet. Rewriting and Interpretation in the Christian Polemical Literature. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 2014. 386 p.
6. Kritzeck J. Peter the Venerable and Islam. Princeton: Princeton University Press, 1964.
7. Theodor Bibliander. The Life and Teaching of Mahomet, the Principle pf Saracens, and His Successors along with the Coran. Basel, 1543. 163 p.
8. d'Alverny MTh. Some manuscripts of the "Toledan Collection". Petrus Venerabilis 1156–1956. *Studies and Texts Commemorating the Eighth Centenary of His Death*. Rome: Herder, 1956. p. 202-18.
9. Ms. 1162. Bibliothèque de l'arsenal. 119 fols.

10. d'Alverny MTh. Two Latin Translations of the Coran Done in the Middle Ages. *Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Âge*. 1948;16:81-82.
11. Cahn WB. The "Portrait" of Muhammad in Toledan Collecton. Seers C., Thomas T.K., eds. *Reading Medieval Images. The Art Historian and the Object*. Ann Arbor, MI: University of Michigan, 2002. p. 51-60.
12. Hamburger JF. *Script as Image*. Leuven; Paris: Peeters, 2014. 71 p.
13. Rubin U. The Seal of Prophets and the Finality of Prophecy. *Zeitschrift der Morgenländischen Gesellschaft*. 2014;164(1):65-96.
14. Ibn Hisham. *Life of Mahomet from the Words of al Bakkai and Ibn Ishaq*. Moscow: UMMA Publ.; 2007. 655 p. (In Russ.)
15. Schimmel A. *And Muhammad is His Prophet. The Veneration of Prophet in the Islamic Piety*. München: Diederich, 1995. 280 p.
16. Apocalypsis. *Latin Vulgate Bible*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1983. 3 Auflage. p. 1882-1907.
17. Du Cange ChD. *Dictionary Medieval and Low Latin*. In 6 vols. Vol. 1. Paris: Niort, 1883. 186 p.
18. Eulogius of Córdoba. *The Book of Apology of Martyrs*. V: Gil J., ed. *Corpus scriptorium muzarabicorum*. In 2 vols. Madrid: Instituto Antonio de Nebrija, 1973. Vol. 2. p. 475-95.
19. Gonzalez Muñoz F., ed. *The Exposition and Refutation of Islam. The Latin Version of the Letters of al-Hashim and al-Kindi*. A Coruña: Universida de da Coruña, 2005. 290 p.
20. Peter Alfonso. *The Dialogues Against the Jews*. V: *Patrologiae cursus completus*. Parisiis: apud Garnier Fratres, 1843. Vol. 157. Cols. 672-706.
21. Alphandéry P. *Mahomet-Antichrist in the Latin Middle Ages*. *Mélanges Hartwig Derenbourg*. Paris: Leroux, 1909. p. 261-77.

Информация об авторе

Светлана И. Лучицкая, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, д. 32А; svetlana-luchitskaya@yandex.ru

Information about the author

Svetlana I. Luchitskaya, Ph. D in History, leading researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32A, Leninsky av., Moscow, Russia, 119334; svetlana-luchitskaya@yandex.ru

О транспозиции сальвационной функции в структуре сюжетного блока о рождении Рыцаря с лебедем

Ольга В. Попова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, popova.olga13w@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуется сюжетная структура старофранцузских поэм «Элиокса» и «Беатрикс», основанных на сюжетном блоке о рождении Рыцаря с лебедем, который имеет фольклорный генезис. В поэме «Элиокса» функцию спасителя выполняет женский персонаж, в типологически более поздней поэме «Беатрикс» – мужской. Перенос сальвационной функции с женского персонажа на мужского влечет за собой появление в сюжете «Беатрикс» эпизода судебного поединка. В «Беатрикс» усиливается роль сверхъестественного вмешательства, судебный поединок воспринимается как борьба Бога и дьявола. Ликвидация недостачи (в терминологии теории В. Проппа) мотивируется сверхъестественным вмешательством и интерпретируется как восстановление справедливости благодаря божественной помощи.

Ключевые слова: средневековая литература, фольклорный сюжет, мотив, Рыцарь с лебедем

Для цитирования: Попова О.В. О транспозиции сальвационной функции в структуре сюжетного блока о рождении Рыцаря с лебедем // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 283–294. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-3-283-294

The transposition of the salvational function in the structure of the thematic unit of the birth of the Chevalier au Cygne

Olga V. Popova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
popova.olga13w@mail.ru*

Abstract. The author of the article analyses the plot structure of the medieval French poems 'Elixoe' and 'Beatrix', based on the thematic unit of the birth of the Chevalier au Cygne, which goes back to folklore. In 'Elixoe' the salvational function is performed by the female character, whereas in the typologically later poem 'Beatrix' it belongs to the male character. In 'Beatrix' the transposition of the salvational function from the female to the male character results in the inclusion of the episode of ordeal by combat. The role of Divine intervention in 'Beatrix' is enhanced, and the legal fight is seen as the fight between God and the devil. The resolution of the state of disorder (in the terms of V. Propp's theory) is motivated by supernatural intervention and is interpreted as the restoration of justice by Divine aid.

Key words: medieval literature, the folklore plot, motif, Swan Knight (Chevalier au Cygne)

For citation: Popova OV. The transposition of the salvational function in the structure of the thematic unit of the birth of the Chevalier au Cygne. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;3(36):283-94. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-3-283-294

Введение

В средневековой литературе и словесности XII–XV вв. получает распространение сюжет о герое, известном под именем Рыцарь с лебедем. В текстах он называется этим именем потому, что, согласно сюжету, прибывает на свой главный подвиг в ладье, влекомой лебедем. Странствия и подвиги Рыцаря с лебедем отражены в разных литературных традициях: французской, немецкой, английской, испанской.

Во французской традиции в результате соединения сюжетных блоков о рождении, подвиге и смерти Рыцаря с лебедем к XIV в.

в процессе циклизации складывается сюжет о Рыцаре с лебедем. Старофранцузские поэмы о Рыцаре с лебедем вошли в эпический цикл о Первом крестовом походе. Рыцарь с лебедем фигурирует в них в качестве предка главного героя цикла – Готфрида Бульонского, предводителя Первого крестового похода, ставшего правителем Иерусалима. К концу XII в. происхождение Готфрида Бульонского уже ассоциировалось с Рыцарем с лебедем, который считался отцом его матери Иды [1 с. XV]. Поэмы дошли до нас в 11 манускриптах, датировка которых варьируется от середины до конца XIII в. [1 с. XXIV–LXVI]. Тексты, содержащиеся в манускриптах, написаны на пикардском диалекте, и территория нахождения манускриптов ограничивается северо-востоком Франции. Поэмы сочинены лессами, десятисложным стихом.

В статье рассматриваются две старофранцузские поэмы, основанные на сюжетном блоке о рождении Рыцаря с лебедем. Традиционно их называют «Элиокса» (“Elioxe”) и «Беатрикс» (“Béatrix”) в соответствии с именем матери главного героя. Несмотря на то что эти поэмы имеют значительные сюжетные различия, их принято считать двумя версиями одной поэмы, получившей название «Рождение Рыцаря с лебедем» (“La Naissance du Chevalier au Cygne”). Обе версии анонимные, но некоторые исследователи приписывают «Беатрикс» жонглеру Рено (Renaut) [2 с. 483].

Сравним сюжеты поэм «Элиокса» и «Беатрикс» и выявим их сюжетные расхождения. В основе сюжетного блока о рождении Рыцаря с лебедем, по всей видимости, лежит фольклорный сюжет о детях, превращенных в лебедей. Если выделить в поэме «Элиокса» основные мотивы, можно составить ее сюжетную схему. Для наглядности соотнесем ее с понятием «функция», которое В.Я. Пропп применяет к сюжету волшебной сказки:

Король женится на деве из иного мира

Свекровь не любит невестку, у невестки рождаются шестеро сыновей и дочь с золотыми/серебряными цепочками на шее, она умирает (начальная ситуация)

Свекровь крадет детей невестки (вредительство – 8)

У детей отнимают цепочки, и они превращаются в лебедей (недостача – 8-а)

Девочка, сохранившая человеческий облик, отправляется ко двору короля (начинающееся противодействие – 10)

Король узнает правду, лебедем возвращают цепочки, и они становятся людьми (кроме одного) (ликвидация недостачи – 19).

Если выделить основные мотивы в поэме «Беатрикс», ее сюжетная схема будет выглядеть следующим образом:

Свекровь не любит невестку, у невестки рождаются шестеро сыновей и дочь с золотыми/серебряными цепочками на шее (начальная ситуация)

Свекровь крадет детей невестки и подменяет их щенками (вредительство – 8)

У детей отнимают цепочки, и они превращаются в лебедей (недостача – 8-а)

Один из братьев, сохранивший человеческий облик, отправляется ко двору короля (начинающееся противодействие – 10)

Мальчик сражается с обидчиком своей матери и побеждает

Король узнает правду, лебедям возвращают цепочки, и они становятся людьми (кроме одного) (ликвидация недостачи – 19).

Сюжетные схемы поэм «Элиокса» и «Беатрикс» имеют несколько различий: в «Беатрикс» отсутствуют мотивы женитьбы короля и смерти королевы, но вводится мотив борьбы героя с обидчиком своей матери, который реализуется как участие героя в судебном поединке. Последнее различие представляется наиболее важным, так как позволяет установить относительную типологию этих поэм. По всей видимости, появление в «Беатрикс» эпизода участия героя в судебном поединке связано с тем, что в этой поэме функцию спасителя выполняет мужской персонаж, в то время как в «Элиоксе» – женский.

К вопросу об относительной типологии поэм «Элиокса» и «Беатрикс» впервые обращается Г. Парис. Исследователь считает, что присутствие в «Элиоксе» девочки, которая сохраняет человеческий облик и благодаря которой братья оказываются спасены, является характерной фольклорной чертой и указывает на первичность этой поэмы относительно «Беатрикс», а появление в «Беатрикс» эпизода судебного поединка и перенесение функции спасителя на одного из братьев является результатом влияния литературной традиции [3]. Позднейшие исследования сюжетного блока о рождении Рыцаря с лебедем, в частности работа Ф. Синклера, подтверждают выводы Г. Париса. По мнению исследователя, распределение гендерных ролей в «Элиоксе» – сестра спасает своих братьев – наиболее характерно для сказочного сюжета, поскольку иной пол героя-протагониста воспринимается как маркер его более активной функции спасителя [4].

Вывод о первичности сюжета «Элиоксы» относительно сюжета «Беатрикс» представляется убедительным. Доказательством того,

что сальвационную функцию в фольклорном сюжете о детях-лебедях выполняла именно девочка, можно считать само ее появление почти во всех произведениях, основанных на сюжетном блоке о рождении Рыцаря с лебедем. В «Элиоксе» у королевы рождаются шесть мальчиков и одна девочка; и только девочка сохраняет человеческий облик, хотя, как и ее братья, носит на шее волшебную цепочку. В «Беатрикс» и более поздней поэме «Рыцарь с лебедем и Готфрид Бульонский» XIV в. у королевы также рождаются шестеро сыновей и дочь, но человеческий облик сохраняет один из братьев, а сестра, как и остальные дети, превращается в лебедя и в дальнейшем не выполняет никакой функции. В процессе трансформации сюжетного блока о Рыцаре с лебедем происходит транспозиция сальвационной функции с женского персонажа на мужской, но упоминания женского персонажа продолжают появляться в поэмах, несмотря на то что они уже ничем не мотивированы.

Итак, сюжет старофранцузской поэмы «Беатрикс» представляет собой трансформацию сюжета типологически более ранней поэмы «Элиокса». Целью статьи является исследование того, как появление мужского персонажа-спасителя в «Беатрикс» влияет на трансформацию мотивной структуры сюжетного блока о рождении Рыцаря с лебедем.

Трансформация структуры сюжетного блока о рождении Рыцаря с лебедем

В поэме «Элиокса» присутствует мотив женитьбы короля на представительнице иного мира, отсутствующий в «Беатрикс». Согласно сюжету поэмы «Элиокса», встреча короля Лотара с его будущей женой происходит в лесу во время охоты. Преследуя оленя, Лотар сбивается с пути и засыпает около источника; с горы спускается дева, в тексте называемая Элиоксой, и накрывает его своим плащом. Исследователи указывают на амбивалентность символики горы в средневековых текстах. В мифологии она может выступать как мистическое обиталище богов, и отголоски этих представлений можно найти в эпических текстах. Как в эпосе, так и в рыцарском романе гора нередко появляется как топос, связанный с опасностями и приключениями [5]. Так или иначе, гора ассоциируется с иным миром, который находится вдали от мира людей. Существо, принадлежащее иному миру, наделяется пророческой функцией; предложение Лотара вступить в брак с девой мотивирует ее предсказание о том, что она умрет при рождении семерых детей, потомок

одного из которых будет править на Востоке. Несмотря на то, что мать Лотара Матросилия отговаривает его от женитьбы на Элиоксе, король женится на ней. О причинах недовольства Матросилии женитьбой ее сына, так же как о причинах ее нелюбви к невестке, не говорится ничего определенного: она лишь отговаривает его жениться на деве, о происхождении которой ему ничего не известно, и советует выбрать одну из знатных невест.

Кроме мотива предсказания в этой поэме присутствует мотив вещего сна: Элиоксе снится, что у ее ног лежало семь яблок из райского сада и ее свекровь у шести из них оторвала стебли. Лотар трактует сон Элиоксы как предсказание о рождении семерых детей, которые будут служить Богу. Истинный смысл сновидения остается скрытым от обоих персонажей, хотя отдельные детали им понятны. Можно заметить изменение установки создателя «Элиоксы»: переход от изображения героини как носительницы сакральной природы к изображению ее как жертвы несправедливости. В поэме присутствует мотив отлучки короля: Лотар отправляется в поход, чтобы отразить натиск языческого короля Гордоса из Палии, и оставляет Элиоксу на попечение своей матери; тем временем у Элиоксы рождаются шестеро сыновей и дочь с золотыми цепочками на шее, Элиокса умирает.

В поэме «Беатрикс» король носит имя Ориант, а его мать – Матабрюна. Исходная ситуация задается в самом начале поэмы и заключается только в нелюбви свекрови к невестке. О Матабрюне говорится, что она одержима дьяволом. С самого начала поэмы Беатрикс противопоставляется Матабрюне, но о предыстории, т. е. о женитьбе короля на деве, об их встрече, о ее происхождении, не говорится, и ничто не указывает на принадлежность королевы иному миру. В двух этих версиях сюжета по-разному представлена не только природа девы, которая впоследствии становится матерью чудесных детей, но и природа свекрови. В «Элиоксе» есть указания на принадлежность девы иному миру, в отношении свекрови подобные указания отсутствуют, несмотря на то что она выполняет функцию вредителя. В «Беатрикс», наоборот, делается акцент на принадлежности свекрови иному миру, но это уже не чудесный, как в «Элиоксе», а именно «чужой» мир, который в соответствии с христианским мировосприятием связан с дьявольским началом.

В отличие от «Элиоксы», где свекровь на самом деле верит в адюльтер, в «Беатрикс» Матабрюна только пользуется словами своей невестки для осуществления своего замысла известить ее. Король, напротив, при разговоре с Беатрикс верит во всемогущество Бога, хоть потом и соглашается с обвинениями в адюльтере. Рождение

семерых детей в обеих версиях происходит по воле Бога, но если в «Элиоксе» оно было предсказано самой героиней заранее, то в «Беатрикс» дети рождаются скорее в назидание самой героине, усомнившейся в божественном могуществе.

Тема сверхъестественного вмешательства в поэме «Беатрикс» проявляется и при реализации мотива кражи детей свекровью. Этот мотив является общим для обеих поэм, но если в «Элиоксе» козни свекрови не имеют четкой мотивировки (упоминается ее коварное сердце (*«felon cuer»*) и то, что она никогда не слышала о возможности рождения у женщины стольких детей одновременно), то в «Беатрикс» говорится, что мысль об убийстве детей Матабрюне внушил дьявол. О Беатрикс же сказано, что впоследствии Бог вернет ей все права. Создатель «Беатрикс» с самого начала стремится представить козни свекрови и последующее противодействие им как борьбу Бога и дьявола. Возможно, в том числе привнесением этого смысла объясняется тот факт, что Беатрикс остается в живых – она как персонаж, наделенный христианскими добродетелями, противостоит свекрови, одержимой дьяволом, и это противостояние должно закончиться победой Бога. Кроме того, именно Беатрикс, а не ее дети в первую очередь позиционируется как персонаж, в отношении которого совершается несправедливость, и, согласно логике сюжета, эта несправедливость должна быть устранена.

Превращение детей в лебедей в обеих поэмах происходит после того, как персонаж, наделенный, как и свекровь, функцией вредителя, снимает с них цепочки (в «Элиоксе» это слуга Рюдемар, в «Беатрикс» – лесничий Мокарэ). Согласно сюжету обеих поэм, дети живут у отшельника, который нашел их в лесу и воспитывает. В «Элиоксе» человеческий облик сохраняет девочка, лежащая в стороне от своих братьев, в «Беатрикс» превращения избегает один из мальчиков, поскольку уходит в город вместе с отшельником.

Как в «Элиоксе», в «Беатрикс» один из детей, сохранивший человеческий облик, в определенный момент покидает отшельника и отправляется в город, ко двору своего отца. В «Элиоксе» девочку посылает в город сам отшельник, давая ей наставления. Согласно сюжету, в городе девочка находит своих братьев, не предпринимая для этого осознанных действий: она идет к реке, чтобы размокнуть хлеб, и видит там лебедей. В «Элиоксе» присутствуют персонажи, способствующие встрече короля и его дочери, но их действия также ничем не мотивированы: это слуга знатной дамы, который провожает девочку к замку, и сенешаль короля. Слуга замечает золотую цепочку и расспрашивает о ней, на что девочка отвечает, что эту цепочку она носит от рождения, а ее мать умерла, родив семерых детей. Сенешаль

рассказывает королю о девочке, которая кормит лебедей, и упоминает о золотой цепочке на ее шее. В «Беатрикс» повествованию о том, как юноша покидает жилище отшельника, предшествует описание явления ангела: ангел является отшельнику ночью и рассказывает о родителях детей и о том, что утром юноша должен отправиться в город и сразиться за свою мать, иначе ее ждет казнь.

Таким образом, в «Беатрикс» появляется более четкая мотивировка действий персонажа, выполняющего сальвационную функцию. Если в «Элиоксе» девочка отправляется в город по настоянию отшельника и находит своих братьев случайно, то в «Беатрикс» юноша целенаправленно ищет замок короля, исполняя веление ангела. Но в обеих версиях персонаж-спаситель пассивен и не предпринимает каких-либо определенных действий для поиска детей-лебедей и возвращения им цепочек.

В «Элиоксе» активные действия совершает король: узнав от слуги о девочке, кормящей лебедей, он решает на следующий день понаблюдать за ней. Лотар убеждается, что сенешаль сказал правду, и расспрашивает девочку, кто она и откуда у нее на шее золотая цепочка. Услышав рассказ девочки, король вспоминает о сне Элиоксы и ее пророчестве о рождении чудесных детей и просит Матросилию рассказать правду и вернуть золотые цепочки. Недостача устраняется: на шеи лебедей надевают цепочки, они принимают человеческий облик, и только один из них, чья цепочка была переплавлена, остается лебедем.

В «Беатрикс» поведение короля более пассивно, чем в «Элиоксе», он не предпринимает каких-либо действий, чтобы узнать правду. Правда становится известна благодаря последующим действиям его сына: приближаясь к городу, юноша видит короля верхом на коне в сопровождении свиты, удивляется и спрашивает его, на каком животном он едет. Король отвечает на его вопрос, называет свое имя и спрашивает, как зовут юношу. Юноша не знает своего имени и отвечает, что его зовут Дорогой Сын («Viaus Fius»). Вероятно, это заимствование из «Персеваля» Кретьена де Труа. Заимствования из романа Кретьена появляются в тексте «Беатрикс» и в эпизоде обучения владения оружием (облачившись в доспехи, юноша, как и Персеваль, заявляет, что его старый наряд намного удобнее). В «Беатрикс», как и в «Персевале», в описании поступков и речей юного героя реализуется модель поведения простака. Но в сцене встречи с королем, кроме вопроса об имени, нет других заимствований из аналогичного эпизода романа Кретьена, в котором герой встречает в лесу рыцарей. В «Беатрикс» король Ориант признается юноше, что очень опечален. На вопрос юноши о причине его грусти Ориант отвечает, что должен

казнить свою жену за то, что она родила семерых щенков. Юноша говорит ему, что этого не случится, если он справедливый король, и Бог для этого привел его сюда. Таким образом, король в «Беатрикс» не наделяется функцией спасителя, но и не противодействует герою, к которому эта функция переходит.

Введение в сюжет образа героя, совершающего подвиг, мотивирует в «Беатрикс» описания, характерные для куртуазной литературы. Король дарует своему сыну, получившему при крещении имя Элиас, доспехи и посвящает его в рыцари. Еще до этого Матабрюна, согласно своему обещанию, посвящает в рыцари лесничего Мокарэ. Приняв крещение и будучи посвященным в рыцари, Элиас просит короля дать ему наставника, чтобы тот обучил его владению оружием. Король соглашается, и один из придворных, показывая Элиасу различные части доспехов и объясняя их назначение, рассказывает, как обращаться с оружием, а также учит правилам ведения поединка. Обучение Элиаса описывается в форме вопросов и ответов: Элиас спрашивает о неизвестных ему вещах, а наставник отвечает ему.

В эпизоде поединка в «Беатрикс» вводится мотив божественной помощи: Элиасу покровительствует Бог, а Мокарэ сохраняет колдовство Матабрюны посредством волшебных камней на своем шлеме. Элиас получает оружие от короля, и король дарует ему, в том числе, белый щит с изображением красного креста, вероятно ассоциировавшийся с эмблемой крестоносцев. После победы Элиаса Матабрюна бежит в замок Мобриант. Королеву освобождают, Элиас рассказывает правду о своих братьях и сестре. Цепочки надевают на шеи лебедей, они принимают человеческий облик, кроме одного, чья цепочка была переплавлена по приказу Матабрюны. Описывается осада Элиасом замка, в котором укрылась Матабрюна, и победа над ее рыцарями. Перед тем, как Элиас отправляется на поединок с Ондрэ, одним из рыцарей Матабрюны, ему является ангел и предупреждает, что на помощь Ондрэ придут еще 10 рыцарей, укрывшихся в лесу по приказу Матабрюны. В «Беатрикс» восстановление справедливости происходит только после наказания зрителя: после победы Элиаса над рыцарями Матабрюны ее сжигают на костре. Рассказу о дальнейших странствиях Элиаса вместе с братом-лебедом, который берет его ладью, предшествует явление ангела, по совету которого герой и отправляется в путь.

Итак, в сюжетах рассматриваемых поэм можно выделить следующие различия. В «Элиоксе» есть косвенные указания на сакральную природу главной героини: король встречает ее во время охоты в лесу у источника, она спускается с горы. Природу Беатрикс нельзя назвать сакральной, о ее происхождении не говорится, а Бог только

помогает ей, поскольку она несправедливо обманута. В «Беатрикс» козни свекрови направлены не только на невестку, но и на ее детей, поскольку она желает их смерти, а не только сокрытия правды, и ее действия объясняются дьявольским вмешательством. Различным образом происходит устранение магического предмета: в «Элиоксе» девочка присутствует при том, как детей лишают волшебных цепочек, в «Беатрикс» мальчик не знает, что произошло, и правду рассказывает ангел.

С переносом функции спасителя с женского персонажа на мужской связаны наиболее важные сюжетные расхождения. Перенос функции влечет за собой появление дополнительных мотивов, из которых складывается героическая биография Рыцаря с лебедем. Состояние, в котором он пребывает до совершения им юношеских подвигов: жизнь в лесу, воспитание его отшельником, недостаточность знаний о мире рыцарства и куртуазии, – логичным образом влечет за собой использование модели простака. Похожая модель используется в романе «Персеваль» Кретьена де Труа. Стоит отметить, что текстовые заимствования из романа Кретьена связаны только с приобретением героем знаний о рыцарском снаряжении и тактике ведении боя, а элементы куртуазного воспитания полностью отсутствуют. Для сюжета рыцарского романа наиболее значимо именно обучение куртуазному поведению, поскольку в дальнейшем именно оно мотивирует «осечку» Персеваля. Для сюжета «Беатрикс» оно не столь важно, в то время как изначальная простота героя и его неумение обращаться с оружием усиливают роль божественного покровительства, которое сопутствует герою при совершении им первого подвига.

В «Беатрикс» можно заметить усиление роли божественного и дьявольского вмешательства в ход описываемых событий. Рождение семерых детей у Беатрикс – уже не подтверждение ее чудесной природы, как в «Элиоксе», а назидание ей же самой. В «Беатрикс» трижды происходит явление ангела. В первый раз через отшельника ангел направляет юношу на защиту своей матери, во второй раз ангел предупреждает Элиаса об опасности во время осады замка Матабрюны, в третий раз ангел является Элиасу и велит ему отправиться в странствия на поиски других приключений.

Кроме того, в «Беатрикс» появляется тема борьбы Бога и дьявола, отсутствующая в «Элиоксе»: Бог, защищая Элиаса во время поединка, противостоит дьяволу, влиянием которого мотивируются козни Матабрюны. С темой дьявольского вмешательства, вероятно, связано и наказание свекрови в «Беатрикс». Если в «Элиоксе» король прощает Матросилию, скрывавшую правду

из-за своего собственного неверия в честность невестки, то в «Беатрикс» Матабрюну сжигают на костре. Элиас противостоит Матабрюне, одержимой дьяволом, и преданно служащему ей Мокарэ, которые, собственно, и создают мотивировку для его подвига. Особенно отчетливо это видно на примере описания поединка, в котором Элиасу покровительствует Бог, а Мокарэ – дьявол, и Элиас побеждает, несмотря на свою юность и неопытность.

Заключение

Таким образом, транспозиция сальвационной функции с женского персонажа на мужской и появление в сюжетном блоке о рождении Рыцаря с лебедем мотива борьбы героя с обидчиком своей матери напрямую связано с усилением роли сверхъестественного вмешательства в ход описываемых событий. Сверхъестественной помощью мотивируется победа одного персонажа и поражение другого и, в конечном итоге, ликвидация недостачи. Если в фольклорном сюжете мотивировка ликвидации недостачи, как правило, не требуется, то в процессе трансформации фольклорного сюжета после вхождения его в эпико-романную традицию у ликвидации недостачи появляются дополнительные мотивировки: она трактуется как победа Бога над дьяволом и восстановление справедливости благодаря божественному вмешательству.

Благодарности

Выражаю огромную благодарность моему научному руководителю Инне Геральдовне Матюшиной за ценные замечания и помощь в работе над исследованием.

Литература

1. La naissance du Chevalier au Cygne: Elixoë / E.J. Mickel (ed.); Beatrix / J.A. Nelson (ed.) // The Old French Crusade Cycle. In 9 vols. Tuscaloosa; London: University of Alabama Press, 1977. Vol. 1.
2. *Barron W.R.J.* Versions and Texts of the Naissance du Chevalier au Cygne // Romania. 1968. Т. 89. № 356. P. 481–538.
3. *Paris G.* La Naissance du Chevalier au Cygne, ou les Enfants changés en cygnes, french poem of the XIIth century, published for the first time, together with an uned-

- ited prose version, from the Mss. of the National and Arsenal libraries in Paris, with introduction, notes and vocabulary, by Henry Alfred Todd, 1889 [compte-rendu] // *Romania*. 1890. T. 19. № 74. P. 314–340.
4. Sinclair F. Sacrifice, suppression, subversion: Redefining the feminine in the Enfants-Cygnés epics // *Olifant*. 1995. Vol. 20. P. 33–61.
 5. Boutet D. La Montagne dans la chanson de geste: topique, rhétorique et fonction épique // *La montagne dans le texte médiéval: entre mythe et réalité* / Claude-Al. Thomasset, Danièle James-Raoul (eds.). Paris: Presses de l'Université de Paris Sorbonne, 2000. P. 227–242.

References

1. La naissance du Chevalier au Cygne: Mickel EJ., ed. *Elioxe*; Nelson JA., ed. *Beatrix. The Old French Crusade Cycle*. In 9 vols. Tuscaloosa; London: University of Alabama Press, 1977. Vol. 1.
2. Barron WRJ. Versions and Texts of the Naissance du Chevalier au Cygne. *Romania*. 1968;89(356):481-538.
3. Paris G. La Naissance du Chevalier au Cygne, ou les Enfants changés en cygnes, french poem of the XIIth century, published for the first time, together with an unedited prose version, from the Mss. of the National and Arsenal libraries in Paris, with introduction, notes and vocabulary, by Henry Alfred Todd, 1889 [compte-rendu]. *Romania*. 1890;19(74):314-40.
4. Sinclair F. Sacrifice, suppression, subversion: Redefining the feminine in the Enfants-Cygnés epics. *Olifant*. 1995;20:33-61.
5. Boutet D. La Montagne dans la chanson de geste: topique, rhétorique et fonction épique. Thomasset Claude-Al., James-Raoul D., eds. *La montagne dans le texte médiéval: entre mythe et réalité*. Paris: Presses de l'Université de Paris Sorbonne, 2000. p. 227-42.

Информация об авторе

Ольга В. Попова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; popova.olga13w@mail.ru

Information about the author

Olga V. Popova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; popova.olga13w@mail.ru

О риторических моделях Данте в *Inferno* XIII

Елена Н. Мошонкина

*Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия,
el.moshonkina@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена некоторым спорным вопросам, касающимся роли риторики в тринадцатой песне первой кантики «Божественной комедии». В современном дантоведении закрепились точка зрения, согласно которой богатейшая риторическая аранжировка, отличающая данную песню, используется Данте для создания языкового портрета одного из главных ее протагонистов, советника императора Фридриха II и выдающегося мастера *ars dictaminis* Пьера делла Винья, в трагической судьбе которого автор «Комедии» якобы усматривает параллели с собственной историей. Прямым логическим следствием теории «Пьер как *alter ego* Данте» является тенденция сводить функцию риторики в *Inferno* XIII к мимезису и по умолчанию отождествлять риторическую модель песни с *ars dictaminis*. Автор статьи анализирует уязвимые аспекты данной трактовки; разбирает альтернативную гипотезу Д. Хиггинса, согласно которой моделью для Данте послужила античная судебная риторика, и в частности трактат Цицерона «*De inventione*»; наконец, останавливается на том, каким образом эта гипотеза меняет наши представления о роли риторики в поэтике «Комедии».

Ключевые слова: «Божественная комедия», Данте, Пьер делла Винья, риторика, Цицерон, «О нахождении», *ars dictaminis*

Для цитирования: Мошонкина Е.Н. О риторических моделях Данте в *Inferno* XIII // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 295–315. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-3-295-315

Dante's rhetorical models in Inferno XIII

Elena N. Moshonkina

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia, el.moshonkina@gmail.com

Abstract. The paper discusses some controversial questions concerning the role of rhetoric within Canto XIII of the 'Inferno' in the *Divine Comedy*. According to the point of view adopted in contemporary Dante studies, the canto's sumptuous rhetorical orchestration was designed by Dante to create a stylistic portrait of the canto's main character, the Chancellor of Emperor Frederick II and a distinguished *dictatore* Pier della Vigna, in whose tragic destiny the poet allegedly saw parallels with his own life. The direct consequence of the theory of "Pier as Dante's *alter ego*" is a widespread tendency to reduce the role of rhetoric in 'Inferno' XIII to simple mimesis and to identify *ars dictaminis* as the canto's only default model. The author first exposes the weak points of this interpretative approach, then analyses an alternative hypothesis (formulated by D. Higgins) of Cicero's "De inventione" and the ancient forensic rhetorical tradition as Dante's primary sources of inspiration. Finally, she gives a few insights on how this last thesis changes our perception of the role of rhetoric in the poem's poetics.

Key words: "Divine Comedy", Dante, Pier della Vigna, rhetoric, Cicero, "De inventione", *ars dictaminis*

For citation: Moshonkina EN. Dante's rhetorical models in Inferno XIII. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;3(36):295-315. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-3-295-315

Введение

Необыкновенная популярность, которой пользуется у дантоведов тринадцатая песня первой кантики «Божественной комедии», не в последнюю очередь связана с высочайшим уровнем ее риторической разработки¹, обусловленным, как принято считать, тем, что

¹ Анна Кьяваччи Леонарди называет эту песню «одной из самых совершенных» в Inferno [1 с. 387]. По мнению же Дэвида Хиггинса, «изобилие риторических приемов, встречающихся в песне, особенно заметное в первой развернутой речи Пьера, обращенной к Данте (vv. 55–78), делает данный пассаж "Комедии" особенно интересным для исследователей средневековой литературной стилистики» [2 с. 63]. Об уровне риторической разработки

одним из главных персонажей *santo* является советник императора Фридриха II, представитель сицилийской поэтической школы и ярчайший представитель культуры *ars dictaminis* (одним из центров которой, наряду с Римской курией, была в XIII в. императорская канцелярия) Пьер делла Винья².

Несмотря на колоссальный объем посвященной Inferno XIII литературы (а возможно, отчасти именно поэтому), ее толковательная традиция включает в себя определенное количество «напластованных» с течением времени не критических оценок и субъективных мнений, которым удалось закрепиться в статусе практически аксиом. Эти «общие места» серьезно деформируют восприятие текста, сложная структура и изощренная риторическая разработка которого не «вписываются» в слишком прямолинейные и «удобные» объяснительные схемы. Я попытаюсь, во-первых, критически проанализировать некоторые уязвимые аспекты трактовки *santo*, принятой в современном дантоведении; во-вторых, обсудить важную гипотезу Дэвида Хиггинса, согласно которой именно трактат Цицерона «De inventione» (а не *ars dictaminis*, как принято считать) послужил Данте моделью для «оправдательной» речи Пьера; наконец, остановиться на том, каким образом эта гипотеза меняет наши представления о роли риторики в поэтике «Комедии».

Пьер делла Винья – alter ego Данте?

Анна Кьяваччи Леонарди³ выражает весьма распространенную точку зрения, когда отмечает в комментариях к «Комедии», что

песни можно судить даже по следующему неполному списку фигур: паронимазия (55–57), метафора (59–60, 64–65), анастрофа (72), полиптотон (25, 67–68), хиазм (v. 37, 102), этимологическая фигура (70–72), гипербатон (136), перифраза (vv. 143, 144). Особое место в этом ряду занимает полиптотон, один из любимых тропов Данте – например, он часто встречается в «Новой жизни». Однако аккуратные, ученические полиптотоны *libello* не идут ни в какое сравнение с буйством фантазии и технической виртуозностью, которыми отмечены три полиптотона Inferno XIII: так, *Cred'io ch'ei credette ch'io credesse* (vv. 25–27) по праву считается одним из самых красивых и знаменитых полиптотонов мировой литературы.

² О роли делла Винья и приписываемого ему «Эпистолярия» (*Epistolario di Pier della Vigna*) в формировании практики *ars dictaminis* см. [3].

³ Anna Maria Chiavacci Leonardi (1927–2014), “signora della Commedia”, автор авторитетнейших комментариев к «Комедии», опубликованных в издательстве Mondadori (1991/97).

в *Inferno* XIII Данте создает портрет делла Винья, используя те же риторические приемы, мастерским владением которыми прославился знаменитый *dettatore*,

так что вся песня целиком, а не только устная речь, представляет собой портрет и дань уважения ученому мужу, которым он был. <...> Во всей ткани эпизода, и даже всей песни, есть существенный элемент, подмеченный уже Де Санктисом, а затем прокомментированный многими критиками, – это его стиливая структура, задуманная как зеркальное отражение персонажа [1 с. 389].

Подобная трактовка роли риторики в песне (сводящая ее к миметической функции, воссозданию «портрета») опирается на целую цепочку произвольных допущений и гипотез, незаметным образом утвердившихся в ранге *фактов*. Знаменательно, например, что до сих пор нет ответа на важнейший для понимания поэтики *сanto* вопрос о том, почему главным протагонистом эпизода, посвященного самоубийцам, Данте выбрал именно делла Винья. Анна Кьяваччи Леонарди так резюмирует современное *communis opinio* на данный счет:

Не случайно представлять самоубийц выбран человек высокого положения и морального благородства. Как обычно, Данте, со своим глубоким пониманием человеческой природы, берет крайний случай <...>: невинного, праведника, который вследствие своего поступка оказывается несправедливым по отношению к самому себе: *ingiusto fece te contro te giusto* (*И правый стал перед собой неправ*⁴). Был ли Пьер действительно невинным, не имеет значения, даже если историки вроде бы склоняются к этому. Он олицетворяет верного подданного, преследуемого завистью, впавшего в немилость, с разрушенными славой и репутацией, как и у самого Данте. *Точно так же, как Франческа, Фарината и Улисс, Пьер, сохраняя свои исторические черты, оказывается двойником поэта*⁵. Он тоже выдающийся автор, пострадавший от несправедливого обвинения и осужденный теми, кого любил больше всего (тем, чем Фридрих был для Пьера, Флоренция была для Данте) [1 с. 388–389].

Даже если опираться только на формальное соответствие теме песни, «кандидатура» Пьера совсем не выглядит столь очевидной:

⁴ Здесь и далее текст поэмы приводится в переводе М.Л. Лозинского.

⁵ Курсив мой. – Е. М.

в истории можно найти примеры гораздо более известных самоубийц⁶, к тому же имя делла Винья в культуре позднего Дученто не ассоциировалось в первую очередь с его трагическим концом. Вопрос, однако, не сводится только к формальному соответствию или несоответствию. По сути дела, предложенная Кьяваччи Леонарди интерпретация есть не что иное, как объяснение *ad hoc*, опирающееся не на «факты» (текстуального или экстра-текстуального характера), а на серию имплицитно подразумеваемых посылок. В частности, исследовательница по умолчанию исходит из того, что: а) Пьер покончил с собой; б) в глазах Данте он олицетворяет несправедливо обвиненного праведника. Опираясь на это шаткое основание, Кьяваччи Леонарди заключает, что Данте усматривал параллели между судьбой Пьера и своей собственной и сочувствовал канцлеру Фридриха II как своему *alter ego*. Однако на чем основано это заключение? Если отталкиваться от текста самой поэмы, то следует признать, что почти ни на чем.

Напомню, что история Пьера делла Винья в «Комедии» дана в изложении самого Пьера, от первого лица. Это субъективная версия событий заинтересованного *персонажа*, и, строго говоря, нет оснований считать ее ни беспристрастной, ни совпадающей с точкой зрения Данте-автора⁷. Напротив, и Данте (автор и персонаж), и Вергилий (второй собеседник делла Винья в *santo*) тщательно избегают каких бы то ни было оценок озвученной Пьером версии. Сочувственная реплика Вергилия, обращенная к заключенному в куст духу канцлера (*spirito incarcerato, anima lesa*⁸), на которую любят ссылаться как на доказательство симпатии к его историческому прототипу, совершенно однозначно мотивирована событиями самой

⁶ Один из самых известных (и напрашивающихся на аналогию в контексте *sacrato* роема) – Иуда, о котором не случайно вспоминает в своем комментарии к *Inf. XIII* (вторая редакция) Пьетро Алигьери.

⁷ Предвидя упреки в анахронизме (т. е. механическом переносе современных аналитических категорий и приемов на творчество автора, далекого от эпистемологических открытий структурализма и постструктурализма), отсылаю читателя к работам Т. Баролини, М. Граньолати, А.Р. Асколи и З. Барански, подробно исследовавших новаторские аспекты дантовской концепции авторства и использованные им стратегии конструирования собственной *auctoritas* в качестве *автора, пишущего на вольгаре*. Как следует из этих работ, дантовские поиски в данном направлении во многом превосходят открытую гораздо позднее концепцию автора-творца, навязывающего читателю свою волю, но не совпадающего с лирическим героем.

⁸ *Inf. XIII* 47–48.

песни (сломанный сучок, причинивший духу боль, и вызванное этим чувство вины). Более того, целый ряд других, не сразу бросающихся в глаза факторов указывает на намеренную неоднозначность персонажа дела Винья, которую трудно объяснить, оставаясь в рамках концепции «alter ego»⁹.

Если же обратиться к историческим свидетельствам XIII в., хронологически предшествующим «Комедии» (т. е. созданным до того, как предложенная в ней версия событий приобрела статус «установленного факта»), то мы обнаружим совершенно иную, нежели у Кьяваччи Леонарди, картину¹⁰. В источниках, упоминающих о падении некогда могущественного логофета (1249), нет единодушия ни по вопросу о том, был или не был виновен Пьер, ни в том, каким именно образом он окончил свои дни (покончил с собой или был казнен). Историк Симонетта Бьянкини обращает внимание на малочисленность упоминаний о судьбе дела Винья в хрониках той эпохи. Согласно официальной версии императорской канцелярии, Пьер был казнен по обвинению в предательстве¹¹. О предполагаемом самоубийстве первым упоминает английский хронист Матвей Парижский (1200–1259):

⁹ Никто из комментаторов XIV в., кроме Дж. Боккаччо, не обратил внимания на то, что в *Inferno* XIII персонаж дела Винья ни разу не называет себя по имени и представляется собеседникам при помощи перефразы: *Io son colui che tenni ambo les chiavi / del cor di Federigo, e che le volsi, / serrando e diserrando, sì soavi, / che dal secreto suo quasi ogn' uom tolsi* (*Я тот, кто оба сберегал ключа / От сердца Федерика и вращал их / К затвору и к отвору, не звуча. Inf. XIII 58–60*). Несмотря на присутствие отдельных деталей, которые можно соотнести с биографией исторического Пьера, в его рассказе нет ничего конкретного. Если бы не упоминание императора Фридриха, историю можно было бы принять за разновидность *exemplum*, назидательного поучения о падении некогда могущественного анонимного куртизана. В то же время метафорическая абстрактность рассказа дела Винья оттеняется подчеркнутой индивидуальностью речевой манеры: именно риторико-стилистическая насыщенность речи Пьера «удостоверяет» его личность, и делает это гораздо лучше, чем ссылки на факты биографии.

¹⁰ Подробный анализ исторических свидетельств, относящихся к судьбе Пьера, можно найти в [4].

¹¹ Кроме того, в письме, адресованном весной 1249 г. графу Риккардо ди Казерта, Фридрих упоминает о коррумпированности Пьера, якобы объявлявшего врагами государства людей с целью конфискации их имущества – см. [5].

Матвей Парижский сообщает, что Пьер якобы пытался, в заговоре с придворным медиком, отравить Фридриха. Когда же заговор был раскрыт, подвергся ослеплению – обычное наказание для предателей императора – и был приговорен к унижительному выставлению напоказ в различных городах королевства, а затем к растерзанию жителями Пизы: «...здесь (в Пизе. – *Е. М.*), во избежание позора, Пьер якобы покончил с собой, с силой ударившись головой о колонну, к которой был прикован» [6 с. 66].

О предательстве Пьера (вступившего в сговор с папой) упоминают во второй половине XIII в. автор так называемой Реймской хроники [7 с. 127–128] и итальянский хронист Салимбене Пармский (1221–1288). Недоброжелательно настроенный по отношению к Фридриху Салимбене в качестве причины падения Пьера указывает также неблагодарность императора и *зависть* (мотив, к которому апеллирует в *Inferno* XIII и Пьер-персонаж). В этом последнем пункте с ним перекликается предполагаемый автор “*Storia fiorentina*” флорентиец Рикордано Малиспини (1220 circa – 1290 circa¹²). Начиная с XIV в., однако, характерная для Дученто многоголосица источников сменяется подозрительным единодушием: идея невиновности Пьера (как и версия о его самоубийстве) утверждается в качестве абсолютно доминирующей. Происходит это прежде всего благодаря авторам ранних комментариев к «Комедии», которые, как можно предположить, ассимилируют версию событий, содержащуюся в поэме.

Резюмируем сказанное: закрепившаяся в дантоведении (главным образом итальянском) в последние годы тенденция толковать *Inferno* XIII через призму идеи «Пьер как *alter ego* Данте» является, на мой взгляд, не подкрепленной аргументами конъектурой, продолжающей традицию, заложенную первыми комментаторами «Комедии» (XIV в.), которые явно находились под влиянием комментируемого текста в том, что касается невиновности Пьера, причин его падения и мотивов самоубийства. Ни древность, ни хронологическая близость к эпохе Данте не делает эту раннюю комментаторскую традицию надежным историческим источником. Как известно, уже в последние годы жизни поэта

¹² Вопрос о дате создания этого текста и характере его взаимоотношений с известной «Хроникой» Дж. Виллани до сих пор окончательно не разрешен. В последние годы специалисты все более склоняются к тому, что “*Storia fiorentina*” была создана во второй половине XIV в., т. е. значительно позже и «Комедии», и хроники Виллани.

и первые несколько десятилетий после смерти (1321) в Италии наблюдаются вполне отчетливые признаки его зарождающегося культа¹³: об этом свидетельствует многочисленность созданных в середине Треченто (и сохранившихся в большом количестве списков) комментариев [8] – верный признак популярности поэмы). «Комедия» быстро приобретает статус *авторитетного* текста в типично средневековом значении термина, т. е.: а) активно комментируемого (в том числе на латыни, что само по себе является подтверждением его *auctoritas*) и б) заслуживающего доверия¹⁴. Неудивительно поэтому, что первые *commentatori* не столько пытаются критически взглянуть на текст Данте, сколько послушно следуют за ним, расцветывая историю все новыми подробностями. Так, появляющиеся в комментариях XIV в. и не обнаруживаемые в более ранних источниках многочисленные новые детали, касающиеся обстоятельств самоубийства Пьера, позволили Луке Фьорентини сделать вывод о том, что эпизод делла Винья подвергся в эпоху Треченто позднейшей мифологизации¹⁵.

Несмотря на кажущуюся «очевидность», теория «Пьер как *alter ego* Данте» очень уязвима для критики, в первую очередь по причине своего преимущественно умозрительного характера. Неудивительно, что у нее есть оппоненты, в том числе весьма авторитетные: на неоднозначности трактовки фигуры делла Винья в поэме делает акцент один из ведущих современных дантоведов – американец Роберт Холландер¹⁶. Стоит напомнить, что специалист по эпохе Фридриха II Эрнст Канторович придерживался мнения о виновности Пьера. Излишне пояснять, что, даже гипотетическая, виновность Пьера вымывает почву из-под ног у любых спекуляций о «параллелизме» между ним и Данте. Между тем тенденция (присущая многим посвященным песне работам) сводить функцию риторики в ней к мимезису является как раз непосредственным логическим следствием идеи *alter ego*.

¹³ Просуществовавшего, впрочем, очень недолго.

¹⁴ Подробнее о средневековом концепте *auctoritas* и связанной с ним идее *авторства* см. [9].

¹⁵ «C'è che si ricava assume la fisionomia di una leggenda» [10 с. 166].

¹⁶ «Представляется очевидным, что при всей симпатии, которую Данте должен был испытывать к павшему канцлеру, его больше интересуют роковые ошибки, которые тот совершил, посвятив свою политическую карьеру разделению и завоеванию власти, и только этому. Для Данте жизнь в политике может быть справедливо прожита лишь под знаком настоящей империи» [11].

Приведенная выше цитата А. Кьяваччи Леонарди достаточно эксплицитна на данный счет¹⁷.

Чем плоха идея стилевой имитации и стилизации? В первую очередь тем, что она противоречит всему, что нам сегодня известно о поэтике и авторском самосознании Данте. Имитация ради имитации, стилевые пастиши никогда не были характерны для этого автора выраженного демиургического (причем уже с ранней юности) типа. В эпоху же создания «Комедии» его тяга к языковому и формальному экспериментаторству приобретает столь серьезные масштабы, что исследователи с полным основанием отмечают присутствие в поэме, наряду с «внешним» сюжетом, еще и второго, параллельного сюжета, разворачивающегося на уровне языка и *письма*. Не стоит забывать, что Данте в момент создания *Inferno* XIII – достигший творческой и человеческой зрелости, находящийся в расцвете сил автор, прекрасно осознающий масштаб собственной личности. Лишь человек, наделенный недюжинным, граничащим с гордыней комплексом собственной полноценности, мог соизмерять себя с Энеем и св. Павлом¹⁸, бросать вызов Лукану и Овидию (более того: по-чемпионски присуждать себе победу в заочном соревновании с ними¹⁹). По сравнению с этими колоссами Пьер делла Винья (при всем уважении к нему) выглядит слишком незначительной фигурой, чтобы человек с уровнем притязаний Данте мог воспринимать его как своего *alter ego*, находить интерес в подчеркивании параллелей между собой и «собратом по несчастью» или имитировать стилистику его текстов.

Традиция толковать *Inferno* XIII, акцентируя параллелизм судеб делла Винья и Данте, восходит к характерной для позднего Романтизма (в лице Франческо Де Санктиса) тенденции концентрировать внимание не на функции, которая отведена персонажам «Комедии» в тексте Данте, а на их исторических прототипах и степени реалистич-

¹⁷Идея, согласно которой Данте создает языковой портрет делла Винья, превратилась в общее место посвященных *Inferno* XIII штудий. В частности, П. Бойд считает, что «Данте предлагает здесь блестящий образец имитации стиля, который был знаком ему по стихам и письмам исторического Пьера» [12 с. 12]. Текстам делла Винья как возможным источником *Inf. XIII* посвящено несколько интересных работ, в частности Этторе Параторе [13]. Параторе, например, находит в тексте песни стилемы, которые, по его мнению, Данте заимствовал из сочинений Пьетро. Однако не все согласны с его выводами [2 с. 86].

¹⁸*Inf.* II 31–33.

¹⁹*Inf.* XXV 94–102.

ности их изображения в поэме. Понимание текста, таким образом, оказывается производным от понимания исторического прототипа, его характера. В случае *Inferno XIII* это выразилось в том, что риторическую модель песни исследователи по умолчанию отождествили с средневековой культурой *ars dictaminis*, в формировании которой Пьер делла Винья сыграл ключевую роль. От их внимания при этом ускользнули имеющиеся в тексте песни отсылки к античной судебной риторике. В отличие от своей средневековой «преемницы», ориентированной главным образом на потребности дипломатической переписки, античная риторическая традиция являлась прежде всего культурой устного состязательного выступления. Средневековые были знакомы с ней благодаря двум чрезвычайно популярным источникам – юношескому сочинению Цицерона “*De inventione*” («О нахождении») и приписывавшейся ему же “*Rhetorica ad Herennium*” («Риторика к Гереннию»), которую средневековые читатели считали позднейшей авторской переработкой первого текста.

О гипотезе Дэвида Хиггинса

Гипотеза, согласно которой именно античная судебная риторика и юношеский трактат Цицерона “*De inventione*”, в частности, послужили Данте моделью для знаменитой речи Пьера в *Inferno XIII*, была высказана в 1975 г. английским исследователем Д. Хиггинсом [2]. Но несмотря на убедительность предложенной Хиггинсом аргументации, не завоевала широкого признания. Хиггинс первым обратил внимание на то, что монолог делла Винья в *Inferno XIII*²⁰ включает в себя все обязательные в античной судебной традиции структурно-формальные элементы, а именно: *exordium* (vv. 55–57), *narratio* (58–61), *partitio* (62–63), *argumentatio* (64–72), *reprehensio* (или *refutatio*) (73–75), *peroratio* (76–78). Здесь требуется небольшое пояснение: несмотря на то, что на протяжении всего Средневековья намного более популярной оставалась «Риторика к Гереннию», есть веские основания полагать, что Данте использовал не ее, а аутентичный текст Цицерона: дантоведам не удалось обнаружить в текстах поэта явных отсылок к *rhetorica nova*, в то время как знакомство с *prima rhetorica* подтверждается упоминанием текста в трактате «Монархия»²¹.

²⁰ Inf. XIII 55–78.

²¹ “Propter quod bene Tullius in ‘Prima rethorica’: semper-inquit-ad utilitatem rei publicae leges interpretandae sunt, si rivela mnemonica” (Mn II V 2).

Детальный разбор речи Пьера позволил Д. Хиггину установить, что не только формальная структура речи, но и используемые в ней риторические приемы и стратегии соответствуют советам, которые адресует судебным ораторам Цицерон. Не имея возможности подробно комментировать анализ Хиггинса, остановлюсь лишь на нескольких наиболее интересных моментах.

Как следует из речи Пьера, ключевым в рамках его «дела» вопросом является предполагаемое предательство. Это особенно заметно в тех ее частях, которые Хиггинс отождествляет с *partitio* (vv. 62–63) и *refutatio* (vv. 73–75). Задача *partitio* заключалась в представлении основных пунктов разногласий между сторонами защиты и обвинения, которые в речи Пьера выглядят так:

fede portai al glorioso officio,	Неся мой долг, который мне был свят,
tanto ch'ì ne perde' li sonni e ' polsi.	Я не щадил ни сна, ни сил усталых

В *refutatio* обычно приводились дополнительные контр-аргументы, но в нашем случае, отмечает Хиггинс, Пьер понимает ее назначение буквально, как *опровержение* обвинения [2 с. 66]:

Per le nove radici d'esto legno	Моих корней клянусь ужасной кровью,
vi giuro che già mai non ruppi fede	Я жил и умер, свой обет храня,
al mio signor, che fu d'onor sì degno.	И господину я служил любовью!

Как можно понять из намеков, содержащихся в *partitio* и *refutatio*, недруги не только обвинили Пьера в предательстве, но и попытались представить его самоубийство как спровоцированное чувством вины. Логично поэтому стремление Пьера развести эти две темы и доказать, что они не связаны между собой. Рассмотрим подробнее *argumentatio* (vv. 64–72):

La meretrice che mai da l'ospizio	Развратница, от кесарских палат
di Cesare non torse li occhi putti,	Не отводящая очей тлетворных,
morte comune e de le corti vizio,	Чума народов и дворцовый яд,

См. также в эпистоле к Кангранде дела Скала: "...ad bene exordium tria requiruntur, ut dicit Tullius in nova Rhetorica, scilicet ut benivolum et attentum et docilem reddat aliquis auditorem; et hoc maxime in admirabili genere causae, ut ipsemet Tullius dicit" (Ep. XIII 49).

“De inventione” рекомендует ораторам прибегать к приемам эмоционального воздействия на слушателей в тех случаях, когда аудитория расположена к ним²⁵. Добавлю, что в нашем случае слушатели (Данте и Вергилий) расположены как раз вполне сочувственно – см. упоминавшийся выше эпизод с отломленным сучком в начале песни – и тоpos губительной *зависти* падает на благоприятную почву²⁶.

В последней части *argumentatio*:

L'animo mio, per disdegnoso gusto, Смятенный дух мой, вознегодовав,
credendo col morir fuggir disdegno, Замыслил смертью помешать злословью,
ingiusto fece me contra me giusto. И правый стал перед собой неправ.

– обсуждение переводится в плоскость *constitutio generalis*, т. е. обсуждения *качественной оценки* поступка (самоубийства Пьера). Здесь мы имеем дело уже не с *controversia de facto*, а с *generis controversia*, поиском ответа на вопрос: каково значение поступка? какого характера поступок? справедливый он или нет?²⁷

Надеюсь, даже этого очень краткого экскурса достаточно, чтобы убедиться, что в *Inferno* XIII мы имеем дело с продуманной и выстроенной в тщательном соответствии с требованиями античной судебной риторики (в плане подбора и организации аргументов) защитительной речью в лучших Цицероновских традициях. Критики, полагает Хиггинс, были введены в заблуждение уровнем *ornatus* речи Пьера, воспринятого как ненужный и чисто формальный изыск, и таким образом не придали должного значения ни профессиональной юридической компетенции оратора, ни методической строгости его аргументации, ни мастерству, с которым он манипулирует слушателями в интересах собственной защиты. Все это позволило исследователю сделать следующий вывод относительно того, почему именно делла Винья был выбран протагонистом песни, посвященной самоубийцам:

Пьер был не только известным самоубийцей, но и, что более существенно для Данте в данном случае, талантливым юристом и мастером риторики. То есть обладал необходимым Данте уникальным даром

²⁵ Согласно Цицерону, *locus communis* предоставляет опытному оратору возможность проявить во всей красе свое мастерство *ornatus*: неудивительно, что *argumentatio* Пьера перенасыщено риторическими фигурами.

²⁶ *Inf.* XIII 28–54.

²⁷ *De inv.*, I, 9.

и интеллектуального анализа, и изложения. Данте интересует моральная дилемма, с которой сталкивается самоубийца-праведник, то есть соотношения справедливости и несправедливости в акте самоубийства.

*О том, каким образом идея “De inventione”
как риторической модели Inferno XIII
меняет наше понимание песни*

Гипотеза Хиггинса пробивает серьезную брешь в аргументации сторонников теории alter ego и выводит обсуждение вопроса о риторической модели Данте на качественно новый уровень. Сосредоточив внимание на фигуре исторического Пьера и олицетворяемой им средневековой риторической традиции, комментаторы упускают из вида то, что сам Данте жил в эпоху постепенного заката влияния *ars dictaminis* и возрождения в Италии интереса к античной риторике. Самое время напомнить, что его наставник, канцлер Флоренции и выдающийся интеллектуал Брунетто Латини, сыграл важную роль в подготовке указанной «смены риторических парадигм», выступив переводчиком сразу нескольких текстов «Туллия». В частности ему принадлежат переводы трех речей, произнесенные в присутствии Цезаря (так называемые *orazioni cesariane*²⁸), а также, что гораздо важнее в ракурсе интересующего нас вопроса, первое комментированное переложение на флорентийский диалект трактата “De inventione”²⁹, получившее в переводе название “Rettorica” [14]³⁰. Таким образом, с этим сочинением Данте мог знакомиться не только на языке оригинала, но и на вольгаре. Кроме того, Брунетто внес выдающийся вклад в развитие городской политической культуры Италии XIII в., предложив новое, более отвечающее потребностям эпохи понимание риторики как синтеза средневековой и античной традиций. Как известно, в “Rettorica” он выступает не просто переводчиком, но соавтором Цицерона: его комментарии по размеру намного превосходят авторский текст. Новаторское определение риторики резюмировано, например, в следующем пассаже:

²⁸ “Pro Ligario”, “Pro Marcello”, “Pro rege Deiotaro”.

²⁹ Брунетто перевел первые 17 параграфов первой книги.

³⁰ К темам, затронутым в трактате Цицерона, Брунетто обращается и в своем оригинальном сочинении на французском языке “Le livre du trésor” («Книга сокровищ»).

Оратор – это тот, кто, хорошенько изучив это искусство, использует его затем в устных выступлениях и письменно <...> так, как делают умелые ораторы (*parlatori*) и мастера письменной *риторики* (*dittatori*), так, как поступал мэтр Пьер делла Винья, который потому был советником римского императора Фредерика Второго и повелевал и им, и империей³¹.

Приведенная цитата наглядно иллюстрирует стратегию комментатора-переводчика, активно «вписывающего» в текст Цицерона то, чего, по его мнению, этому тексту не хватает: у Цицерона, разумеется, речь идет лишь об *устном* слове и *ораторах*. Упоминание о письменной риторике и ее профессионалах (*dittatori*) – дополнение Брунетто, продиктованное стремлением адаптировать имеющуюся в его распоряжении модель (*ars dictaminis*) к меняющимся общественно-политическим потребностям. В чем же заключались эти изменения? Если коротко, в том, что начиная со второй половины XIII в. в Италии возникает спрос на мастерство устного слова и на методы обучения ему, обусловленный усложнением политических институтов итальянских городов и постепенным выделением политики в автономную публичную сферу. Возникает новый тип политика – члена многочисленных коммунальных советов, вынужденного быть искусным оратором, поскольку вся его деятельность тесно связана с участием в обсуждениях и дебатах. Участники политической жизни итальянских коммун второй половины XIII в. нуждались в новых риторических инструментах, которые традиция *ars dictaminis* (изначально возникшая как инструмент папских, императорских или сеньориальных курий) предоставить им не могла.

Текст Брунетто представляет особый интерес еще и потому, что в качестве активно продвигаемого эталона, воплощающего синтез двух традиций, в нем упомянут Пьер делла Винья. Любопытно, что авторитетный специалист по латинской средневековой литературе Фульвио Делле Донне трактует данный пассаж как доказательство влияния делла Винья и императорской канцелярии на стилистику Данте в *Inferno* XIII:

³¹ “Orator è colui che poi che elli à bene appresa l’ arte, sì ll’usa in dire et in dittare sopra le quistioni apposte, sì come sono li buoni parlatori e dittatori, sì come fue maestro Piero dalle Vigne, il quale perciò fue agozetto di Federigo secondo imperadore di Roma e tutto sire di lui e dello ‘mperio” [14 c. 5] (курсив мой. – Е. М.).

Действительно, выражения и стиль, используемые Данте в стихах, о которых идет речь, отражают и повторяют формулы и стиль, использовавшиеся Пьером делла Винья и другими чиновниками канцелярии Фридриха в официальных документах и личной переписке. Это доказывает, что Данте не только прекрасно знал тексты императорской канцелярии, но и, возможно, использовал их в качестве моделей [15 с. 112].

Не споря с тезисом о влиянии «школы делла Винья» на Данте в целом, хотелось бы все же отметить, что в данном конкретном пассаже Брунетто нет ничего, что могло бы его подкрепить. Более того, мысль Латини здесь явно движется в противоположном направлении: акцент сделан как раз на античных корнях риторической культуры Пьера, представленного его как *parlatore e dittatore*, мастер *in dire et in dittare*. И последовательность, в которой приведены ключевые для концепции Брунетто термины, и их парное использование представляются в данном случае значимыми. Более того: подчеркивая роль античной традиции в формировании эталонного *oratora* (эмблемой которого выбран Пьер), Брунетто пытается осуществить хитрый *tour de force*. Несмотря на подчеркнутую сентенциозность, перед нами не констатация некоторого факта, а перформативное высказывание, проекция субъективной концепции риторики в качестве нормативной. Недооценив специфический контекст, в котором упоминается Пьер в тексте Брунетто (перевод риторического трактата Цицерона), и прагматическое измерение переводческого проекта Латини (синтез двух риторических традиций), Ф. Делле Донне делает вывод, который в данном конкретном контексте выглядит тенденциозным. В то же время его подход является достаточно типичным в том, что касается упорного игнорирования большинством современных дантоведов античных моделей *Inferno XIII*.

Благодаря Д. Хиггинсу можно, полагаю, считать доказанным факт того, что Пьер – персонаж «Комедии» является экспертом в античной судебной риторике в меньшей степени, чем мастером *ars dictaminis*. Более того, не исключено, что именно указанный пассаж «Риторики» Б. Латини подсказал Данте идею сделать делла Винья главным персонажем песни, сюжет которой не сводится (вопреки распространенному мнению) к описанию леса самоубийц или набору христианских топосов на тему обозначенного греха. Хиггинс прав в том, что структура песни включает в себя риторическое измерение, не сводящееся к стилевому оммажу или имитации, но отчетливо отсылающее к античной судебной аргументации.

Однако соглашаясь с тем, что уникальное сочетание юридической и риторической компетенций делают Пьера идеальной кандидатурой для *Inferno XIII*, я не готова согласиться с Хиггинсом ни в том, что его роль в песне ограничена по-судейски скрупулезным определением «меры справедливости» самоубийства, ни в том, что сам Данте принимает его сторону³². Как мне представляется, в эпизоде делла Винья Данте занят не столько вынесением вердиктов, сколько исследованием диалектической, манипуляторской природы риторики, ее способности умело маскировать недостаточность логических аргументов и умения представить в удобном свете личность защищаемого/обвиняемого. Подобная трактовка не противоречит гипотезе Хиггинса: см., например, его анализ *argumentatio* Пьера через призму *locus communis*. Более того, она напрямую из нее вытекает: действительно, является ли случайностью то, что делла Винья прибегает к приему эмоционального воздействия на слушателей именно в тот момент своей «оправдательной» речи, когда касается ключевого вопроса о собственной виновности/невиновности? Но это не все: при желании намек на неоднозначный характер риторики, прибегающей к сомнительным средствам эмоционального (т. е., по Цицерону, иррационального³³) воздействия, можно усмотреть и в собственных словах Пьера (ст. 67–68):

infiammò contra me li animi tutti;
e li 'nfiammati infiammar s' Augusto
che ' lieti onor tornaro in tristi luttì³⁴,

где полиптотон (*infiammò... nfiammati... infiammar*) курсивом выделяет метафору порожденной завистниками и подчиняющей души (*animi*, имплицитно противопоставленные здесь *разуму*), цепной реакции. В данном случае, правда, не сам Пьер использует сомнительный с этической точки зрения риторический прием – он обвиняет в этом своих недругов.

³² «Если выбирать между отношением к Пьеру как тщеславному и в общем малодушному бюрократу, и тем, что видит в нем трагическую личность, наделенную интеллектуальным превосходством и мужественным характером, несправедливо обвиненную клеветниками, то именно ко второму, считаем мы, склоняется характеристика Данте» [2 с. 86–87].

³³ Цицерон, в отличие от Аристотеля, противопоставлял эмоции разуму [16 с. 403].

³⁴ ...так воспалила на меня придворных, / Что Август, их пыланьем воспылав, / Низверг мой блеск в пучину бедствий черных.

Интерес к этически спорным моментам, связанным с использованием риторики, проявляли уже античные авторы. Вопрос об эмоциях и мере допустимой апелляции к ним со стороны оратора обсуждается, например, в «Риторике» Аристотеля и «Об ораторе» Цицерона. В том, что касается ответа на него, указанные античные авторитеты занимали, как известно, противоположные позиции [16]. Притом более радикальной (и этически уязвимой) считается как раз позиция Цицерона: один из персонажей его трактата, Антоний, защищает идею, согласно которой оратор, при необходимости, может и должен блокировать рациональный мыслительный процесс слушателей путем сильного эмоционального воздействия на них. Остается добавить, что, судя по всему, это сочинение Цицерона Данте мог знать³⁵.

Предполагаемое внимание Данте к такого рода проблемам выглядит вполне понятным и естественным, если вспомнить его собственную биографию. Нетрудно представить себе, что для активного (и до определенного момента успешного) участника политической жизни Флоренции (в 90-е годы XIII в.)³⁶, члена целого ряда муниципальных советов, дипломата и «партийного идеолога» белых гвельфов [19], чья стремительная политическая карьера трагически оборвалась в результате политического переворота, вопросы, связанные с этическим измерением элоквенции, не могли не представлять особый (и даже болезненный) интерес.

Остается добавить, что, если гипотеза о внимании Данте к амбивалентной природе риторики в *Inferno* XIII верна, она не только проливает дополнительный свет на творческую лабораторию автора «Комедии», но и позволяет понять, каким множеством незаметных нитей это произведение связано с общественно-политическим

³⁵ В данном вопросе я опираюсь на авторитетное мнение Алессандро Ронкони: «Аутентичные риторические сочинения (Цицерона. – Е. М.) никогда не исчезали с горизонта Средневековья, и Данте должен был знать их, даже если сознательно цитирует он только “О нахождении”. В Италии оставались известны, как минимум в компиляциях, “Оратор”, “Об ораторе”, “Брут”, даже если полный текст получил известность лишь в начале кватроченто» [17]. Но см. также альтернативное мнение Джеймса Мерфи [18 с. 109].

³⁶ Данте дебютировал во флорентийской политике в июле 1295 г. на заседании совета подеста, на котором обсуждалась важнейшая политическая реформа институтов власти. Он был приглашен в качестве эксперта, выступившего в поддержку реформы.

и культурным контекстом своей эпохи. Данте и его современники были свидетелями и участниками множества важнейших процессов, требовавших осмысления: трансформация политического режима во Флоренции (и не только в ней), формирование новых инструментов воздействия на изменившуюся политическую реальность, гражданские междоусобицы и крушение старого привычного уклада. Мне представляется, что понять истинную роль риторики в *Inferno XIII* в отрыве от указанного контекста невозможно.

Литература

1. Dante Alighieri. *La Divina Commedia. Inferno. Commento di Anna Maria Chiavacci Leonardi*. Milano: Mondadori, 2005. 1179 p.
2. *Higgins D.H.* Cicero, Aquinas, and St. Matthew in *Inferno XIII* // *Dante Studies, with the Annual Report of the Dante Society*. Vol. 93. 1975. P. 61–94.
3. *Grévin B.* Rhétorique du pouvoir médiéval: les Lettres de Pierre de la Vigne et la formation du langage politique européen (XIIIe–XVe siècle). Rome: École française de Rome, 2009. 1023 p.
4. *Fiorentini L.* Il commento dantesco di Benvenuto da Imola. L'elaborazione letteraria delle fonti storiografiche e cronistiche. Tesi di Dottorato. Roma: Sapienza Università degli Studi di Roma, 2010. 861 p.
5. *Schaller H.M.* Pier della Vigna // *Enciclopedia Federiciana, Istituto dell'Enciclopedia Italiana Treccani*. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/pier-della-vigna_\(Federiciana\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/pier-della-vigna_(Federiciana)/) (дата обращения 9 мая 2018).
6. *Bianchini S.* La morte di Pier della Vigna tra realtà storica e “topos” letterario // *Le letterature romanze del Medioevo: testi, storia, intersezioni* / A. Pioletti (ed.). Soveria Mannelli: Rubbettino Editore, 2000. P. 63–87.
7. *La chronique de Rains*. Publiée sur le manuscrit unique de la Bibliothèque du roi par Louis Paris. Paris: Techener, 1837. 298 p.
8. *Bellomo S.* Dizionario dei commentatori danteschi. L'esegesi della “Commedia” da Iacopo Alighieri a Nidobeato. Firenze: Olschki, 2004. 415 p.
9. *Ascoli A.R.* Dante and the Making of a Modern Author. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 458 p.
10. *Fiorentini L.* Il suicidio di Per Della Vigna: variazioni narrative negli antichi commenti danteschi // *Annali dell'Istituto Italiano per gli Studi Storici*. 2012/2013. Vol. 27. P. 145–207.
11. *Hollander R.* Pier delle Vigne and Judas Iscariot: A Note on *Inferno XIII*. URL: http://www.princeton.edu/~dante/ebsa/hollander_071214.html (дата обращения 9 мая 2018).
12. *Boyd P.* *Inferno XIII* // *Cambridge Readings in Dante's Comedy*. Cambridge, 1981. P. 1–22.

13. *Paratore E.* Analisi retorica del canto di Pier della Vigna // Tradizione e struttura in Dante / Paratore E. Firenze: Sansoni, 1968. P. 178–220.
14. La rettorica di Brunetto Latini / F. Maggini (ed. testo critico). Firenze: Galletti e Cocci, 1915. 143 p.
15. *Delle Donne F.* Le parole del potere: l'epistolario di Pier della Vigna // Pier delle Vigne in catene. Sarzana, 2006. P. 111–122.
16. *Remer G.* Rhetoric, Emotional Manipulation, and Political Morality: The Modern Relevance of Cicero vis-à-vis Aristotle // *Rhetorica: A Journal of the History of Rhetoric*. 2013. Vol. 31 (4). P. 402–443.
17. *Ronconi A.* Cicerone, Marco Tullio // *Enciclopedia Dantesca*. In 6 vols. Roma, 1970. Vol. 1. P. 991–997.
18. *Murphy J.* Rhetoric in the Middle Ages: A History of Rhetorical Theory from Saint Augustine to the Renaissance. Berkeley: University of California Press, 1974. 411 p.
19. *Milano G.* Dante politico fiorentino. Dante attraverso i documenti. II. Presupposti e contesti dell'impegno politico a Firenze (1295–1302) // *Reti Medievali Rivista*. 2017. Vol. 18 (1). P. 511–563.

References

1. Dante Alighieri. La Divina Commedia. Inferno. Commento di Anna Maria Chiavacci Leonardi. Milano: Mondadori, 2005. 1179 p.
2. Higgins D.H. Cicero, Aquinas, and St. Matthew in Inferno XIII. *Dante Studies, with the Annual Report of the Dante Society*. 1975;93:61-94.
3. Grévin B. Rhétorique du pouvoir médiéval: les Lettres de Pierre de la Vigne et la formation du langage politique européen (XIIIe–XVe siècle). Rome: École française de Rome, 2009. 1023 p.
4. Fiorentini L. Il commento dantesco di Benvenuto da Imola. L'elaborazione letteraria delle fonti storiografiche e cronistiche. Tesi di Dottorato. Roma: Sapienza Università degli Studi di Roma, 2010. 861 p.
5. Schaller H.M. Pier della Vigna. *Enciclopedia Federiciana*, Istituto dell'Enciclopedia Italiana Treccani. [data obrascheniya 9 may 2018]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/pier-della-vigna_\(Federiciana\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/pier-della-vigna_(Federiciana)/).
6. Bianchini S. La morte di Pier della Vigna tra realtà storica e “topos” letterario. Pioletti A., editor. *Le letterature romanze del Medioevo: testi, storia, intersezioni*. Soveria Mannelli: Rubbettino Editore, 2000. p. 63-87.
7. La chronique de Rains. Publiée sur le manuscrit unique de la Bibliothèque du roi par Louis Paris. Paris: Techener, 1837. 298 p.
8. Bellomo S. Dizionario dei commentatori danteschi. L'esegesi della “Commedia” da Iacopo Alighieri a Nidobeato. Firenze: Olschki, 2004. 415 p.
9. Ascoli AR. Dante and the Making of a Modern Author. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 458 p.

10. Fiorentini L. Il suicidio di Per Della Vigna: variazioni narrative negli antichi commenti danteschi. *Annali dell'Istituto Italiano per gli Studi Storici*. 2012/2013; 27:145-207.
11. Hollander R. Pier delle Vigne and Judas Iscariot: A Note on Inferno XIII. [data obrascheniya 9 may 2018]. URL: http://www.princeton.edu/~dante/ebdsa/hollander_071214.html.
12. Boyde P. Inferno XIII // Cambridge Readings in Dante's Comedy. Cambridge, 1981. P. 1-22.
13. Paratore E. Tradizione e struttura in Dante. Firenze: Sansoni, 1968. Article. *Analisi retorica del canto di Pier della Vigna*. p. 178-220.
14. La retorica di Brunetto Latini. Maggini F., critical article. Firenze: Galletti e Cocci, 1915. 143 p.
15. Delle Donne F. Le parole del potere: l'epistolario di Pier della Vigna. *Pier delle Vigne in catene. Sarzana*, 2006. p. 111-22.
16. Remer G. Rhetoric, Emotional Manipulation, and Political Morality: The Modern Relevance of Cicero vis-à-vis Aristotle. *Rhetorica: A Journal of the History of Rhetoric*. 2013;31(4):402-43.
17. Ronconi A. Cicerone, Marco Tullio. Enciclopedia Dantesca. In 6 vols. Roma, 1970. Vol. 1. p. 991-97.
18. Murphy J. Rhetoric in the Middle Ages: A History of Rhetorical Theory from Saint Augustine to the Renaissance. Author. University of California Press, 1974. 411 p.
19. Milano G. Dante politico fiorentino. Dante attraverso i documenti. II. Presupposti e contesti dell'impegno politico a Firenze (1295-1302). *Reti Medievali Rivista*. 2017;18(1):511-63.

Информация об авторе

Елена Н. Мошонкина, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия; 414056, Россия, Астрахань, ул. Татищева, д. 20А; el.moshonkina@gmail.com

Information about the author

Elena N. Moshonkina, Ph.D. in Philology, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia; bld. 20A, Tatishcheva str., Astrakhan, Russia, 414056; el.moshonkina@gmail.com

Переводы

УДК 27-31

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-3-316-323

Послание Петру Дакийскому (VII) [Штоммельн, по Рождестве 1269 года]

Кристина Штоммельнская

Кристина Штоммельнская родилась в 1242 г. в деревне Штоммельн, расположенной недалеко (в северо-западном направлении) от Кельна. Происходила из многодетной семьи свободного, состоятельного крестьянина. Отец – Генрих Брузо, имя матери неизвестно. Сестры: Хилла, Гертруда; братья: Генрих, Зигвин. В 10 лет пережила мистическое обручение со Христом, причем тот ей сказал: «Пребудешь с бегинками». В 1255 г. бежала из дома родителей к кельнским бегинкам, у которых оставалась до 1259 г. Будучи из-за бурных экстатических состояний отослана из бегинажа назад, возвратилась в Штоммельн, где проживала вплоть до своей смерти. По собственным признаниям и посторонним свидетельствам, была постоянно искушаема нечистой силой, однако утешаема явлениями Христа, переживаниями сораспятия с ним и стигматизацией. Скончалась на родине 6 ноября 1312 г.

Петр Дакийский (Датчанин) родился около 1235 г. на острове Готланд и здесь же скончался в 1289 г. в городе Висбю. После вступления в орден доминиканцев (незадолго до того образованная скандинавская провинция которого была названа «Дакия») проходил в 1266–1269 гг. обучение в Кельне, а в 1269–1270 – в Париже, где в то время преподавал Фома Аквинский. С 1271 г. был лектором в городах Сконнинге и Вестерос (Швеция). Затем стал духовным руководителем доминиканской обители святого Николая в Висбю, где и скончался в должности приора. Вместе с августинцем Жаком де Витри и доминиканцем Фомой Шантимпре стал создателем благодатного жития, новой разновидности агиографического жанра, с характерным для нее интересом к внутренней жизни, а не только чудесам святого и его мистическому опыту.

Впервые Петр встретил Кристину в декабре 1267 г. В период своего ученичества в Кельне он посещал ее 13 раз. После его переезда в Париж

началась их многолетняя переписка, причем письма Петра переводил для Кристины, как и писал ее ответы ему, штотмельнский приходской священник (плебан). В 1270 г. Петр посещает Кристину два раза. Затем навещает ее только в 1279 г. Последняя их встреча состоялась в 1287 г., когда Петр возвращался с генерального капитула доминиканцев в Бордо. Наряду с Э. Штагель и Г. Сузо, М. Эбнер и Генрихом из Нёрдлингена, возможно сестрой Катрай и И. Экхартом, Петр Датчанин и Кристина Штотмельнская являются одной из знаменитых пар немецкой мистики Средневековья.

За краткими биографическими данными угадывается общий силуэт жизни Кристины, подробные и красочные свидетельства о которой содержатся в ее жизнеописании. С детства она многократно лицезрела Христа. Начиная с кельнского времени имела видения демонов. Родители обращались с ней скверно. Иногда она едва получала от них кусок хлеба. Местные бегинки считали ее святошей и шутили над ее аскезой. Когда в церкви Кристина без чувств рухнула на пол, их реакция – брезгливое отторжение – была не похожа на ту, что в подобных случаях демонстрировали южнонемецкие доминиканки из откровений и сестринских книг. Ее считали больной. В родной деревне она, по возвращении из Кельна, жила не в родной семье, а у плебана и относилась к его домочадцам. Поначалу мать плебана гордилась присутствием в доме святой, затем начались ссоры. Свидетелем одной из них поневоле стал Петр во время восьмого визита к Кристине. Он был вынужден увезти ее в Кельн, куда за ней приехал отец. Сама же Кристина на долгое время слегла. Причину ссоры мы узнаем из письма за 1278 г.: святая расточала добро и деньги плебана (содержащего, к слову сказать, у себя дома группу бегинок), так что ничего не оставалось ни матери, ни сестре. С 1268 г. Кристина вновь поселяется в доме родителей и занимается обычной женской работой: шитьем и прядением. Между тем дела в родительском доме плохи. Отец, поручитель при займе одного из друзей у еврея, скрывается после невыплаты долга. Мать, навещая его, тяжело ранит руку и лечится у кельнских врачей, долго и дорого. В 1278 г. умирает отец, и хозяйство приходит в упадок. Вместе со своим братом Зигвином Кристина пытается наладить дела, но отказывается от намерений после того, как во время эпидемии 1281 г. одна за другой пали пять их лошадей. За год до кончины отца умирает плебан, и ее, полуграмотную, с 1279 г., по просьбе Петра, окормляет магистр Иоанн, который со временем рукополагается во диакона и священника. В 1280-е гг. Кристину несколько раз приглашают в Швецию, но она остается на родине. Особенно тяжелым для нее оказался 1288 г. – из-за затяжного и сильного кровотечения (климакса), избавившись от которого, она утратила сверхъестественные созерцания. Без них она прожила еще 24 года.

Все материалы, связанные с Кристиной Штотмельнской, собраны в так называемом «Юлихском кодексе» (Codex Juliacensis), в рукописи

№ 559 Епископского епархиального архива в Ахене (Handschrift Nr. 559 des Bischöflichen Diözesanarchivs Aachen). Рукопись состоит из трех частей:

1. «Книга первая о добродетелях невесты Христовой Кристины, составленная братом Петром из Ордена проповедников» включает в себя стихотворный панегирик Кристине (43 леонинских гекзаметров) и его дословное философско-богословское толкование (*Petrus de Dacia. De gratia naturam ditante sive de virtutibus Christinae Stumbelensis* / M. Asztalos (ed.). Stockholm, 1982);

2. «Книга вторая о житии благословенной девы Христовой Кристины» объединяет в себе две части: 15 сообщений Петра о его посещениях Кристины и 63 послания разным лицам; сюда же входит повествование о детстве Кристины, записанное в 1270 г. по просьбе Петра школьным учителем и впоследствии штommelельским капелланом Иоанном [*Petrus de Dacia. Vita Christinae Stumbelensis* / J. Paulson (ed.). Frankfurt am/M.; Bern; New York, 1985. (Nachdr. der Ausgabe 1896)];

3. «Книга третья о сугубых страданиях благословенной девы Христовой Кристины, каковую составил магистр Иоанн, капеллан девы» содержит в себе записи откровений Кристины за 1279–1287 гг., сделанные упомянутым Иоанном и, по-видимому, знакомые Петру лишь фрагментарно в эпистолярном виде (*Acta Sanctorum* / Jean Bollandus (ed.). In 70 t. Paris: Venedig, 1643–1870. P. 344–409).

Указанные части были сведены воедино уже после кончины Кристины, около 1340 г.

Перевод послания VII Кристины Штоммельнской Петру Дакийскому выполнен по изданию: *Petrus de Dacia. Vita Christinae Stumbelensis* / J. Paulson (ed.). Frankfurt am/M.; Bern; New York, 1985. (Nachdr. der Ausgabe 1896). S. 82–88, в соответствии с рукописью: Hs. № 559 des Bischöflichen Diözesanarchivs Aachen.

Своему искренне любимому другу и достойному всякого доверия отцу во Христе, брату Петру Дакийскому в Париже, свидетельствует его дочь великое расположение и посвящает молитвы. Драйжайший, не могу отблагодарить Вас в достаточной мере за письма, каковые Вы мне посылали во множестве с тех пор, как уехали. Знайте, среди радостей, приходящих извне, мне неведомо большей отрады, чем слышать о Вас. Потому-то я не умею внимать читающим Ваши послания, чтобы не плакать. Я их все собрала и храню до Вашего возвращения. Есть у меня и Ваше письмо от среды после воскресенья *Gaudete*¹, в котором Вы жалуетесь, что Вас не оповестили о недавно присланных дарах и о моем самочувствии. Вам следует знать, что посланник тогда слишком быстро ушел. Знайте также, что я писала бы Вам гораздо чаще о том, как себя чувствую, будь у меня в распоряжении письмоносец. Братское послание Вашего Ордена² теперь у меня. Я сердечно благодарна Вам за него.

Вы справляетесь о выпавших мне на долю напастях, о каковых охотно хотели бы знать. Знайте же, что перед днем Всех святых³ у меня целых четырнадцать дней было особое искушение. Мне вдруг показалось, что все молитвы мои я творю во имя [некоего] демона. Сие страдание для меня было чрезмерно большим. Все, что я говорила, говорил также и демон. Вам ведь известно, сколь обыкновенно сильны у меня искушения. При возношении Даров я не сумела узреть тела Господня. Пред моими очами явился демон и произнес: «Погляди! Видишь, что твой Бог – это я?» И едва я хотела преклонить колена мои, он так сильно ударил меня ими об пол, что я не могла сойти даже с места. В среду пред праздником, пока я была в храме, он явился, вышвырнул две сельди из миски, нагадил в последнюю, закинул ее с нечистотами в затворенную келью и всю перепачкал. А еще сказал, что стащил у одной старой бегинки, которая ревнует ко мне, из затвора внутри реклюзория X кельнских солидов и бросил их к проповедникам⁴ в отхожую яму. Эта самая

¹ Радуйтесь (*лат.*).

Воскресение Gaudete. – Третье воскресенье Адвента, названо по начальному стиху входной (интроита) этого дня: «Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь <...> Господь близко» (Флп. 4: 4–5).

² *Братское послание Вашего Ордена...* – Послание, в котором устанавливалось молитвенное общение между доминиканцами и Кристиной.

³ *День Всех святых.* – 1 ноября 1269 г.

⁴ *...стащил у одной старой бегинки ~ из затвора внутри реклюзория X кельнских солидов и бросил их к проповедникам...* – ChrS. 83, 16–18. Бегинка (*лат.* *begina*). Затвор (*лат.* *clausura*). Реклюзорий (*лат.* *recluserium*) здесь

бегинка потом обнаружила, что так оно и случилось. В ту ночь я оставалась с моим отцом и моими друзьями во храме. Ночью демон переломал мне все члены и стянул у меня с ноги башмачок. Сей башмак он затем швырнул, так что всем было видно, в доме отца моего в голову одному из служителей. Он с таким грохотом проломил внутрь дома одно из окон, что мой брат из-за этого едва не лишился рассудка. Когда я однажды молилась, он поранил меня железкой у носа, и из него закапала кровь. В канун Всех святых он покинул, с великим шумом и гадя повсюду, наш реклюзорий – в присутствии Хиллы из Ингедорфа и [нескольких] затворниц вслух назвал имя свое: «Берлабам»⁵ и пропал. А в день Всех святых я осталась вовсе без утешения Божия, да и потом нечасто его достаивалась.

С этого времени и даже до самого Рождества я постоянно пребывала в сомнении, чего прежде со мной никогда не случалось. Сие искушение состояло вот в чем: в сердце моем беспрерывно восходили мысли о Боге, что Он устроен-де так, как и любой другой муж⁶. (Об этой напасти не должен знать ни один человек, кроме Вас.) Из этих помыслов затем возникали другие. Так, например, мне пришло в голову, что мой небесный Возлюбленный меня не достоин, хотя оное мне было крайне противно и невыносимо томило меня. Демон хотел, чтобы сердце мое прокляло Бога и поругалось над святым Его именем. Многие лица, а меж ними и иные из Ваших собратьев, слышали позже, как демон вещал из моих уст воушию всех против Бога. Тем самым Жених мой, оказавший мне столь много добра, сделался для меня недостойным и тем как бы, кто исполнен

идентичен бегинажу, который, как полагает Кр. Рурберг, размещался в доме плебана, назывался «familia» и представлял собой свободную общину бегинок [*Ruhrberg Chr. Der literarische Körper der Heiligen. Leben und Viten der Christina von Stommeln (1242–1312). Tübingen; Basel, 1995. P. 110*]. Солид (*lat. solidus* – твердый, прочный, массивный), германизированное название «шиллинг». В эпоху высокого Средневековья приравнивался к 12 денариям (*lat. denarius* – состоящий из десяти), в Германии – к 12 пфеннигам. Проповедники (*lat. praedicatores*) – доминиканцы, члены ордена проповедников (*lat. Ordo fratrum praedicatorum*).

⁵ «Берлабам» (berlabam). – ChrS. 83, 28. Ср. имена чертей в позднесредневековых играх о Фаусте: Берлипп и Барлапп.

⁶ ...*Он устроен-де так, как и любой другой муж* (qualiter ipse esset dispositus sicut alius vir). – ChrS. 84, 4. Следует понимать как эвфемистическое обозначение навязчивой сосредоточенности на половых признаках Христа, откуда становится понятна скрытность и стеснительность Кристины.

неприязни к другому. Противясь сему, я страдала, да так, что кровь у меня изливалась из уст и из носа. То же случилось со мной при причастии. Сколь велика была моя скорбь из-за этого, Вы можете представить себе. Я на это Вам жалуюсь, ибо Вы преданы мне, и без конца сокрушаюсь, вспоминая о том, как некогда было между мной и моим Женихом. Всякое утешение и наслаждение вдруг стало для меня сплошной печалью.

Другое искушение, бывшее у меня, относится к моему господину священнику⁷. Что б сей ни делал – слушал ли мою исповедь, давал ли мне тело Господне, – ничто, что в прочие времена доставляло мне радость, мне было не впрок. Он и сам начал казаться мне недостойным. Сверх всех этих невзгод было у меня еще одно искушение, о котором я не говорила ни господину священнику, ни кому-то еще, да и не могла рассказать. Молите же Господа за меня по причине сего искушения, ибо я надеюсь на Вас.

Касательно моих внешних страданий сообщая Вам следующее. Сразу после первого воскресенья Адвента явился демон, так сокрушая двери, ведущие в дом, что все, кто в нем находился, начали думать, что дом вот-вот рухнет. Сей притащил с собой голову мертвеца и принялся ею швыряться туда и сюда, страшно смотря на меня из ее отверстий для глаз. Потом он бросил сей череп Гертруде, сестре священника, в голову, нашему работнику в бок и, закрепив его на шее работника, наконец, оставил у нас. Почти весь приход дивился сему. (Священник мне говорил, что демон порой полагал голову наземь, порой поднимал ее над крышею дома, как только хотел.) Затем он многократно бросал ужасными камнями моему отцу в голову и нанес ему пару ран на руке. Сестре же священника Гертруде сильно расшиб лоб. Одна еврейка, как раз пришедшая к нам, демона совсем не боялась и утверждала, что тот не осмелится к ней подступиться. Так вот, сей швырнул ей в голову камень огромных размеров. Что демон изранил многих людей, в том числе стоявших возле меня, причинило мне немалую скорбь. Потом он метнул большой камень меж двумя проповедниками, Генрихом из Бедбурга и Николаем. Приору из Браувайлера зубами нанес на руке XI ран. Еще причинил тяжкую рану брату Иоанну из Мүффендорфа, укусил за руку священника – я видела рубец от укуса в три пальца длиной поверх сустава сжатого кулака – и другого

⁷ *Священник*. – Букв.: «плебан» – *лат.* «*plebanus*» (ChrS. 84, 25). Плебан (от *лат.* *plebs*) – приходской священник, не стоящий в зависимости от того или иного монастыря (ср. капеллан обители Энгельталь Фр. Зундер), народный.

монаха V раз, одну бегинку из Браувайлера и, наконец, Адольфа, Вашего сына, школяра господина декана Кельнского собора.

Потом демон принялся за меня. Швырял камнями мне в голову и четырежды ранил, VI раз бросал меня на колена и один раз поранил, а затем нанес пять ран на спине. Одну рану процарапал на колене черепком от кувшина, угодил четырехфунтовым булыжником мне между плеч, так что меня начало тошнить кровью, и, наконец, стал метать разные камни пяти разновидностей и кости животных. Пять раз на глазах у детей он стягивал мне веревкой пальцы и голени даже до истечения крови. Пальцы же на ногах сдавил, словно железной ладонью, да так, что из-под ногтей брызнула кровь. Стиснув руку мою, он ее вывихнул. Но особая пытка, продолжавшаяся в течение всего этого времени, состояла в том, что демон наносил мне зубами бесчисленное множество ран на спине, а потом вновь и вновь впивался в эти самые раны, пока бока и спина не начали кровоточить. Удивительным образом он обкусал мне и ноги, причем оба ряда зубов встречались у меня друг с другом под кожей. Широко отворив пасть, повторял укусы в икры и в щиколотки. Всякий, кто видел, как из них бежит кровь, не сумел удержаться от слез.

На последней неделе он притащил ободранную кошку, засунул мне ее в рот и оставил торчать, а на следующий день запихнул в уста кошачью голову. Сии стали так кровоточить, что стоявшие кругом увидели, как из них капает кровь. Он засовывал в рот мне и куски мяса павших животных. Своими ногами вдавил меня в кресло, и никто не мог его с меня снять. В присутствии братии подпалил на спине верхнее платье и оставил лишь малый лоскут вокруг шеи. Да и нательное платье тоже сжег и порвал. Мою лучшую нижнюю рубашку⁸, едва я с себя ее совлекла, он у меня отобрал. И это в присутствии посторонних! Залил мне в уста незримую серу, так что кроме ее вкуса я ничего другого не чувствовала. Всю ночь напролет он являлся в образе пламени и словно метал мне его в рот. Являлся и в прочих обличьях: с чудовищными зубами, делая вид, что собирается меня вот-вот проглотить. Сие нагнало на меня великого страха. Было слышно, как раздаются какие-то звуки, то ли мычание быка, то ли бляение барана. Нередко он заводил разговоры о возвышенных предметах веры и приводил при этом места из Писания. У меня, однако, нет времени, чтобы Вам про все написать.

Любезнейший, Вы едва ли сможете представить себе, сколь для меня все это было мучительным. К тому же в сих испытаниях при мне не было Вас, неизменно мне преданного. Сердце мое истекает

⁸ *Нательное платье, нижняя рубашка.* – В обоих случаях туника (tunica).

слезами, и нет им числа, когда я подумаю, каким добрым, милосердным, полезным помощником были Вы для меня. Еще и еще раз приходится мне жаловаться Вам на отдаленность Возлюбленного моего. Вот горесть, и меня в ней не понимает ни один человек, как разумеете Вы. Впрочем, теперь снова начинает брезжить ясный день⁹.

Благодарю Вас за присланное платье¹⁰, оно мне весьма дорого, а равно и за другие дары. Прислав их, Вы дали понять, что исполняете все, что мне во благо. Благодарю Вас не только за то, что Вы сделали для меня, но также за то, что делаете всем моим близким. Пишу сие Вам как преданному мне человеку. Блага Вам, возлюбленный в Господе! Молитесь об отце моем и о матери! Что на сердце у меня, о том я Вам не могу написать, по причине стыдливости, которую Вы за мной знаете.

[Приписано священником Иоанном.] Плебан просит Вас принять к сведению следующее. Брат Петр, Вам следует знать, что дочь Ваша Кристина благополучно освободилась [от искушений] в канун Рождества. В присутствии и воушию многих – брата Герхарда из Грайфа и брата его, далее, приора из Браувайлера, его присных и прочих – демон выкрикнул, что Бог благ, а сам он-де лгал, и что зовут его «Трясуном»¹¹. Сия была освобождена и от других искушений, и благодать Божья вновь почилла на ней в былом изобилии.

*Предисловие, перевод с латинского
и комментарии М.Ю. Реутина*

⁹ *Впрочем, теперь снова начинает брезжить ясный день* (tamen nunc aliquantulum dies clara effulsit). – ChrS. 87, 20–21. Судя по контексту, имеется в виду, что описанные выше искушения Кристины начинают проходить.

¹⁰ *Платье* (tunica). – ChrS. 87, 10. Букв.: исподнее. См. примеч. 8 к посланию Кристины Штоммельнской. Ср. также обмен исподним (sclafrock), имевший место между М. Эбнер и Генрихом Нёрдлингенским и зафиксированный в их переписке.

¹¹ *...зовут его «Трясуном»* (scutericht appellaretur). – ChrS. 87, 25. Имя образовано от глагола schütten (schüten, schütlen, schut(t)en) – трясти, колебать, сотрясать.

Художник *В.В. Сурков*

Корректор *И.В. Бабкина*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Подписано в печать 27.04.2018.

Формат 60×90^{1/16}.

Усл. печ. л. 10,6. Уч.-изд. л. 11,1.

Тираж 1050 экз. Заказ № 227

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»
выходит 12 раз в год.

Подписка принимается
всеми отделениями связи без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 70969
Не забудьте своевременно подписаться
на наш журнал!
